

БЕЛОЕ ДЕЛО

В РОССИИ: 1917-1919 гг.

ВАСИЛИЙ ЦВЕТКОВ

Василий Цветков

Белое дело в России: 1917-1919 гг.

«Яуза»

2019

УДК 94(47+57)"1917/19"
ББК 63.3(2)611

Цветков В. Ж.

Белое дело в России: 1917-1919 гг. / В. Ж. Цветков — «Яуза»,
2019

ISBN 978-5-6040916-8-5

Эта книга – самое фундаментальное, информативное и подробное исследование, написанное крупнейшим специалистом по истории Белого движения и Гражданской войны в России. Всё о формировании и развитии политических структур Белого движения – от падения монархии к установлению власти Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака и до непоправимых ошибок белых в 1919 г. На основе широкого круга исторических источников доктор исторических наук, профессор В.Ж. Цветков рассматривает Белое движение как важнейший военно-политический элемент «русской Смуты» начала XX столетия. В книге детально анализируются различные модели белой власти, история взаимодействия и конфликтов между разнообразными контрреволюционными и антибольшевистскими движениями в первый период Гражданской войны.

УДК 94(47+57)"1917/19"
ББК 63.3(2)611

ISBN 978-5-6040916-8-5

© Цветков В. Ж., 2019
© Яуза, 2019

Содержание

Предисловие	6
Часть I	8
Раздел 1	9
Глава 1	9
Глава 2	29
Раздел 2	53
Глава 1	53
Глава 2	86
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Василий Цветков

Белое дело в России: 1917–1919 гг

*Эрнсту Михайловичу Щагину
и Сергею Владимировичу Карпенко.
Моим учителям посвящаю*

Московский педагогический государственный университет

Монография.

Издание второе, исправленное и дополненное.

Научные рецензенты:

Доктор исторических наук, член-корреспондент РАО А. В. Лубков

Доктор исторических наук Д. О. Чураков

Разделы 1-й книги (в частности раздел по организации судебной системы в 1918–1920 гг.), готовились к изданию в рамках работы над проектом № 33.12891.2018/12.1 «Подготовка и выпуск многотомного издания “История России”» Министерства образования и науки России

Предисловие

Историческое наследие XX века, «века войн и революций», отличается множеством перемен в развитии российской государственности. Перемен как радикальных, революционных, так и постепенных, эволюционных, но не менее значимых по своим последствиям. Поступательная эволюция системы власти в Российской Империи, прерванная катастрофическими событиями «второй русской смуты»; жесткий политический режим 30-х; сплоченная единой целью победы над врагом система военного и политического руководства в годы Великой Отечественной войны; сформировавшаяся модель «развитого социализма»; ожидания, во многом несбывшиеся, «демократизации социалистических отношений» середины 80-х; трагический «разлом» системы в начале 90-х; наконец, постепенное возрождение новой России в новом столетии – все это важнейшие этапы истории нашего Отечества.

Революционные события 1917 г. и гражданской войны – этап всемирного исторического значения, актуальность его изучения сохраняется до сих пор. В этот период российская государственность перенесла тяжелейшие испытания. После гибели Империи, тысячелетней монархии, многим казалось невозможным возрождение страны. Показательны слова У. Черчилля, сравнивавшего тогда Россию с «ледяной пустыней», гигантским зверем, непредсказуемым в своей жестокости, угрожавшим обескровленной Первой мировой войной Европе. Период 1917–1922 гг., от падения Российской Империи до образования Советского Союза, был, в сущности, временем поиска новых форм управления, активного политического творчества, создания и разрушения различных государственных моделей. Многие из них в измененном виде проявлялись и в последующие исторические периоды (например, «областная автономия», структуры самоуправления казачьих войск, принципы сочетания федеративных и унитарных форм государственного устройства).

По сути, это был период существования, условно говоря, «двух России», двух государственных систем – советской и белой. Каждая из этих систем обладала всеми атрибутами государственного суверенитета – структурами управления и самоуправления, вооруженными силами, территорией, собственной правовой организацией, законодательством и, что наиболее важно отметить, народной поддержкой, поддержкой определенной части населения. Добиться примирения между ними было невозможно, поскольку каждая из этих систем предполагала свое дальнейшее существование только путем уничтожения противостоящей.

В этой связи употребляемая нередко фраза «в гражданской войне ни одна из сторон не может быть правой» должна быть изменена так: «в гражданской войне обе стороны правы». И «красные», и «белые» опирались на свою, вполне сложившуюся систему ценностей, свою «правду», во многом уникальную политикоправовую сущность.

Примером, когда подчас нарушаются принципы историзма в соотнесении события и его трактовки, можно считать надуманное, но, к сожалению, довольно популярное в настоящее время отождествление Белого движения с коллаборационизмом. Русская эмиграция нередко едва ли не поголовно записывается в стан «союзников Гитлера» и т. д. Не описывая подробно участия более чем 6 тысяч бывших «русских белых» в Движении Сопротивления во Франции, не вспоминая десятков и сотен деятелей русской эмиграции, противостоявших нацизму (это тема для многих отдельных исследований), отметим лишь следующий, принципиально важный момент. Коллаборационистские режимы создаются после оккупации той или иной территории враждебной иностранной державой, которая, собственно, и формирует эти структуры с выгодой для себя. Первична иностранная оккупация, вторичны коллаборанты. Белое движение возникает исключительно на русской почве, вне зависимости от ввода войск, оккупации той или иной иностранной державы. Напротив, иностранные державы приглашаются белыми режимами в качестве помощников в «борьбе с большевизмом». Первично, таким образом,

сопротивление, вторична иностранная помощь. Она и не становится главной в российской гражданской войне. Интервенты приходят и уходят, а гражданская война существует и продолжается без них. Что же касается Второй мировой войны, то она включала в себя элементы гражданской войны, но не более того...

При оценке событий гражданской войны никоим образом не следует применять современные критерии, обусловленные политической конъюнктурой. Только так возможно понимание тех особенностей, специфических условий, в которых происходило становление советской власти и Белого движения.

Часть I

БЕЛОЕ ДЕЛО В РОССИИ. 1917–1918 гг

(формирование и эволюция политических структур Белого движения в России)

Надо утвердить порядок, пресекающий возврат большевизма слева и проявление большевизма справа... Революцию надо преодолеть, взяв у нее ее достижимые цели и сломив ее утопизм, демагогию, бунтарство и анархию непреклонной силой власти.

(Из резолюции совещания ЦК партии народной свободы 29–30 июня 1919 г. в г. Екатеринодаре)

Мы понимаем «контрреволюцию» как одну из сторон диалектически развивающегося процесса революции.

(Генерал И. И. Головин)

В первой части монографического исследования рассматриваются особенности процесса формирования и развития политических структур российского Белого движения в период от отречения Государя Императора Николая II и выступления генерала Л. Г. Корнилова до формирования Уфимской Директории и установления власти Верховного Правителя Российского государства адмирала А. В. Колчака осенью 1918 г. Анализируются вопросы политико-правового статуса структур контрреволюции, антибольшевистского и Белого движений, их взаимодействие и конфликты в первые периоды гражданской войны в России.

Раздел 1

Определение и характеристика Белого движения в Гражданской войне в России, краткая периодизация, военная и политическая специфика

Глава 1

Белое движение в России – понятие, особенности понятийной характеристики. Источники и историографический обзор в изучении определений и терминов

Актуальность обращения к истории Белого движения объясняется в значительной мере запоздалостью его объективного изучения. Длительное время в отечественной историографии значительное место занимали исследования, посвященные становлению и развитию советской государственной модели, особенностям партийно-государственного строительства в СССР и в Советской России, и только в «постперестроечные» годы активизировались исследования и опубликовано уже немало работ по истории противобольшевистских, оппозиционных советскому режиму движений и организаций, в том числе и по истории Белого движения.

Интерес к событиям почти уже 100-летней давности не ослабевает. В научный оборот постоянно вводятся новые источники. Источниковедческая база для исследования Белого движения весьма обширна и далеко не исчерпана. Это, безусловно, способствует изменению тех или иных оценок и концепций, как утвержденных в советской историографии, так и сложившихся за последние годы. Новые источники позволяют существенно их корректировать. При этом исторические исследования не должны следовать политической, одномоментной конъюнктуре, представлять интересы каких-либо партий и организаций или отражать субъективные взгляды отдельных историков, публицистов или исторических писателей.

Из полузапретной темы освещение Белого движения стало одним из важных направлений в историографии новейшей отечественной истории. Особенно заметны успехи в изучении истории образования отдельных «белых регионов» и их режимов, а также хода военных событий. Есть заметные достижения в изучении персоналий – участников Белого дела. Продолжает сохранять большое значение публикация документальных материалов, среди которых различного рода официальные заявления, декларации белых правительств, источники частного характера, переписка, воспоминания и дневники.

Немаловажным направлением в исторических исследованиях остается изучение Белого движения как цельного социального и, что особенно важно, военно-политического феномена российской истории XX века. Невозможно отделить ход военных событий от политических. Успехи или поражения на фронтах непосредственно влияли на положение белого тыла, выбор той или иной модели политического управления. Белые режимы, не в пример противостоявшей им партийно-советской системе, отличались значительной изменчивостью, что особенно четко проявилось на завершающем этапе движения. Политики и военные белого лагеря пытались изменить формы и методы руководства, приспособиться к переменчивой военной обстановке и вместе с тем создавать достаточно прочную структуру власти, способную не только «победить большевизм», но и стать основой для новой «Национальной России».

Специфической особенностью Белого движения было его стремление к самоопределению в качестве правовой альтернативы советской власти, возникшей, как отмечали многие белые политики, в условиях «пренебрежения правом». Поэтому наряду с военно-политическим в данной монографии рассматривается также и политико-правовой статус Белого движе-

ния, особенности законосовещательных, законодательных, исполнительных и судебных структур, а также правовых норм, на которых основывалась деятельность белых правительств.

Хронологические рамки исследования охватывают период от момента отречения Государя Императора Николая II до ликвидации Приамурского Земского Края и окончания «Якутского похода» генерал-лейтенанта А. Н. Пепеляева (март 1917 г. – ноябрь 1922 г. – лето 1923 г.). Общие хронологические рамки включают в себя также отдельные периоды формирования, эволюции политического курса Белого движения и его завершения на территории России (нужно учитывать их несовпадение с хронологическими рамками гражданской войны).

В этой связи представляется возможным обозначить следующую периодизацию Белого движения в 1917–1922 гг., взяв за основу политико-правовой критерий в его формировании и развитии. Период лето 1917 г. – зима 1917/18 г. следует считать периодом начала формирования Белого движения. Зарождение элементов будущего Белого движения, его первых программных положений правомерно считать с начала противодействия политике Временного правительства и Советов летом 1917 г. В подготовке выступления Верховного Главнокомандующего генерала от инфантерии Л. Г. Корнилова принимали участие представители военных кругов (Союз офицеров армии и флота, Союз воинского долга, Союз казачьих войск) и политических (Республиканский Центр, Бюро Законодательных Палат, Общество экономического возрождения России). Июльский кризис Временного правительства, выход министров-кадетов из его состава, активизация общественно-политических структур, контрреволюционных по своей сути, также содействовали зарождению Белого движения. Главным же, решающим импульсом в развитии Белого движения стали приход к власти большевистской партии в октябре 1917 г., падение Временного правительства, отказ от признания советской власти структурами прежней политической системы, роспуск Всероссийского Учредительного Собрания.

Второй период, который можно датировать весной – осенью 1918 г., отличался становлением структур Белого движения и постепенным выделением его из общего контрреволюционного движения. Военным центром Белой армии стала т. н. Алексеевская организация, сформированная по инициативе генерала от инфантерии М.В. Алексеева в Ростове-на-Дону. Действия в борьбе с советской властью предполагалось вести совместно с южнорусским казачеством под эгидой создаваемого Юго-Восточного Союза, имевшего военную (в частности, Алексеевская организация, переименованная в Добровольческую армию) и гражданскую власти (представители донского, кубанского, терского и астраханского казачьих войск, а также Союза горцев Кавказа).

Первым белым правительством можно считать Донской Гражданский Совет, в состав которого вошли генералы Алексеев, Корнилов, донской атаман генерал от кавалерии А. М. Каледин, а также П.Н. Милюков, Б. В. Савинков, П.Б. Струве и другие известные политики. В первых политических декларациях (т. н. Конституция Корнилова, Декларация об образовании Юго-Восточного Союза и др.) провозглашалась непримиримая вооруженная борьба с советской властью, а после ее завершения – созыв Всероссийского Учредительного Собрания (на новых выборах основаниях) и решение основных экономических и политических вопросов.

В течение весны – лета 1918 г. сформировались и другие очаги сопротивления советской власти, ставшие позднее элементами всероссийского Белого движения. В Москве, Петрограде и Киеве создались коалиционные межпартийные объединения, обеспечившие политическую поддержку Белому движению. Наиболее крупными из них стали либеральный Всероссийский Национальный Центр (ВНЦ), в котором большинство имели кадеты, левоцентристский Союз Возрождения России, а также Совет Государственного Объединения России, включавший представителей Бюро Законодательных Палат Российской Империи, Союза торгово-промышленников, Священного Синода. Наибольшим влиянием пользовался ВНЦ, а его лидеры Н. И. Астров и М. М. Федоров фактически направляли работу Особого Совещания при командую-

щем Добровольческой армией (позднее – Особое Совещание при Главнокомандующем Вооруженными Силами Юга России (ГК ВСЮР).

Большое значение на данном этапе имела помощь иностранных государств – членов Антанты, рассматривавших после заключения Брестского мира войну с большевиками как продолжение войны со странами Четверного Союза. В Архангельске в апреле 1918 г. при поддержке союзников образовалось Верховное управление Северной области. Высадка союзных десантов во Владивостоке в июне и выступление Чехословацкого корпуса в мае – июне 1918 г. способствовали началу вооруженного антибольшевистского сопротивления на Востоке России. На Южном Урале еще в ноябре 1917 г. против советской власти выступили оренбургские казаки во главе с атаманом А. И. Дутовым. На Востоке образовалось несколько правительственных структур: Уральское областное правительство, Временное правительство автономной Сибири (позднее – Временное Сибирское (областное) правительство). Временный Правитель на Дальнем Востоке генерал-лейтенант Д.Л. Хорват возглавил т. н. Деловой кабинет. Во второй половине 1918 г. антибольшевистские восстания вспыхнули на Тереке, в Туркестане образовалось Закаспийское правительство.

В сентябре 1918 г. на состоявшемся в Уфе Государственном Совещании была избрана Директория, провозгласившая преемственность от Временного правительства 1917 г. и разогнанного Учредительного Собрания. Был образован Съезд членов Учредительного Собрания (созыва 1918 г.), призванный восстановить работу российской Конституанты в январе – феврале 1919 г. Однако 18 ноября 1918 г. в Омске произошел переворот, в ходе которого Директория была свергнута. Совет министров Временного Всероссийского правительства передал власть адмиралу А. В. Колчаку, провозглашенному Верховным Правителем России и Верховным Главнокомандующим Российскими армией и флотом.

Приход к власти Колчака означал окончательное установление режима Белого движения, возглавляемого единоличной властью во всероссийском масштабе, с опорой на структуры исполнительной власти (Российское правительство – Верховный Правитель и Совет министров во главе с П.В. Вологодским) и при представительстве общественности (Государственное Экономическое Совещание в Сибири, земские, партийные собрания и др.). Начался второй период в истории Белого движения (с ноября 1918 г. по март 1920 г.). Власть Верховного Правителя России была признана генералом Деникиным, Главнокомандующим Северо-Западным фронтом генералом от инфантерии Н. Н. Юденичем и правительством Северной области. Установилась структура белых армий. Наиболее многочисленны были силы Восточного фронта. В конце 1918 г. – начале 1919 г. сформировались Вооруженные Силы Юга России под командованием генерала Деникина, войска Северной области (генерал-лейтенант Е. К. Миллер) и Северо-Западный фронт (генерал Юденич). В оперативном отношении все они подчинялись Верховному Главнокомандующему адмиралу Колчаку.

Продолжалась и координация политических сил. В ноябре 1918 г. в г. Яссы прошло Политическое Совещание трех ведущих политических объединений России: Совета Государственного Объединения (СГОР), Национального Центра и Союза Возрождения России (СВР). После провозглашения Колчака Верховным Правителем были предприняты попытки международного признания России на Версальской мирной конференции, где работало утвержденное Колчаком Русское Политическое Совещание.

Третий период следует определять как время между осенью 1918 г. и осенью 1919 г., когда проходили координированные выступления белых фронтов (период 1-го и 2-го «походов Антанты» в советской историографии). На самом же деле координация усилий между белыми фронтами была значительно большей, чем между ними и странами Антанты. В марте – июне Восточный фронт по расходящимся направлениям наступал на Волгу и одновременно на Каму – на соединение с Северной армией. В июле – октябре были проведены два наступления на

Петроград Северо-Западного фронта (в мае – июле и в сентябре – октябре), а также поход на Москву Вооруженных Сил Юга России (в июле – ноябре).

К осени 1919 г., после крупных поражений белых армий, страны Антанты отказались от активной военной поддержки Белого движения, продолжались лишь незначительные поставки вооружения, выдача небольших кредитов и контакты с белыми правительствами на уровне отдельных военных и дипломатических представителей.

В самых общих чертах программа Белого движения, окончательно сформировавшаяся в течение 1919 г., предусматривала «непримиримую вооруженную борьбу с советской властью», после ликвидации которой предполагался созыв всероссийского Национального Учредительного Собрания, избираемого по мажоритарным округам на основе всеобщего, равного, прямого (в крупных городах) и двухступенчатого (в сельской местности) избирательного права при тайном голосовании. Выборы и деятельность Всероссийского Учредительного Собрания 1917 г. признавались нелегитимными, поскольку произошли после «большевистского переворота». Новое Собрание должно было разрешить вопрос о форме власти в стране (монархия или республика), выбрать главу государства, а также утвердить проекты социально-политических и экономических реформ. До «победы над большевизмом» и созыва Национального Учредительного Собрания высшая военная и политическая власть должна была принадлежать Верховному Правителю России. Реформы могли только разрабатываться, но не осуществляться (принцип «непредрешения»). В целях укрепления региональной власти до созыва Всероссийского Собрания допускался созыв местных (областных) собраний, призванных быть законодательными органами при единоличных правителях.

В национальном устройстве провозглашался принцип «Неделимой России». При этом допускалась независимость только тех частей бывшей Российской Империи, которые были фактически и юридически признаны ведущими мировыми державами или в отношении которых уже имелись решения царского и Временного правительств (Польша, Финляндия). Остальные государственные новообразования на территории бывшей Российской Империи (Украина, Горская республика Закавказья) либо не признавались независимыми вообще (для них допускалась лишь «областная автономия»), либо признавались, в силу военно-политической необходимости, отдельными актами (независимость Эстонии, утвержденная Северо-Западным Правительством, но не признанная Колчаком). Это, конечно, не исключало возможности будущего юридического признания, санкционированного Учредительным Собранием. За казачьими войсками сохранялось право иметь собственные органы власти, вооруженные формирования, но только в пределах общероссийских структур.

В 1919 г. проводилась разработка общероссийских законопроектов по аграрной и рабочей политике. Законопроекты по аграрной политике сводились к признанию крестьянской собственности на землю, а также «частичному отчуждению помещичьей земли в пользу крестьян за выкуп» (Декларации по земельному вопросу правительств Колчака и Деникина (март 1919 г.)). Сохранялись профсоюзы, право рабочих на 8-часовой рабочий день, на социальное страхование, на забастовки (Декларации по рабочему вопросу (февраль, май 1919 г.)). Полностью восстанавливались права собственности бывших владельцев на городскую недвижимость, на промышленные предприятия и банки.

Предполагалось расширение прав местного самоуправления и общественных организаций, при этом политические партии не участвовали в выборах, их заменяли межпартийные и беспартийные объединения (муниципальные выборы на Юге России в 1919–1920 гг., выборы Государственного Земского Сопровождающего в Сибири осенью 1919 г.).

Белое движение проводило репрессивную политику, не носившую, однако, характера «подавления сопротивления классов». Вводилась уголовная ответственность (включая смертную казнь) в рамках существовавшего до октября 1917 г. уголовного законодательства в отношении членов партии большевиков, комиссаров, сотрудников ЧК, а также работников совет-

ской власти и военнотружущих Красной армии. В ходе подавления партизанского движения в белом тылу (Енисейская губерния) военными властями практиковались чрезвычайные меры превентивного, «устрашающего» характера, не предусмотренные законодательными нормами (взятие заложников из числа жителей деревень, поддерживавших повстанцев, расстрелы «каждого десятого», конфискация имущества партизан).

Во внешней политике провозглашалась «верность союзническим обязательствам», «всем договорам, заключенным Российской Империей и Временным правительством», «полноправное представительство России во всех международных организациях» (заявления Верховного Правителя России и Русского Политического Совещания в Париже).

Режимы Белого движения под влиянием поражений на фронтах неизбежно «эволюционировали» в сторону «демократизации» в той мере, насколько это считалось допустимым в условиях гражданской войны. Четвертый период в формировании политического курса Белого движения (осень 1919 г. – весна 1920 г.) характеризовался отказом от диктатуры и установлением союза с «общественностью». Это проявилось в реформировании политической власти на Юге России (ропуск Особого Совещания и образование Южнорусского правительства, ответственного перед Верховным Кругом Дона, Кубани и Терека, признание независимости Грузии де-факто). В Сибири Колчак объявил созыв Государственного Земского Совещания, наделенного законодательными полномочиями. На Севере также было создано Земское Совещание, заявившее о своем руководящем значении. Данный период характеризуется существенной корректировкой политического курса Белого движения, что, таким образом, позволяет выделить его в представленной периодизации.

Тем не менее предотвратить такими мерами военное поражение не удалось. К марту 1920 г. были ликвидированы Северо-Западный и Северный фронты, а Восточный и Южный утратили большую часть контролируемой территории.

Последний период в истории российского Белого движения (весна 1920 г. – осень 1922 г.) отличался деятельностью региональных центров на окраинах бывшей Российской Империи – в Крыму (Правитель Юга России – генерал-лейтенант П.Н. Врангель), Забайкалье (Правитель Восточной окраины – генерал-лейтенант Г. М. Семенов), на Дальнем Востоке (Правитель Приамурского Земского Края – генерал-лейтенант М. К. Дитерихс). Эти политические режимы пытались отойти от принципа «непредрешения». Примером стала деятельность Правительства Юга России во главе с генералом Врангелем и А. В. Кривошеиным в Крыму летом – осенью 1920 г. Начали осуществляться реформы, предусматривавшие передачу крестьянам «захваченной» помещичьей земли в собственность, создание крестьянского земства. Допускалась широкая автономия казачьих областей, Украины и Северного Кавказа. Правительство Восточной окраины России во главе с генералом Семеновым осуществляло курс на сотрудничество с общественностью, проведя выборы в Краевое Народное Совещание. В Приморье в 1921–1922 годах прошли выборы Приамурского Народного Собрания, а затем Приамурского Земского Собора и Правителя Приамурского Края – им стал генерал М. К. Дитерихс. Здесь впервые в Белом движении был провозглашен принцип восстановления монархии, предполагавший передачу власти Верховного Правителя России представителю Дома Романовых. Предпринимались попытки координации действий с повстанческими движениями в Советской России («Антоновщина», «Махновщина», Кронштадтское восстание). Но политические режимы Белого движения уже не могли рассчитывать на общероссийский статус по причине крайней ограниченности территории, контролируемой остатками белых армий. Организованное военно-политическое противостояние советской власти прекратилось в ноябре 1922 г. – марте 1923 г., после занятия частями РККА Владивостока и поражения Якутского похода генерала Пепеляева.

При анализе эволюции политического курса Белого движения представляется необходимым также учитывать специфику военных действий в разные периоды гражданской войны,

влияющую на эту эволюцию. Военное искусство в это время существенно отличалось от периода Первой мировой войны. Это было время своеобразного военного творчества, ломавшего стереотипы управления войсками, системы комплектования, военной дисциплины. Наибольших успехов добивался тот военачальник, который командовал по-новому, используя все доступные средства для достижения поставленной задачи. Гражданская война была войной маневренной. В отличие от периода «позиционной войны» 1915–1917 гг., сплошных протяженных линий фронта не было. Города, села, станицы по несколько раз могли переходить из рук в руки. Поэтому решающее значение получали активные, наступательные действия, стремление перехватить инициативу у противника. По оценке полковника Генерального штаба Е. Э. Месснера, подобная особенность расположения фронтов отнюдь не свидетельствовала о некоей «порочности» стратегии и тактики противоборствующих сил. «В гражданской войне, как нам показала практика 1918–1920 гг. и как нас теперь учит разработанная теория, сплошные фронты, смыкание флангов, локтевое соприкосновение – противоестественны и бессмысленны». Действительно, история гражданской войны подтверждала, что контроль над одним, стратегически важным пунктом, железнодорожным узлом, губернским, региональным центром, морским портом давал гораздо больший результат, чем контроль над обширной, но мало заселенной или малоценной в военно-политическом отношении территорией.

Боевые действия во время гражданской войны характеризовались разнообразием стратегии и тактики. В ходе установления советской власти в Петрограде и в Москве использовалась тактика уличных боев. Бои в Москве (27 октября – 3 ноября 1917 г.) между силами Московского военно-революционного Комитета и Комитета общественной безопасности сводились к наступлению отрядов красной гвардии и солдат запасных полков с окраин на центр города, занятый юнкерами и белой гвардией. Для подавления опорных пунктов белых использовалась артиллерия. Аналогичная тактика уличных боев использовалась при установлении советской власти в Киеве, Калуге, Иркутске, Чите, при подавлении Ярославского восстания.

С формированием частей белой и красной армий расширялся масштаб военных операций. В 1918 г. они велись преимущественно вдоль линий железных дорог и сводились к захвату крупных узловых станций и населенных пунктов. Этот период получил название «эшелонная война». Весной 1918 г. произошло выступление частей Чехословацкого корпуса, сформированного из военнопленных. Расположенный в эшелонах по линии Транссибирской железной дороги от Пензы до Владивостока, корпус подчинялся французскому военному командованию и направлялся через Дальний Восток на Западный фронт. В ответ на требования советского командования о разоружении корпус восстал и в течение мая – июня 1918 г. сверг советскую власть в Омске, Томске, Новониколаевске, Красноярске, Владивостоке – фактически на всей прилегающей к Транссибирской магистрали территории Сибири.

Летом – осенью 1918 г., во время 2-го Кубанского похода, взятием Добровольческой армией узловых станций Тихорецкой, Торговой, городов Армавира и Ставрополя фактически завершилось наступление Деникина на Северном Кавказе.

В начальный период гражданской войны в ряде крупных городов России действовали подпольные центры Белого движения, связанные с бывшими структурами военных округов и воинских частей, а также с подпольными организациями монархистов, кадетов и эсеров. Весной 1918 г., накануне выступления Чехословацкого корпуса, в Петропавловске и Омске действовало офицерское подполье под руководством полковника П. П. Иванова-Ринова, в Томске – подполковника А. Н. Пепеляева, в Новониколаевске – полковника А. Н. Гришина-Алмазова. Летом 1918 г. генерал Алексеев утвердил секретное положение о центрах Добровольческой армии, созданных в Киеве, Харькове, Одессе, Таганроге. Они передавали развединформацию, отправляли офицеров через линию фронта, а также должны были выступать против советской власти в момент приближения к городу частей белой армии. Так, при содействии местной офицерской организации был проведен десант под Одессой в августе 1919 г. Подобные организа-

ции становились основой для формирования воинских частей белой армии. Например, «Союз фронтовиков» стал базой для формирования рабочих дивизий в гг. Ижевске и Воткинске.

К началу 1919 г. завершается формирование белых армий. 15 советским армиям противостояли 4 армии Восточного фронта, объединенные под Верховным командованием адмирала А. В. Колчака: Сибирская (генерал-лейтенант Р. Гайда), Западная (генерал от артиллерии М. В. Ханжин), Южная (генерал-майор П. А. Белов) и Оренбургская (генерал-лейтенант А. И. Дутов), 3 армии Южного фронта под командованием Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России генерал-лейтенанта А. И. Деникина (ему подчинялись Добровольческая (генерал-лейтенант В. З. Май-Маевский), Донская (генерал-лейтенант В. И. Сидорин) и Кавказская (генерал-лейтенант П.Н. Врангель) армии). В общем направлении на Петроград действовали войска Главнокомандующего Северо-Западным фронтом генерала от инфантерии Н. Н. Юденича и Главнокомандующего войсками Северной области генерал-лейтенанта Е. К. Миллера.

С весны 1919 г. начались попытки комбинированных ударов белых фронтов. С этого времени боевые действия носили характер полномасштабных операций на широком фронте, с использованием всех родов войск (пехоты, конницы, артиллерии), при активном содействии бронепоездов, танков и авиации. В марте – мае 1919 г. началось наступление Восточного фронта, наносившего удар по расходящимся направлениям: на Вятку – Котлас, на соединение с Северным фронтом, и на Волгу – на соединение с армиями генерала Деникина. Однако войска советского Восточного фронта к началу июня остановили наступление белых армий, нанеся встречные контрудары на Южном Урале и в Прикамье.

Летом 1919 г. началось наступление ВСЮР на Харьков, Екатеринослав и Царицын. После занятия последнего армией генерала Врангеля 3 июля Деникин подписал директиву о «походе на Москву». В течение июля – октября войска ВСЮР заняли большую часть Украины и губерний Черноземного центра России, выйдя на линию Киев – Брянск – Орел – Воронеж – Царицын. Почти одновременно с наступлением ВСЮР на Москву шло наступление Северо-Западной армии генерала Юденича на Петроград.

Для Советской России время осени 1919 г. стало критическим. Были проведены тотальные мобилизации коммунистов и комсомольцев, выдвинуты лозунги «Все – на защиту Петрограда» и «Все – на оборону Москвы». Благодаря обладанию основными железнодорожными магистралями, сходящимися к центру России, РВСР имел возможность быстро перебрасывать войска с одного фронта на другой. Так, в разгар боев на московском направлении из Сибири и с Западного фронта на Южный фронт и под Петроград было переброшено несколько дивизий. В то же время белым армиям так и не удалось добиться соединения своих разделенных фронтов (за исключением контактов на уровне отдельных отрядов между Северным и Восточным фронтами в мае 1919 г., а также между фронтом ВСЮР и Уральской казачьей армией в августе 1919 г.). Красная армия нанесла контрудары по флангам наступавшего на Москву 1-го корпуса Добровольческой армии под командованием генерал-лейтенанта А. П. Кутепова. После упорных боев в течение октября – ноября 1919 г. фронт ВСЮР был сломлен, и началось общее отступление белых от Москвы. В середине ноября, не дойдя 25 км до Петрограда, были остановлены и разбиты части Северо-Западной армии Юденича.

Военные действия 1919 г. сочетались с широким применением маневров для прорыва фронта и проведения рейдов в тылу противника. В белых армиях в этих целях использовалась казачья конница. Специально сформированный 4-й Донской корпус под командованием генерал-лейтенанта К. К. Мамантова в августе-сентябре совершил глубокий рейд от Тамбова до границ Рязанской губернии и Воронежа. Сибирский казачий корпус под командованием генерал-майора П. П. Иванова-Ринова в начале сентября прорвал красный фронт под Петропавловском. В январе – марте 1920 г. развернулись ожесточенные сражения на Кубани. Во время операций на р. Маныч и под ст. Егорлыкской прошли последние крупнейшие в мировой исто-

рии конные сражения. В них участвовало до 50 тысяч всадников с обеих сторон. Их итогом стали поражение ВСЮР и эвакуация остатков войск в Крым на кораблях Черноморского флота. В Крыму в апреле 1920 г. белые войска были переформированы в Русскую армию, командование над которой принял генерал Врангель.

Боевые действия в 1920–1922 гг. проводились на сравнительно небольших территориях (Таврия, Забайкалье, Приморье), меньшими по численности войсками и имели характер позиционной войны. При обороне использовались укрепления (рубежи белых на Перекопе и Чонгаре в Крыму в 1920 г., построенные японцами и переданные белым Волочаевский и Спасский укрепрайоны в Приморье в 1921–1922 гг.). Для их прорыва и подавления применялась длительная артиллерийская подготовка и даже огнеметы и танки.

На полях сражений гражданской войны успешно применялись новые виды военной техники, некоторые из них появились в России впервые. Так, например, в частях ВСЮР, Северной и Северо-Западной армий использовались английские и французские танки. Обязательным условием поддержки пехоты, как в уличных боях, так и во время фронтовых операций, считалось наличие бронев автомобилей.

Необходимость сильной огневой поддержки во время конных атак вызвала появление такого оригинального средства боя, как конные тачанки – легкие повозки-двуколки с укрепленным на них пулеметом. Тачанки были впервые применены в повстанческой армии Н. И. Махно, а позднее стали использоваться в кавалерийских соединениях Белой и Красной армий.

С сухопутными силами взаимодействовали авиаотряды. Примером совместной операции может служить разгром в Таврии конного корпуса Д.П. Жлобы авиацией и пехотой Русской армии в июне 1920 г. Авиация использовалась также для бомбардировки укрепленных позиций и разведки. В период «эшелонной войны» и позднее вместе с пехотой и конницей с обеих сторон действовали бронепоезда, количество которых доходило до нескольких десятков на армию. Из них создавались специальные отряды.

Военные операции планировались и проводились нередко в зависимости от тех или иных политических обстоятельств. В частности, наступление Восточного фронта адмирала Колчака весной 1919 г. было предпринято в расчете на скорое в случае успеха дипломатическое признание его как Верховного Правителя России со стороны стран Антанты. А наступление Северо-Западной армии генерала Юденича на Петроград было вызвано не только расчетом на скорое занятие «колыбели революции», но и реальными опасениями заключения мирного договора между Советской Россией и Эстонией – в этом случае армия Юденича лишалась своей базы. Наступление Русской армии генерала Врангеля в Таврии летом 1920 г. должно было оттянуть на себя часть сил со стороны советско-польского фронта.

В условиях гражданской войны и разрушения государственного мобилизационного аппарата изменились принципы комплектования армий. Лишь Сибирская армия Восточного фронта комплектовалась в 1918 г. по мобилизации. Большинство же частей ВСЮР, а также Северной и Северо-Западной армий пополнялись за счет добровольцев и сдавшихся военнопленных. Наиболее надежными в боевом отношении были добровольцы. Использование мобилизованных и военнопленных стало преобладающим на заключительном этапе гражданской войны, в частности в рядах Русской армии генерала Врангеля.

Белые армии отличала малочисленность и, как правило, несоответствие реального состава воинских подразделений их численности по штату (например, дивизии – численностью в 1000–1500 штыков, полки – по 300 штыков, некомплект доходил до 35–40 %). В командовании белых армий возросла роль молодых офицеров. Отсутствие орденской системы в ВСЮР и системы назначения очередных званий приводило к тому, что за 1,5–2 года офицеры проходили «карьеру» от поручиков до генералов.

Многие исследования исходят из оценки Белого движения как несостоятельной, исторически обреченной альтернативы установлению советской власти. Следует помнить, что вме-

сте с лозунгом о «ликвидации большевизма» другим основным лозунгом движения был «За Великую, Единую, Неделимую Россию» – в самом широком (не только в национально-территориальном) значении. «Величие» следовало понимать в плане возрождения международного, геополитического статуса России. «Единство» – как социально-политическое, культурно-экономическое, и, что ни в коей мере нельзя приуменьшать, духовное единение народов Великой России. И, разумеется, «Неделимая» Россия должна рассматриваться в национально-территориальном значении.

Несмотря на трудности сообщения между белым Югом, Севером и Сибирью, процессы политического характера в этих регионах происходили согласованно, ибо эти регионы были частями единого российского государственного пространства, социума, раскалываемого событиями «русской смуты», и это единство здесь сохранялось даже вопреки их кратковременной территориальной разобщенности.

Изучение проявлений согласованности в действиях различных фронтов и регионов Белого движения, выявление общих и частных особенностей их формирования и эволюции – одна из задач современной историографии гражданской войны. В советской исторической науке толкование этих действий сводилось к схеме «трех походов Антанты». В настоящее время данная схема не используется, что тем не менее не свидетельствует о ее полной неправомерности. В частности, взаимодействие военных усилий белых армий отнюдь не происходило по прямым указаниям стран Антанты, а исходило из собственных, внутренних стратегических планов, учитывавших, конечно, и внешнеполитические факторы – продолжение и окончание Первой мировой войны, интересы иностранных государств в отношении российских территорий и природных ресурсов, влияние на власть и т. д.

В Белом движении, как выше отмечено, военные действия были взаимосвязаны с политическими. Наиболее значимое проявление этой связи выразилось в стремлении к созданию общей структуры управления в масштабе всей России. Выступая непримиримым противником партийно-советской модели как незаконной формы власти, Белое движение стремилось реализовать свою особую политическую концепцию своеобразной «интегральной контрреволюции», то есть программу, призванную обеспечить политико-правовую преемственность России «постбольшевистской» от России «дооктябрьской» 1917 г.

Незавершенность многих политических процессов, обусловленное многими факторами разнообразие в поисках путей государственного устройства и развития России, имевшие место в обстановке гражданской войны, не дают тем не менее основания утверждать об отсутствии общей программы Белого движения. Она проявляется в его различных проектах политических моделей – предполагавшихся и не осуществленных – даже в большей степени, чем в реально сложившихся его политических структурах.

Данная монография построена с учетом хронологического, территориального и проблемно-тематического признаков. В каждой главе, отражающей определенный период истории Белого движения в России, рассматриваются особенности его проявления в различных регионах, специфика деятельности политических партий и общественно-политических организаций.

Основным источником исследования стали материалы из 95 фондов Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), в частности – по белой Сибири: фонд 131 (Административный Совет Временного Сибирского правительства), фонд 176 (Совет министров Российского правительства), фонд 200 (Министерство иностранных дел Российского правительства), фонд 4707 (Подготовительная по выборам в Национальное Учредительное Собрание комиссия). По белому Югу России: фонд 439 (Особое Совещание при Главнокомандующем Вооруженными Силами Юга России), фонд 446 (Политическая Канцелярия Особого Совещания), фонд 440 (Отдел пропаганды Особого Совещания), фонд 3435 (Управление юстиции Особого Совещания), фонд 5354 (Управление внутренних дел Особого Совещания), фонд 115

(Южнорусская конференция), фонд 539 (Всероссийский Национальный Центр). По белому Северу и Северо-Западу России: фонд 16 (Канцелярия Временного правительства Северной области), фонд 17 (отдел иностранных дел Временного правительства Северной области), фонд 18 (отдел юстиции Временного правительства Северной области), фонд 5867 (Общество северян), фонд 6385 (Совет министров правительства Северо-Западной области), фонд 6387 (Гражданское управление в Петроградской губернии). По Дальнему Востоку: фонд 8404 (Управление внутренних дел Восточной окраины России), фонд 5194 (Приамурский Земский Собор), фонд 944 (Управление внутренними делами Приамурского Земского Края).

В монографии использовались также материалы, отражавшие деятельность структур, представлявших интересы Белого движения в Зарубежье: фонд 454 (Русское Политическое Собрание в Париже), фонд 8262 (Русский общественный комитет в Варшаве), фонд 6852 (Всероссийский Союз торговли и промышленности (Протосоюз)), фонд 6207, фонд 6851 (Русское посольство в Париже), фонд 4648 (Русское посольство в Лондоне), фонд 4649 (Русско-британское братство), фонд 6094 (Русское посольство в Швеции).

Использовалась относящаяся к теме монографии информация, содержащаяся в личных фондах, поступивших в ГА РФ из фондов Русского Заграничного исторического архива в Праге, в частности: 5913 (фонд Н. И. Астрова), 5827 (фонд генерал-лейтенанта А. И. Деникина), 6028 (фонд Г. Е. Львова), 5856 (фонд П. Н. Милюкова), 5831 (фонд Б. В. Савинкова), 196 (фонд С.Н. Третьякова), 5805 (фонд Н.В. Чайковского), 6611 (фонд В. Н. Челищева), 5936 (фонд генерала от инфантерии Д. Г. Щербачева), 6344 (фонд В. А. Харламова), а также фонды 193 (П.В. Вологодского) и 195 (В.Н. Пепеляева), выделенные еще в 1920-е гг.

Из документов, отражающих деятельность Правительства Юга России в 1920 г., находящихся в Гуверовском институте войны, революции и мира, в монографии использованы фонды 6217 (отдельные документальные материалы Правительства Юга России), 355 (управление земледелия и землеустройства), 356 (управление торговли и промышленности).

Значительный массив информации содержат т. н. «Коллекции» отдельных документов, воспоминаний по истории Белого движения. Это фонды 5881 (коллекция отдельных документов эмигрантов), 9431 (коллекция документов по истории гражданской войны), 9427 (коллекция материалов учреждений, организаций и воинских частей белых правительств). При анализе периода 1917 г. в монографии использовались также материалы фонда 474 (Юридическое Собрание Временного правительства).

Документы Российского государственного военного архива (РГВА) представлены в монографии фондами 40238 (Военные центры Добровольческой армии), 39456 (Войсковой штаб Всевеликого Войска Донского), 40147 (штаб войсковой группы генерал-майора П.М. Бермондта-Авалова), 40189 (штаб Приамурской Земской Рати), 40298 (штаб Северо-Западной армии). Немаловажно использование документов, содержащихся в фонде 40213 (коллекция приказов, приказаний и объявлений войсковых частей, соединений и учреждений белой армии). Но нужно иметь в виду, что фонды РГВА отражают в первую очередь специфику организации, структуру белых армий, а проблемы формирования и эволюции политического курса в них представлены весьма фрагментарно.

Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье» (в настоящее время Дом Русского Зарубежья имени А. И. Солженицына) содержит весьма ценную информацию в фонде 7 (первое наименование личного фонда историка Н.В. Рутыча (Рутченко)), где хранятся коллекции документов Всероссийского Национального Центра и коллекция документов по истории Северо-Западного фронта. Здесь содержатся использованные в монографии как законопроекты по различным аспектам внутренней и внешней политики Белого движения, так и обширная переписка участников Центра с руководителями белых режимов, различными политиками и военными за период 1918–1920 гг.

Из фондов Российской Государственной библиотеки, Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье», научной библиотеки федеральных архивов и Государственной публичной исторической библиотеки использовались прежде всего материалы периодической печати антибольшевистских и белых правительств, а также свидетельства многочисленных опубликованных в СССР и в Русском Зарубежье источников и литературы. Использованы материалы в общей сложности 82 периодических изданий, выходивших за период 1917–1922 гг., из которых необходимо отметить официальные и официозные газеты и журналы, сборники законодательных актов, издания общественно-политических организаций, поддерживавших Белое движение («Вестник Временного правительства», «Сибирский вестник», «Правительственный вестник», «Приазовский Край», «Великая Россия», «Юг России», «Русский Север», «Вестник Временного Правительства Северной области», «Волжская Речь», «Сибирская Речь», «Отечественные ведомости», «Русская армия» и др.), а также региональную прессу («Киевлянин», «Мурманский вестник», «Харьковские губернские ведомости», «Ставропольские ведомости», «Русский восток», «Голос Приморья» и др.).

Использованы материалы 78 опубликованных в России и в Зарубежье авторских воспоминаний участников Белого движения, политиков, военных. Среди них, безусловно, следует выделить «Очерки русской смуты» генерала Деникина, «Записки» генерала Врангеля, воспоминания, записки, дневники, очерки П. В. Вологодского, Г. К. Гинса, В. Маргулиеса, К. Н. Соколова, И. И. Сукина, генерала А. С. Лукомского, С.П. Руднева, Л. А. Кроля, Н.И. Астрова, В. А. Мякотина и др.

При оценке Источниковой базы требовалось учитывать ее раздробленность и неравномерное распределение в фондах, относящихся к военно-политическим структурам различных регионов Белого движения. Достаточно обширная источниковая база по белой Сибири и белому Югу России в период 1919 г. – начала 1920 г., например, соседствует с ограниченным количеством источников по истории белого Северо-Запада в 1918–1919 гг., белой Таврии в 1920 г., белого Забайкалья в 1919–1920 гг. При оценке Источниковой базы следует учитывать также то, что многие документы (особенно официального характера) повторяются в различных фондах в многочисленных копиях.

Документальная база монографии построена на основе фондов, отражающих военно-политическую деятельность преимущественно центральных структур белых правительств и их политику в отношении местной власти и органов самоуправления. Рассмотрение повседневной, весьма разнообразной деятельности самой местной власти и местного самоуправления не входит в цели и задачи данной монографии. Для полноценного исследования их «текущей» работы требуется использование обширной Источниковой базы региональных архивов (в том числе и находящихся в странах Ближнего Зарубежья).

В монографии анализируются проблемы государственного устройства, лежащие в основе политического курса Белого движения, поэтому вопросы аграрной, продовольственной, финансовой политики затрагиваются лишь в той мере, насколько это связано с решением задач прежде всего формирования систем власти. Разработка и осуществление социально-экономического курса белыми правительствами и ранее освещались в целом ряде научных публикаций, и в дальнейшем должны являться предметом отдельных, специальных исследований.

Переходя к оценке степени изученности темы, следует обозначить специфику понимания термина «Белое движение», дать историографический обзор по данной проблеме. Современная отечественная историография Белого движения в гражданской войне достаточно обширна. Ушел в прошлое период «первоначального накопления» фактического материала, приходящийся на начало 1990-х гг. Вышли из печати «Очерки русской смуты» генерала Деникина, выдержали несколько переизданий «Записки» генерала Врангеля. Из последних фундаментальных изданий заслуживает внимания «Трагедия адмирала Колчака» С. П. Мельгунова и сборники документов в серии «Россия. XX век» («Дело генерала Корнилова» и «Процесс над

колчаковскими министрами»). Увидели свет десятки монографий, учебнометодических пособий, содержащих в своем наименовании словосочетания «Белое движение», «Белое дело», «Белая Гвардия». Защищены многие докторские и кандидатские диссертации (1).

Между тем в историографии до сих пор нет четкого определения терминов «Белое движение», «Белое дело». Очевидно, что разрешение этой задачи представляется настоятельно необходимым. И следует согласиться с А. И. Ушаковым, специально исследовавшим данную проблему и отмечавшим, что, к сожалению, «... в отечественной исторической науке первых постперестроечных лет наблюдалась своего рода фобия в отношении любых методологических конструкций. Обязательный раздел автореферата любой диссертации, содержащий сведения о методологических основах исследования, как правило, сводится к стандартному набору ничего не значащих фраз о «принципах историзма», «научной объективности» и т. д. Здесь, видимо, имеет место элементарное незнание современных теорий исторического развития, рожденное долголетним безраздельным господством «единственно верного» учения...» (2).

Действительно, длительное господство «марксистско-ленинской методологии», общепринятого «классового подхода» привело к отказу от серьезных методологических построений вообще. Одним из критериев ценности в изучении Белого движения (как, впрочем, и других явлений в отечественной истории XX века) стало обязательное «введение в научный оборот» новых исторических источников. А поиск фактов нередко заменял собой их осмысление. В настоящее время важно разработать определенный подход к комплексному и неидеологизированному анализу имеющихся фактических материалов.

Сразу же оговоримся, что полнота определения термина «Белое движение» может оказаться достаточно условной. Хотелось бы выделить некоторые критерии его оценки, специфические черты его формирования и эволюции. Что отличало его от других движений, армий, организаций, ставивших своей задачей борьбу с советской властью и партией большевиков? Как оно определялось его участниками и современниками?

Одним из наиболее распространенных в зарубежной и современной исторической публицистике стало определение, данное А. И. Деникиным и И. А. Ильиным. Главнокомандующий Вооруженными Силами Юга России в юбилейной статье «Лик Белого движения» (15 ноября 1931 г.) отмечал, что в основу «Белой идеи» «легли и претворились в жизнь принципы чистые и высокие: национальное самосознание, глубокий патриотизм и подвиг...». Подчеркивал важность патриотической идеи И. А. Ильин: «... Белые никогда не защищали и не будут защищать ни сословного, ни классового, ни партийного дела: их дело – дело России – родины, дело русского государства» (3).

Более общим термином – «российская контрреволюция» – обозначал противников большевизма известный военный историк Русского Зарубежья генерал-лейтенант Н.Н. Головин. По его мнению, революция, проходя как бы три стадии своего развития, должна быть «введена в русло» контрреволюции, которая ограничит «разрушительный» потенциал революции, преобразуя его в потенциал «творческий», созидательный (4). В этой характеристике «Белое движение» практически сливалось с «контрреволюционным».

Не вполне удачное обоснование соотношения терминов «контрреволюция» и «Белое движение» давалось в работе бывшего командующего Донской армией генерал-лейтенанта С. В. Денисова «Белая Россия». Эта книга, переизданная 50-тысячным тиражом в СССР, может служить примером попытки разобрать политическое, конъюнктурное содержание данных терминов. Задавшись целью опровергнуть актуальную в 1937 г. оценку Белого движения в советской историографии, Денисов пытался разъединить «контрреволюционное» и «реакционное» (то есть негативное) содержание Белого движения. Стремясь доказать порочность политики Временного правительства и сменивших его большевиков, он, по существу, доказывал революционный характер Белого движения. В результате революционером становился Николай II, санкционировавший Февральскую революцию своим отречением от Престола,

и «послушные велению своего последнего Императора» «старые Русская Армия и Флот», а контрреволюционерами оказывались большевики.

Начальник штаба Ставки Колчака генерал-лейтенант М. А. Иностранцев выделял в качестве терминологического критерия политику «непредрешения», проводимую белыми правительствами: «... В истории – эпитет «белый»... со времен английской революции, а затем и Вандеи, определенно связывался с идеями и целями полного восстановления старого порядка, т. е. с целями реставрации и полного уничтожения всех результатов революции. На самом деле ни один из фронтов, действовавших против большевиков, в том числе и Сибирский, не преследовал этих целей. Цель была у всех одна – разбить большевиков и вернуться к правопорядку, предоставив затем народу избрать ту или иную форму государственного строя...» (5).

Одним из наиболее ранних и развернутых считается определение, данное П.Н. Милюковым. Он правомерно разделил термины «антибольшевистский» и «белый» и отметил спорность сложившихся в Советской России и в Зарубежье мнений, согласно которым Белое движение рассматривается либо как движение всех, «кто против большевиков», либо как движение, направленное на «реставрацию старого абсолютистского режима и старого дворянского землевладельческого класса». Но, по мнению бывшего лидера кадетской партии, «только часть этого (антибольшевистского. – В.Ц.) движения может быть названа «белой» и только часть «белого движения» – контрреволюционна и реставрационна». «Белый» и «реставрационный» характер этого движения развивался постепенно, и только с течением времени тактика вооруженной борьбы с большевиками сосредоточилась исключительно в «белых» армиях, с откровенно реакционными тенденциями. Соответственно менялось, постепенно сужаясь, и понятие «белого движения». Милюков акцентировал внимание на таких его чертах, как «всероссийская ориентация», чуждая «автономии» государственных новообразований на территории бывшей Российской Империи, узость «классового характера» белой армии, выражавшей «чувства и мысли землевладельческой и дворянской России», реакционное, реставраторское направление аграрно-крестьянской политики. В заключительных главах своего труда «Россия на переломе» он практически полностью отождествляет идеологию и политическую практику Белого движения с монархической реставрацией и, следовательно, реакцией.

Милюков отмечал хронологическую специфику эволюции Белого дела, считая, что в августе 1917 года, в ходе Московского Государственного Сопения, сложился «единый антибольшевистский фронт», а в 1920 году в белом Крыму существовал лишь союз «офицерства и бюрократии», ведущих «бесперспективную» вооруженную борьбу с советской властью.

Окончательное формирование Белого движения во всероссийском масштабе (как части «антибольшевистского») произошло после «переворота» 18 ноября 1918 г. и признания адмирала А. В. Колчака Верховным Правителем России. А вершиной реакционности и социальной ограниченности Белого движения стало правление генерала М. К. Дитерихса в Приморье и барона Р. Ф. Унгерна фон Штернберга в Монголии (6).

Выступивший с критикой труда Милюкова не менее известный историк Русского Зарубежья С. П. Мельгунов отметил «неудачность» термина «Белое движение» (по причине его близости с движением антибольшевистским) и показал политическую пристрастность Милюкова в его отражении истории гражданской войны (Мельгунов С.П. Гражданская война в освещении П.Н. Милюкова (По поводу «Россия на переломе»), Париж, 1929.).

Представители социалистического лагеря, как правило, также отождествляли Белое движение с «реакцией», «военщиной», впервые проявившейся во время «Корниловского мятежа» и постоянно тормозившей «развитие демократии». В этом отношении характерны оценки Н.Д. Авксентьева, А. А. Аргунова,

В. Л. Горна. Характерно название книги Аргунова, посвященной драматической истории Уфимского Государственного Сопения и Уфимской Директории: «Между двумя большевизмами». Если до «колчаковского переворота» социалистические круги принципиально под-

держивали противодействие большевикам и считали необходимым воздействовать на Белое дело в целях его «демократизации», то после 18 ноября 1918 г. IX съезд партии эсеров 20 июля 1919 г. принял резолюцию о «прекращении вооруженной борьбы» с советской властью «перед лицом грозной опасности, грозящей всем завоеваниям революции... от рук Колчака, Деникина, Юденича и других представителей внутренней и внешней реакции...».

В то же время председатель свергнутой Директории Н.Д. Авксентьев допускал возможность «демократизации» белых режимов и при диктатуре Колчака. Эсер М. В. Вишняк утверждал, что белые или «исходили из интересов лишь определенного класса, национальности или партии», или, будучи заложниками «чистой идеи», выдвигали абсолютно «ирреальные» лозунги (7). Другой представитель эсеровской партии, А. Фальчиков, правомерно отмечал объединение в рядах Белого движения военного и «государственно-мыслящего» элементов, выделяя при этом роль кадетской партии (8).

В марксистско-ленинской (официальной в 1920–1980 гг.) историографии не делалось принципиальной разницы между Белым, антибольшевистским и контрреволюционным движением. Энциклопедия «Гражданская война и военная интервенция в СССР» определяла, что, «несмотря на свою аморфность», «белое дело» представляло собой «национализм, великодержавный шовинизм, прикрытый демагогической претензией на надклассовость, надпартийность и патриотизм», а также «стремление к реставрации монархии» при «почти полной зависимости от иностранного империализма».

В определение термина «белая гвардия» добавлялась «колористическая» составляющая: «традиционная символика белого цвета как цвета сторонников «законного правопорядка» – в противопоставлении красному цвету – цвету восставшего народа и революции» (9). «Широта» этого критерия делала возможным появление таких совершенно бессмысленных терминов-сочетаний, как «белоэстонцы», «белофинны», «белополяки», «белокитайцы» (почему не «белофранцузы», например). Характерная деталь – согласно принятым «грамматическим» установкам, словосочетания «белая гвардия», «белая армия» должны были быть написаны со строчной, а «Красная армия», «Красная гвардия» – с заглавной буквы.

В российских энциклопедических словарях, увидевших свет в 1990-е гг., Белое движение определялось с акцентом на военную составляющую как «вооруженное сопротивление» советской власти, партии большевиков. В историографии и исторической публицистике начала 1990-х стал использоваться термин «антибольшевистское движение». Однако авторы не спешили давать четкие определения каждому из этих терминов и различать один от другого. В результате даже в фундаментальном справочнике петербургского историка В. В. Клавинга в толковании термина «Белая гвардия» объединялись под одной обложкой Махно, Савинков и Деникин (здесь был бы правомерен критерий «антибольшевизма»). В последнем энциклопедическом издании «Революция и гражданская война в России» дается политико-правовое определение Белого движения, где оно, по сути, отождествляется с антибольшевистским движением и даже с военными союзными силами Антанты: «Совокупность государственных образований, вооруженных сил, политических институтов и общественных организаций, боровшихся против власти большевиков в России военными, экономическими, политическими и идеологическими средствами в целях ее ликвидации в масштабах всей страны». «Сущность и смысл Белого движения состояли в попытках на части территории бывшей Российской Империи воссоздать государственность, существовавшую до Февральской революции (т. е. монархию в ее неизменном виде. – В.Ц.) 1917 г., прежде всего ее военный аппарат, традиционные социальные отношения и рыночную экономику, опираясь на которые (т. е. военный фактор следует считать вторичным по отношению к «обустройству тыла». – В.Ц.) можно было бы развернуть вооруженные силы, достаточные для свержения большевиков» (10).

Несмотря на трудности становления российской методологии истории, введение в научный оборот огромного числа ранее неизвестных источников стимулировало исследование

данного термина. В монографии историка из Нижнего Новгорода С. В. Устинкина давалось следующее определение Белого движения: «В широком смысле слова – это все участники антибольшевистского движения... В узком смысле, белогвардейцы – это добровольцы, из идейных, национально-патриотических соображений вступившие в белые армии до начала массовых мобилизаций в них...» Автор отмечает: «... Белое движение представляло из себя русское, государственно-патриотическое движение, буржуазное по своей социальной природе, которое в плане политическом эволюционировало от коалиции правых социалистов с кадетами к монархизму, в идеологии – от социального реформаторства с элементами государственно-патриотического милитаризма, через либерализм – к консерватизму. В этике Белое движение представляло из себя конгломерат установок нравственного кодекса офицерской чести, православных нравственных норм, этических установок либерализма и консерватизма» (11).

Ярославский историк В. П. Федюк, один из первых вернувший в отечественную историографию термин «антибольшевистский», писал, что «антибольшевистский лагерь отличался крайней пестротой, но наиболее серьезной силой в его составе было Белое движение». В названии своей монографии «Белые. Антибольшевистское движение на Юге России 1917–1918 гг.» оба эти термина он объединял (12).

Интересный аспект классификации Белого движения был предложен В. Д. Зиминной. Здесь критерием стала социокультурная составляющая. Методологическую основу своего исследования она определяет как «актуализировавшуюся на фоне происходящей смены парадигмы мышления теорию модернизации, обосновывавшую догоняющий тип развития российской государственности с обязательной определяющей ролью самого государства...». Это «дает возможность рассматривать историю Белого движения как реализацию одного из вариантов догоняющей модернизации» (13).

Духовный, патриотический смысл Белого движения выделяется в основе характеристики, предложенной известными московскими историками С. В. Волковым и А. Б. Зубовым. «Отношение к Белому движению – это отношение к истинному патриотизму», «белые были прежде всего патриотами и боролись за Великую, Единую и Неделимую Россию», они – «защитники Российской государственности» (14).

Интересные подходы есть в современной исторической публицистике. Отмечая социально-политическую составляющую Белого движения, В. В. Кожин, С. Г. Кара-Мурза подчеркивали его «либеральный характер», определяя как «оторванное от большинства населения», чуждое ему «продолжение Февраля 1917 года». Б. С. Пушкарев, напротив, выделял общероссийский характер Белого движения, собравшего в свои ряды («подобно белому цветку, включающему в себя весь цветовой спектр») представителей самых разных политических течений – от монархистов до социалистов (15).

Показательно определение Белого движения, данное в проекте закона «О реабилитации участников Белого движения», дважды предлагавшегося на утверждение Государственной думы Российской Федерации фракцией Либерально-демократической партии 2 апреля 2004 г. и 14 июня 2006 г. В нем выделяются следующие определения: «Белогвардейские организации – эмигрантские общественные объединения, ставившие своей целью борьбу с большевистской властью и добивавшиеся восстановления власти, существовавшей до 25 октября (7 ноября) 1917 года»; «Лица, принимавшие участие в Белом Движении, – лица, служившие в Белой Армии или в любых гражданских учреждениях, в том числе руководившие военной и гражданской администрациями, находившимися на территории, контролируемой Белой Армией в период с 25 октября (7 ноября) 1917 года по 1 июля 1923 года; лица, эмигрировавшие из России, боровшиеся с большевистской властью – лица, покинувшие территорию России в период с 25 октября (7 ноября) 1917 года по 31 декабря 1927 года и участвовавшие в белогвардейских организациях, в том числе – возвратившиеся из эмиграции добровольно или в принудительном порядке»; «Лица, подвергшиеся репрессиям – дети, находившиеся вместе с репрес-

сированными родителями или лицами, их заменявшими, в местах лишения свободы, в ссылке, высылке, на спецпоселении, и дети, оставшиеся в несовершеннолетнем возрасте без попечения репрессированных родителей или одного из них; лица, пострадавшие от политических репрессий – дети, супруга (супруг), родители лиц, расстрелянных или умерших в местах лишения свободы и реабилитированных посмертно». В то же время авторы проекта делают оговорку, согласно которой «не подлежат реабилитации лица, если их деятельность была направлена на территориальное расчленение России, в том числе по национальному признаку» (16).

Тем не менее необходимо более четко разделять определения «контрреволюционный», «антибольшевистский» и «белый». В монографии А. И. Ушакова дается наиболее точная, сущностная характеристика понятия «антибольшевистское движение». Это – «совокупность социально-политических сил, по разным причинам и с разных позиций выступавших против большевистской диктатуры, в число которых включается собственно Белое движение; региональные проти-вобольшевистские режимы, сложившиеся на территории Российской Империи в 1918–1919 годах, такие как режим П. Скоропадского на Украине, Временное Сибирское правительство, Комитет членов Учредительного Собрания, Уфимская директория и др.; казачьи государственные структуры и образования: Донской Войсковой Круг, Кубанская Рада и др.; противобольшевистские образования и организации на территории, подконтрольной Советам (Правый Центр, Национальный Центр, Союз Возрождения и др.)...».

Что же касается «Белого движения», то Ушаков использует в качестве синонима термин «генеральская контрреволюция» (противоположный «демократической контрреволюции»), давая следующее определение: «... можно понимать под Белым движением... действия тех общественно-политических и военных формирований (включая их государственные формы), которые представляли, прежде всего, бывшие военные и государственно-политические структуры царской России и которые в своих программах, идеологиях, а также на уровне типичного сознания участника этого движения идентифицировали себя в качестве легитимных преемников русской государственности соответственно, выступая за ее восстановление в основном в границах Российской империи на момент ее крушения в 1917 году и в форме единой общенациональной власти...» (17).

Автором монографии предложено исходить из следующего критерия: «По мере усиления борьбы большевиков за удержание власти и по мере эскалации гражданской войны в России возникло и развивалось организованное военно-политическое сопротивление советской власти, исторически определяемое как «Белое движение». Белое движение поэтому следует рассматривать в качестве государственных структур, формировавшихся в едином всероссийском пространстве (за исключением лишь некоторых окраинных государственных новообразованиях), временно расчлененном фронтами гражданской войны. Белое движение включало в себя совокупность органов власти – правительства, парламенты, местные органы самоуправления, отличавшихся той или иной степенью легальности и легитимности. В его программе предусматривалось решение целого ряда экономических, национальных и других проблем, поставленных как текущей борьбой с «большевизмом», так и определяющих будущее страны... Белые правительства отличало признание единой общероссийской власти в лице Верховного Правителя России адмирала А. В. Колчака и сходство основных положений политических программ». Отделение Белого движения от антибольшевистского, признание его специфики было отмечено автором в статье «Белое движение» в Большой Российской энциклопедии: «одно из организованных военно-политических движений, сформировавшихся в ходе Гражданской войны 1917—22 гг. в России с целью борьбы с советской властью. Существовало наряду с Демократической контрреволюцией, националистическими сепаратистскими движениями на Украине, Кавказе и басмачеством в Средней Азии. Включало разнородные в политическом отношении силы (от умеренных социалистов до монархистов), единые в неприятии идеологии и политики большевиков» (18).

Возможно, что и это определение еще недостаточно полно и нуждается в дальнейшей разработке и уточнении (на это указывалось А. И. Ушаковым и В. Д. Зиминной). Как ни парадоксально, но во время гражданской войны термины «Белое дело», «Белое движение» почти не употреблялись (!) на территориях, контролируемых правительствами и вооруженными силами тех, кого позднее станут называть «белыми». Авторитетный московский историк А. Б. Езеев отмечал, что хотя словосочетание «Белая Гвардия» действительно появилось 27 октября 1917 года («так называли себя студенческие боевые дружины в Москве»), «с этого времени выражения «белая гвардия», «белогвардейцы» эпизодически появлялись только в советской печати», а «к осени 1918 года в советской печати утверждается противопоставление «красные – белые» как обозначение двух лагерей в гражданской войне». Имеются сведения о «белой гвардии» как «самоназвании» контрреволюционных формирований еще во время революции 1905–1907 гг., однако его употребление в широком смысле началось позднее (19).

С легкого пера публицистов, использовавших модные в то революционное время «аналогии» с западноевропейскими событиями конца XVIII века, это сочетание должно было подчеркнуть монархический характер противников советской власти, которые якобы намеревались (подобно легитимистам, роялистам периода английской и французской революций) восстановить монархию, вернуть страну в «дофевральский период». Но для самих «белых» гораздо важнее споров о форме государственного устройства была проблема собственной легитимации, отношения к ним со стороны российского общества, «сознательного понимания» политических программ Белого движения. Примечательно, что многие исследователи гражданской войны, опираясь на вполне правомерный тезис о «безвластии», «хаосе», порожденных «русской смутой» начала XX века, недостаточно обращали внимание на этот «юридический» статус самоопределения Белого движения.

Важнейший момент – представители «Белого движения» определяли себя носителями легитимной «национальной власти», используя термины «русский» (Русская армия), «российский», «всероссийский»: адмирал А. В. Колчак – Верховный Правитель России, а не Верховный Правитель Белого движения, в Омске заседало не Сибирское, а Российское правительство и т. д. Поэтому так стремились военные и политические деятели белых к признанию их со стороны иностранных государств. Поэтому так тщательно подчеркивали они преемственность своих правительств от периода до «большевистского переворота» и до «разгона Учредительного Собрания». Ведь от признания их «законными носителями государственной власти» (в противовес «узурпаторам-большевикам») зависела, как они считали, степень их поддержки; в этой связи только определения «российский», «русский» применялись ими для выражения своей суверенности. Признание власти Колчака (как Верховного Правителя России) всеми белыми правительствами и правителями гарантировало – пусть и небольшую – военно-политическую стабильность белых фронтов, открывало перспективы для развития межобластного, межправительственного и международного взаимодействия.

Единственным исключением, как справедливо отмечает Езеев, был Северо-Западный фронт генерала от инфантерии Н. Н. Юденича, где сочетания «белая армия», «белый солдат», «белая гвардия» были широко распространены. Но здесь следует учитывать близость данного фронта к Финляндии, где в начале 1918 года шла гражданская война между сторонниками российских большевиков и их противниками. И там словосочетания «красная гвардия», «белая гвардия» использовались как официальные.

В эмиграции же словосочетание «Белое движение» утвердилось довольно быстро, уже с 1921 года. Здесь, в условиях оторванности от России, единый политический фронт сменила масса различных социальных, партийных, политических, религиозных структур. Провозглашение идеологии «Белой борьбы» и возрождения «Белой Гвардии» для многих становилось единственно возможным способом политического самоутверждения в условиях быстро меняющейся жизни Русского Зарубежья.

Таким образом, очевидно, что содержание понятия «Белое движение» должны составлять следующие критерии:

Первое. Белое движение – это организованное военно-политическое сопротивление советской власти и сотрудничавшим с ней политическим структурам (меньшевики, левые эсеры); гражданская война сделала типичной формулу этого обоюдного военно-политического противоборства: красные – белые. Советская власть допускала по отношению к участникам Белого движения не признание их военно-политических структур (в каком бы то ни было виде), а только уничтожение их как «классовых врагов» или применение к «побежденным» амнистии. Непримируемая позиция в отношении советской власти, партии большевиков и их союзников со стороны Белого движения также не позволяла надеяться в то время на мирное завершение гражданской войны посредством принятия некоего «акта национального согласия» или создания коалиционного (компромиссного) органа всероссийской власти.

Организационное оформление Белого движения началось с момента разрыва юридической преемственности российской государственности, после свержения Временного правительства и ликвидации Учредительного Собрания в октябре 1917 г. – январе 1918 г. Идеологическое же, программное зарождение Белого движения началось раньше – с момента подготовки выступления генерала Корнилова. Организация Белого движения во всероссийском масштабе завершилась после установления власти Верховного Правителя России А. В. Колчака и признания его власти ведущими военно-политическими центрами на Севере, Северо-Западе и Юге России. Характер движения проявлялся в личностях руководителей белых фронтов, сочетавших в себе, с разной степенью эффективности, качества военных и политических лидеров (генералы Корнилов, Алексеев, Деникин, Колчак, Врангель, атаманы Дутов, Краснов, Семенов и др.).

Второе. В обстановке военных действий Белое движение исходило из приоритета единоличной власти над коллегиальной и, как правило, военной власти над гражданской (военной диктатуры). Отсутствовало четкое разделение властей (белые правительства сочетали функции законодательной и исполнительной власти), и особое значение получали аппаратные, бюрократические методы управления.

Представительная власть или не играла никакой роли, или сводилась к совещательным функциям.

При этом для решения мобилизационных задач единоличная диктатура постоянно стремилась к максимально возможной легитимности, а сделать это без представительных структур оказывалось сложно; сложность заключалась в том, кто может составить «фундамент представительности». Существовавшие партийные структуры были скованы организационными и идеологическими рамками, а межпартийные коалиции могли распадаться из-за внутренних конфликтов. В этой ситуации использовалось или сословно-профессиональное, национальное представительство, или, что бывало гораздо чаще, представительство в лице надпартийных общественно-политических структур посредством привлечения их (по выбору «диктатора» и его окружения) к работе в органах исполнительной власти (различных правительствах или совещаниях) и в системе местного самоуправления. Высшую представительную и санкционирующую власть должно было осуществлять Национальное Учредительное Собрание, созванное «после победы над большевизмом». Многим участникам Белого движения представлялся вполне закономерным итог эволюции единоличной диктатуры (обусловленной войной) в конституционную, представительную монархию (после окончания войны).

Третье. Белое движение стремилось к легализации во всероссийском масштабе, следуя принципу преемственности как кадровой (военачальники, министры, местная власть), так и особенно юридической, от дофевральской и дооктябрьской 1917 г. России. Однако восстановление прежних правоотношений (например, в рамках земельной собственности) и применение «дореволюционных» нормативных актов (Свод основных Государственных законов, Положе-

ние о полевом управлении войск в военное время, специализированное, профессиональное нормотворчество) происходило нередко с их существенной коррекцией.

В книге бывшего управляющего отделом внутренних дел Временного Правительства Северной области В. И. Игнатьева «Некоторые факты и итоги четырех лет гражданской войны» (издана в Москве в 1922 г.) дана характерная оценка деятельности его коллег: «... все правительство было помешано на правовых началах – в противоположность большевистскому произволу мы должны были насаждать правовой строй...». Подобная оценка стремления к максимально возможной юридической обоснованности большинства принимаемых решений применима не только к белому Северу, но и ко всем прочим регионам Белого движения.

В конечном итоге все региональные белые правительства пришли к признанию общероссийской власти Российского правительства и Верховного Правителя России адмирала А. В. Колчака. Именно это позволяло многим политикам и военным говорить о «суверенном характере» белой государственности – выразительнице всероссийских интересов.

Форма, при которой можно было бы достичь максимально допустимого (с точки зрения лидеров Белого движения) сочетания интересов «центра» и «регионов», виделась в создании таких органов власти (коалиционное правительство, некий Высший Совет, Государственное Собрание, представительная конференция и т. д.), в работе которых принимали бы участие представители краевых, областных автономий, казачества. Установление же формы будущего государственного устройства и системы управления в России в целом (федерация, союз автономных областей, конституционная монархия, республика) относилось исключительно

к компетенции Национального Учредительного Собрания нового созыва. Именно эта особенность политической программы Белого движения создавала трудности в отношениях с «государственными» сепаратистскими новообразованиями периода гражданской войны, их признании даже тогда, когда это диктовалось военными соображениями.

Четвертое. Признание общероссийского центра обуславливало стремление к общности политических программ и к координации военных действий. Общность проявлялась в принципиально схожем отношении к решению основных «вопросов» (аграрного, рабочего, национального и др.) российской действительности в условиях «второй смуты». Осуществлять военное взаимодействие было чрезвычайно сложно, хотя и в этом достигались отдельные успехи. Разумеется, полного единства достичь не удавалось, но общие (стратегические) цели политического курса были одинаковы. Так отмечал, например, в передовой статье газеты «Русское дело» от 14 октября 1919 г. (времени наивысших успехов белых армий) один из омских правоведов, член Восточного отдела ЦК кадетской партии Ю.Н. Фармаковский: «В общем и основном и Омск, и Екатеринодар согласны, ибо для них непререкаемы декларации Верховного Правителя».

Пятое – общая для всех белых режимов «державная символика» общероссийского характера. Трехцветный (бело-сине-красный) национальный флаг, двуглавый орел (в различных формах и сочетаниях), официально утвержденный Российским правительством гимн «Коль славен наш Господь в Сионе».

Вышеперечисленные критерии и признаки существенно отличают понятие «Белое движение», адекватное распространенному в середине 1920-х годов понятию «генеральская контрреволюция», от «демократической контрреволюции»: Комитет Членов Учредительного Собрания, Уфимская Директория выступали за коллегиальное, а не за единоличное правление и за безусловную преемственность от Всероссийского Учредительного Собрания 1918 года. Наряду с этим в определение Белого движения вряд ли можно включать понятие «национальной контрреволюции» (Центральная Рада на Украине, правительства в Прибалтике, Финляндии, Польше, на Кавказе, в Крыму, провозглашавшие государственный суверенитет, независимость от России). В то же время казачьи автономные государственные структуры (казачьи правительства, Донской Войсковой Круг, Кубанская Краевая Рада и др.), координировавшие

свою политику с другими белыми правительствами, безусловно следует считать частью Белого движения.

Необходимо более четко разграничивать употребление терминов «контрреволюция», «антибольшевистское» и «Белое» движения применительно к направлениям российской политической жизни 1917–1922 гг. В хронологической последовательности представляется возможным выделить первоначально «контрреволюцию» (весна – осень 1917 г., когда формировались структуры, элементы будущего Белого движения, противостоявшие политике «углубления революции», левым партиям, и отрицавшие советскую власть, но действовавшие в большинстве своем с использованием легальных методов). Затем – «антибольшевистское движение» (ноябрь 1917 г. – ноябрь 1918 г., когда после «низложения» Временного правительства, на основе «борьбы с узурпаторами власти», объединялись различные по политической направленности силы (от эсеров и меньшевиков до монархистов) и когда использование легальных методов «борьбы с революцией» стало невозможным. На этом этапе структурные элементы Белого движения действуют как части единого антибольшевистского фронта, при этом все более и более заявляя о своей самостоятельной, исключительной роли в «борьбе с большевизмом».

И, наконец, «Белое движение», выделившееся из «антибольшевистского» и окончательно сложившееся в самостоятельное, организационно-оформленное политическое течение в конце 1918 г. – начале 1919 г. Но «реакционность», то есть признание безусловного возврата к «старому режиму», не отличала ни одно из трех вышеназванных политических направлений. Все они исходили из факта свершившейся революции и считали необходимым лишь в той или иной форме препятствовать ее губительным последствиям или «ввести» энергию «разрушительных» революционных перемен в «созидательное» контрреволюционное русло («левая политика правыми руками»). Правда, на практике подобный «синтез» был далеко не всегда возможен.

* * *

1. Деникин А. И. Очерки русской смуты. В 3-х кн. М., 2003; Врангель П. Н. Записки. В 2-х кн. М., 1991; Мельгунов С. И. Трагедия адмирала Колчака. В 3-х кн. М., 2004; Дело генерала Корнилова. Август 1917 – июнь 1918 // Россия. XX век, т. 1, 2; М., 2003; Процесс над колчаковскими министрами // Россия. XX век, М., 2003; Зимина В. Д. Белое движение и российская государственность в период Гражданской войны. Волгоград, 1997; Ушаков А. И., Федюк В. П. Белый Юг. Ноябрь 1919 г. – ноябрь 1920 г. М., 1997; Трукан Г. А. Антибольшевистские правительства России. М., 2003; Смолдин А. В. Белое движение на Северо-Западе России (1918–1920 гг.). СПб., 1998; Голдин В. И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918–1920. М., 1993; Карпенко С. В. Очерки истории Белого движения на Юге России (1917–1920 гг.). М., 2003; и др.

2. Ушаков А. И. Антибольшевистское движение в годы гражданской войны в России. Отечественная историография. Автореф. докт. дисс. Казань, 2004; *Его же*. Современная российская историография антибольшевистского движения в годы гражданской войны в России. М., 2004, с. 44.

3. Деникин А. И. «Лик Белого движения» // БФРЗ, Ф. 7; Ильин И. А. Белая идея (предисловие к 1-му тому сб. «Белое дело», Берлин, 1926) // О грядущей России. М., 1993, с. 341.

4. Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Париж, 1927. Ч. 1, с. 8–9, 91.

5. Денисов С. В. Белая Россия, Альбом № 1, Нью-Йорк, 1937, с. 59–60; Иностранцев М. А. История, истина и тенденция. Прага, 1933, с. 55–56.

6. Миллюков П.Н. Россия на переломе. Париж, 1927. Т. 2, с. 1–6, 78, 106, 181–184; Последние новости, Париж, 6 августа 1924 г.
7. Вишняк М.В. Всероссийское Учредительное Собрание. Париж, 1932, с. 119.
8. Фальчиков Г. «Белое движение» (по поводу доклада П. Н. Миллюкова) // Воля России. Прага, 1924, № 18–19, с. 203.
9. Белая гвардия, Белое движение // Гражданская война и военная интервенция в СССР. М., 1987, с. 60–61.
10. Клавинг В. В. Белая Гвардия. Спб., 1999; Белое движение // Революция и Гражданская война в России: 1917–1923 гг. Энциклопедия. Т. 1. М., 2008, с. 140.
11. Устинкин С. В. Белое движение в годы гражданской войны (1917–1922). Автореф. докт. дисс. Нижний Новгород, 1996, с. 81.
12. Федюк В. 77. Белое движение на Юге России. 1917–1920 гг. Автореф. докт. дисс., Ярославль, 1995, с. 1; «Белые. Антибольшевистское движение на Юге России 1917–1918 гг.». М., 1996.
13. Зимина В.Д. Белое движение и российская государственность в период гражданской войны. Автореф. докт. дисс. Москва, 1998, с. 11–12; *Ее же*. Белое движение времен гражданской войны: в плену «чистой идеи» // Белая армия. Белое дело. № 1, 1996, с. 9–16; *Ее же*. Белое дело взбунтовавшейся России. Политические режимы Гражданской войны 1917–1920 гг. М., 2006.
14. Волков С. В. Октябрь 1920-го. Последние бои Русской армии генерала Врангеля в Крыму. М., 1995, с. 4–5; Зубов А. Б. Звезда Ледяного похода // Посев, № 6, 2003; За Россию и свободу. Подвиг Белого дела. 1917–1923 гг. М., 2007.
15. Кара-Мурза С. Г. Гражданская война. 1918–1921 гг. Урок для XXI века. М., 2003, с. 245–248; Пушкарев Б. С. Борьба за Белую Россию. Под знаменем Белой борьбы. М., 2005, с. 15.
16. Проект федерального закона «О реабилитации участников Белого движения» // www.legislature.ru/monitor/raznoe/38002—4
17. Ушаков А. И. Указ, соч., с. 15–16.
18. Цветков В.Ж. Белое движение в России. 1917–1922 годы. // Вопросы истории, № 7, 2000, с. 57; Лубков А. В., Цветков В.Ж. Белое движение в России – его программа и вожди. Учебно-метод. пособие. М., 2003, с. 24; Цветков В. Ж. Белое движение // Большая Российская энциклопедия. М., 2005, т. 3, с. 229–230.
19. Езеев А. Б. Два цвета ненависти. Идеологическая символика красного и белого. // Родина, № 11, 2000, с. 44–45.

Глава 2

Историография темы.

Данная часть монографического исследования представляет собой подготовленный автором раздел коллективной монографии

«Россия в годы Гражданской войны. Очерки истории и историографии» (вышла в свет в издательстве Центра гуманитарных инициатив Москва – Санкт-Петербург, в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований № 17–81—01001 и Фонда «История Отечества»)

Исследование Белого движения в России традиционно проводилось в пределах проблематики истории Гражданской войны и Русского Зарубежья. Однако объективно необходимым стало проведение этих исследований в контексте общих проблем социально-экономического, социально-политического и культурного развития России начала XX столетия.

Поскольку события революции и Гражданской войны охватили все без исключения регионы России, то региональный аспект особенно важен для понимания специфики становления и развития политических режимов Белого движения.

В этом отношении следует отметить, в частности, важное методологическое замечание, сделанное еще в конце 1990-х годов известной исследовательницей Белого движения В.Д. Зиминой: «Изучение Белого движения, видимо, должно идти поступательно – от режима к региону и далее к России в целом... Конечная цель заключается в определении закономерностей развития Белого движения... От общих, не всегда адекватных объективной истине, выводов о Белом движении некоторые авторы впервые перешли к более углубленному изучению его отдельных «ветвей», что логично предполагает «выход» на сущностные характеристики названного феномена в целом в самом ближайшем времени» (1).

За время, прошедшее после публикации этого тезиса в автореферате докторской диссертации В. Д. Зиминой, исследование Белого движения достигло весьма заметных результатов. Однако нельзя утверждать, что этот процесс близок к завершению. В отечественной и зарубежной историографии изучение Белого движения продолжается, и заметные результаты есть как в традиционных, так и в новых направлениях научной работы.

Тем не менее нельзя не отметить, что объективному постижению прошлого нередко препятствует политизированный подход, с заметным акцентом не в пользу историзма, а в пользу публицистики, ориентированной, к сожалению, на одномоментные выводы, с немалой долей политизированности. Не изжиты еще, к сожалению, принципиально порочные установки на некое «разделение» историографии по принципу «белых» и «красных» авторов и произведений. Очевидно, что критериями оценки историографии должны быть прежде всего соблюдение позиций историзма, основа на достаточном фактическом материале, объективная оценка и необходимая критика используемых исторических источников.

Историография должна опираться на преемственность в изучении тех или иных исторических проблем. И здесь правомерно дать характеристику особенностям изучения Белого движения в советской исторической традиции. Представляется возможным выделить несколько периодов в исследовании Белого движения в XX столетии. В период 1920-х – начала 1930-х годов особенности политического курса белогвардейских правительств рассматривались достаточно активно наряду со спецификой боевых действий белых армий. Так, например, политику деникинского правительства рассматривал Д. Кин (2). Можно отметить изучение аграрной политики врангелевского правительства А. Гуковским (3). Исследования данного периода отличались использованием довольно обширного спектра источников.

Исследователи данного периода сосредотачивали внимание на специфически военном характере белой власти. Поэтому в его обозначении часто применялся термин «генеральская контрреволюция» (по сути, синоним Белого движения). Система военной диктатуры обладала над тенденциями к «демократизации» режимов, и все попытки белых опереться на создаваемые представительные структуры (различные Советы и Совещания, объединения земско-городского самоуправления и др.) признавались заранее обреченными. В отличие от белой власти, опиравшейся на военных, термином «демократическая контрреволюция» обозначались противники большевиков, ориентированные на восстановление полномочий Учредительного Собрания, на развитие коллегиальных принципов управления (4). Таким образом, лагерь антибольшевиков представлялся сложным, многогранным, хотя и лишенным внутреннего единства, народной поддержки, а потому обреченным.

Однако методологические установки при изучении контрреволюции не выходили за рамки марксистских формационных оценок. Поэтому законодательные акты, а также многочисленные законопроекты, принятые и обсуждавшиеся белыми правительствами, оценивались исключительно как реакционные, направленные на укрепление и восстановление принципов частной собственности, буржуазной демократии. В то же время при анализе процессов

обсуждения и принятия различных политических решений авторами рассматривались позиции «контрреволюционных» партий, различных политических группировок. Отмечалось, что белые диктаторские режимы проводили политику «бонапартизма», в частности при проведении аграрно-крестьянской политики («земельная реформа» генерала П. Н. Врангеля в Таврии в 1920 году в интересах сельской буржуазии, что являлось развитием буржуазных реформ П. А. Столыпина) (5).

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. публиковались многочисленные воспоминания, документальные источники, отражавшие состояние белых армий, белого фронта и тыла. Среди них следует отметить книги А. Егорова, Н. Какурина, В. Антонова-Овсенко (6).

Были опубликованы также документы белогвардейских правительств, фрагменты из воспоминаний участников Белого движения (7). Однако источниковая база по истории Белого движения в советской историографии была ограничена. Мемуары А. И. Деникина, Я. А. Слащова, протоколы допросов А. В. Колчака, материалы белой прессы цитировались выборочно, с целью подтверждения тезисов об обреченности, ошибочности политического курса Белого движения. А с конца 1930-х и до конца 1950-х гг. белоэмигрантские авторы практически не цитировались.

Но с середины 1930-х гг. приоритеты в изучении истории Белого движения меняются. В оценках белых режимов в период, предшествовавший Великой Отечественной войне, наиболее заметным становился акцент не только об «антинародной» их сущности, но и о значительной зависимости от иностранных государств, стран, осуществлявших интервенцию в Советскую Россию. В этой связи хронология гражданской войны, основанная на разгроме «трех походов Антанты» (первый поход – весна 1919 г.; второй – лето – осень 1919 г.; третий – весна – осень 1920 г.), стала единственной, утвердившись в официальных изданиях, монографиях и школьных учебниках (8). Внимание исследователей сосредотачивалось преимущественно на военной стороне борьбы с контрреволюцией. Внутренняя политика белых рассматривалась вне контекста буржуазной эволюции, как исключительно «реакционная», направленная против «народных масс» (9).

Период 1960-х – первой половины 1980-х гг. отмечен новыми публикациями по истории Белого движения. В определенной степени стала возрождаться историографическая традиция 1920–1930 гг. Продолжались исследования, ориентированные на региональные акценты («деникинщина», «колчаковщина», «калединщина», «врангелевщина»). В них предпринимался уже не только анализ отдельных направлений политического курса того или иного белого режима (аграрная, рабочая, национальная политика и др.), но и рассматривались вопросы, связанные с формированием и эволюцией их политического курса, влиянием на него различных партийно-политических структур – от меньшевиков и эсеров до кадетов и монархистов (10).

Данная тенденция в исследовании способствовала росту интереса к проблематике истории антибольшевистских политических партий и движений. Здесь особо следует выделить обобщающий труд Л. М. Спирина, посвященный «непролетарским партиям», в том числе и в годы гражданской войны, работы Е. В. Иллерецкой по аграрным программам, выдвигавшимся в качестве альтернатив советской политике, фундаментальные исследования Н. Г. Думовой по кадетской партии (11).

Среди названных выше исследований преобладал комплексный подход к теме, ограниченный, правда, как и в 1920–1930 гг., методологическими рамками марксизма-ленинизма. Партии строго классифицировались как «мелкобуржуазные», «либеральные» и «монархические». Данный подход сужал пространство исследований, задавал определенный схематизм в оценках. Однако обращение к проблемам становления и развития политических позиций противников большевиков было весьма продуктивным и перспективным направлением научных исследований.

Новый этап в изучении Белого движения мог быть датирован второй половиной 1980-х. Был отмечен очередной, 70-летний юбилей «Великого Октября», что традиционно стимулировало изучение событий революции и гражданской войны. Но на этот раз, не без влияния перестройки и гласности, в научных исследованиях, а чуть позднее и в исторической публицистике наметился рост интереса к противникам большевиков. Этому способствовало и отмеченное выше решение об открытии доступа к архивным материалам по истории Белого движения и эмиграции. В свет вышли работы, полностью посвященные проблемам социально-экономического, социально-политического развития белых режимов. И хотя в их названиях по-прежнему употреблялось традиционное слово «крах» (призванное свидетельствовать об обреченности противников большевиков), в самих исследованиях авторы стремились к более объективной оценке лидеров и участников Белого дела (12). Вышли в свет и первые работы, посвященные региональной проблематике Белого движения (13). Две небольшие по объему монографии А. И. Ушакова и В. П. Федюка отразили проблематику Белого дела на Юге России в 1918 и 1920 годах. В них был показан процесс создания военно-политического порядка управления и обращалось внимание на взаимоотношения с Украинской Державой, Украинской Народной республикой и южнорусскими казачьими областями (14).

Рост интереса к проблематике Белого движения не требовал специализированного изучения отдельных направлений его политики. Вторая половина 1980-х годов характеризовалась расширением методологических подходов и началом пересмотра ряда устоявшихся оценок. Военная составляющая в изучении истории контрреволюции стала дополняться детальным изучением социально-политической и экономической областей. Ученые стали выделять разнообразие антибольшевистских политических режимов, приводились объективные суждения о различных социально-психологических, национально-культурных особенностях представителей Белого движения.

Правда, политизация научных подходов, характерная для периода конца 1980-х годов, привела к определенной идеализации Белого движения, рассматриваемого как единственная альтернатива советской политике.

Только после принятия решения о передаче документальных материалов по истории Белого движения и Русского Зарубежья в режим «открытого доступа», в 1988 году, появилась возможность работы с фондами Центрального Государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства СССР (ныне Государственного архива Российской Федерации) и Центрального Государственного архива Советской армии (ныне Российского Государственного военного архива). Их основу составили материалы переданного в 1946 г. в СССР Русского Заграничного исторического архива в Праге (известного еще как «Пражская коллекция»). С этого времени ссылки на «Коллекцию ЦГАОР» в научных исследованиях сменялись четкими указаниями на конкретные фонды и дела архивохранилищ.

Освоение архивов проходило во многом бессистемно, поскольку основной задачей было описание истории Белого движения вообще, а не его отдельных проявлений. Для большинства публикаций была характерна известная доля политизированности, популизм, ориентация на читательский интерес к тем или иным событиям. Такие темы, как «красный террор», гибель Верховного Правителя России адмирала Колчака, эвакуация белой армии генерала Врангеля из Крыма, в первые годы эмиграции становились приоритетными. Показательно, что среди авторов по истории Белого движения было немало тех, кто начинал свои исследования еще в 1960–1970 гг., а теперь менявших собственные концепции и оценки тех же самых событий и фактов.

Многие выводы приводились без достаточной документальной аргументации, но их обозначение в определенной степени стимулировало поиск и публикацию документальных источников. В начале 1990-х годов заметное место среди исторической литературы занимали

опубликованные воспоминания участников Белого движения. Они сопровождались комментариями, вступительными статьями (15).

Однако в это же время, в условиях существенного сокращения финансирования научных исследований, многие перспективные разработки остаются неосуществленными. Падают тиражи изданий. Средства часто выделяются без учета научного значения публикаций, с расчетом на коммерческий доход, на сиюминутный, конъюнктурный интерес читателей.

Но изучение истории Белого движения интенсивно развивалось. С. В. Устинкиным была выделена военная доминанта в политической программе Белого движения, показаны ее особенности на протяжении гражданской войны (16).

Необходимо отметить выход в свет монографии В.Д. Зиминой. По сути, эта книга, вышедшая очень небольшим тиражом, стала первой работой, содержащей не описание особенностей формирования и развития Белого движения, но дающей анализ его составляющих элементов, целей и задач, а также отдельных направлений его внутренней и внешней политики. Автором был сделан отмеченный выше принципиально важный вывод о «догоняющей модернизации» в «развитии российской государственности, с обязательной определяющей ролью самого государства» (17).

Очевидная важность вывода Зиминой о «догоняющей модернизации» заключалась также в том, что тем самым ученый отметила отсутствие серьезных реставраторских намерений белых правительств. Вернуть Россию в дореволюционное прошлое было невозможно. Требовалось обоснование новых принципов внутренней и внешней политики, преемственных по отношению к дореволюционной России и в то же время нацеленных в будущее, на дальнейшее развитие страны. К сожалению, этот вполне объективный и обоснованный вывод до сих пор не нашел должного признания со стороны историографии, не говоря уже об исторической публицистике. По-прежнему популярен тезис об отсутствии у белых политической программы, о якобы имевших место противоречиях между отдельными вождями и армиями Белого движения, а если наличие программы все же признается, отмечается, что она носила неопределенный или даже откровенно реакционный характер.

Зиминая четко обозначила важность исследований, направленных на изучение конкретных политических, экономических, идеологических составляющих в программных установках и в повседневной практике Белого движения в России. Но объективное изучение невозможно без достаточной Источниковой базы. И в 1990-е годы начали появляться публикации архивных документов, воспоминаний современников и участников гражданской войны. В конце 1980-х – начале 1990-х годов вышли в свет мемуары А. В. Туркула, записки П. Н. Врангеля, сочинения Р. Гуля и Я. А. Слащова, отрывки из «Очерков русской смуты» А. И. Деникина (18).

Многотиражные, доступные по цене публикуемые источники популяризировали историческое знание. В данном случае примечательно полное переиздание – репринт «Архива русской революции» (19).

Выдвигались проекты издания многотомных исследований, отражающих все аспекты истории Гражданской войны в России, в том числе и политики белых правительств. В 1990 г. в журнале «История СССР» был опубликован проспект «Истории гражданской войны» под редакцией Ю.А. Полякова (20). Сугубо политические вопросы, в частности проблемы аграрно-крестьянской политики, обсуждаемые в личной переписке деятелей Белого движения, нашли отражение в сборнике документальных публикаций «Россия антибольшевистская», подготовленном сотрудниками ИРИ РАН и ГА РФ под руководством Г. А. Трукана и Л. И. Петрушевой (21).

С конца 1990-х годов и до настоящего времени задача публикации источников по истории Белого движения остается актуальной. Причем речь идет не только о публикации собственно источников, но и об издании специальных справочников, путеводителей по архивным фондам. Здесь можно отметить межархивные издания, увидевшие свет в издательстве РОС-

СПЭН в 1999–2004 гг. Кроме того – специальный путеводитель «Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории Белого движения и эмиграции», в нем дается сжатое описание различных структур белых правительств. Наличие изданий подобного рода значительно облегчает труд ученых в поиске конкретных фондов и документов. Аналогичный «Путеводитель по фондам Белой армии» был издан еще в 1998 году по материалам Российского государственного военного архива (22).

Значительную ценность представляют вводимые в научный оборот документы, которые характеризуют историю различных политических партий и движений, поддерживавших Белое движение. Здесь примечательны документальные сборники из серии «Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Документальное наследие». В течение 1996–1998 годов увидели свет сборники: «Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии» и «Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии», охватывающие в том числе период 1918–1920 годов. Данные книги отразили сложности организационной работы партии народной свободы в период Гражданской войны, но при этом показали разностороннюю деятельность региональных партийных групп, принимавших активное участие в обсуждении и предложении проектов по политическому устройству, аграрному, рабочему, национальному вопросам.

Помимо партийно-политической истории, немаловажное значение в изучении истории Белого движения имеет обращение к работе различных межпартийных и надпартийных общественно-политических структур. Разработка ими законопроектов, официальная и частная переписка по политическим вопросам дает возможность представить специфику формирования политических программ Белого дела, увидеть подчас скрытые механизмы воздействия на принятие тех или иных политических решений. В вышеназванной серии вышел в свет сборник «Всероссийский Национальный Центр». В данной книге не только собраны документы, представляющие проекты политических преобразований, приводятся факты, свидетельствующие о координации усилий московского отдела этой организации и его южнорусского центра. Приводятся протоколы допросов членов московского белого подполья в ВЧК. Более подробно подпольная антисоветская деятельность либеральных политиков представлена в сборнике документов «Тактический Центр» (23).

Изучение военно-политической истории Белого движения невозможно представить без документальных материалов, иллюстрирующих законотворческую работу белых правительств. Подобные издания важны еще и потому, что далеко не всегда у исследователей появляется возможность посетить столичные архивохранилища. В настоящее время изданы, хотя и небольшим тиражом, документы о работе южнорусского Особого Совещания при Главкоме ВСЮР генерале Деникине в 1918–1919 годах, Временного Сибирского правительства в 1918 году.

Особо следует отметить фундаментальную публикацию материалов, отражающих деятельность Российского правительства адмирала А. В. Колчака. Хронологический принцип, ставший основой подбора документов в этих сборниках, представляет специфику эволюции политического курса ведущих белых правительств, их отношение к решению конкретных проблем фронта и тыла. Предисловия и комментарии также имеют важное историографическое значение. Дополняет представление о политической работе колчаковского правительства выход в свет в 2003 году в серии «Россия. XX век», материалов «процесса над колчаковскими министрами», прошедшего в 1920 году. Эта публикация дополняется изданием полного текста протоколов и других следственных материалов, касавшихся Верховного Правителя адмирала Колчака (24).

Публикация документов в серии «Россия. XX век» имеет значение также и при изучении начального этапа российской контрреволюции. Это сборники «Дело генерала Л. Г. Корнилова» (в нем приведены документы комиссии Временного правительства, расследовавшего дело о т. н. «заговоре генерала Л. Г. Корнилова»), «Ярославское восстание. 1918 год» (в нем

показана деятельность подполья, подготовившего антибольшевистское восстание в Ярославле, затронут вопрос о контактах Б. В. Савинкова и А. П. Перхурова с командованием Добровольческой армии, представителями Антанты) (25).

Процесс принятия тех или иных политических решений невозможен без их предварительного обсуждения. Но даже факт их принятия отнюдь не означает их последующего одобрения или критики. Поэтому столь важное значение имеет изучение этого аспекта истории Белого движения. За последние годы немало источников подобного рода не только вводятся в научный оборот, но и получают всестороннее освещение и должную оценку. Хотелось бы выделить здесь публикацию переписки российского посла во Франции кадета В. А. Маклакова и российского посла в США Б. А. Бахметева. Она была подготовлена к печати О. В. Будницким и охватывает промежуток с 1919 по 1951 г. (26).

Весьма интересны изданные в Зарубежье и переизданные в России мемуары участников Белого движения – военных и политиков. Безусловно, заслуживают внимания «Россия на переломе» и «История второй русской революции» П. Н. Милюкова, «Воспоминания» бывшего премьера Временного правительства Г. Е. Львова, «Воспоминания о Северо-Западной армии» генерала А. П. Родзянко, одного из ближайших соратников Юденича адмирала В. К. Пилкина (27). Конечно, следует помнить, что переиздание мемуарной литературы всегда нуждается в комментариях и сопроводительных материалах. Это несколько не принижает их ценности как исторических источников, а лишь способствует более объективному, а порой критичному отношению, нужно учитывать не только личные, психологические черты авторов воспоминаний, но и ту обстановку эмигрантского окружения, в которой создавались эти произведения, иначе возможно признание объективности таких оценок и суждений, которые могут оказаться субъективно категоричными и пристрастными.

Отдельно отметим книги, написанные и изданные потомками белых вождей. По своей структуре и содержанию они вполне могут считаться самостоятельными исследованиями и при этом содержать большое количество документов, имеющих только в частных, семейных архивах. Таковы воспоминания дочери генерала Алексева В. М. Алексеевой-Борель, дочери генерала Деникина Марины Грей (28).

В настоящее время продолжается активная работа по выявлению, изданию и переизданию различных источников, связанных с историей Белого движения.

Интересны и содержательны издания серий, содержащих документальные материалы, соответствующие определенным тематическим или хронологическим принципам. Серия книг «Белое дело» была начата еще в 1992 году по инициативе и под редакцией С. В. Карпенко. Здесь книги группируются, исходя из регионального и хронологического принципов (29).

В течение 2001–2009 годов в издательстве Центрполиграф была издана серия книг, объединенных наименованием «Россия забытая и неизвестная. Белое движение». Ее редактор-составитель С. В. Волков также следовал хронологическому принципу и региональности фронтов отдельных белых армий. Примечательно, что в серии собраны объемные фрагменты из воспоминаний и публикаций из эмигрантской периодики, из журналов «Первопоходник», «Вестник первопоходника». Во всех вышеназванных сборниках присутствуют обширные комментарии и вступительные статьи (30).

Если в 1990–2000 годы были опубликованы источники из эмигрантской периодики XX столетия (републикация), то в настоящее время преимущественное внимание уделяется публикации документальных материалов из архивов, рукописных и машинописных источников. Степень оригинальности при этом существенно возрастает, а проблема невозможности более раннего издания этих материалов из-за финансовых причин, стоявших перед многими эмигрантами, сдававшими свои рукописи в архив, таким образом решается. Активно в публикации рукописей участвует издательство «Кучково Поле», сотрудничающее с Государственным архивом Российской Федерации. Здесь используются материалы из обширного фонда руко-

писей т. н. «Пражской коллекции» ГА РФ (фонд 5881). Серия «Живая история», в рамках которой издаются «рукописи из фондов государственных и частных архивов», включает в себя как книги, отражающие события российской истории начала XX века, так и непосредственно отражающие военно-политические проблемы в истории Белого движения (31).

Историография Белого движения характеризуется наличием обобщенных работ, отражающих особенности его изучения в разные периоды XX столетия и в настоящее время. Еще в начале 1990-х исследователем А. И. Ушаковым была предпринята систематизация историографических проблем, рассматривавшихся в русской эмиграции. Изучение данных проблем продолжалось, и в свет вышла его книга в соавторстве с Г. А. Бордюговым и В.Ю. Чураковым (32). Аналогичные темы рассматривались в монографии В.Т. Тормазова (33).

Монография В. И. Голдина посвящена анализу историографических процессов в изучении гражданской войны в целом и Белого движения в частности. Автор сосредоточивает внимание на изучении таких его особенностей, как политическая структура, периодизация, экономические вопросы (34).

Из последних историографических исследований, специально затрагивающих проблематику изучения Белого движения, следует отметить работу П. И. Гришанина (35).

Несомненно, подобные работы представляют собой одно из приоритетных направлений отечественной историографии, поскольку позволяют представить динамику исследования конкретных проблем истории Белого дела, побуждают к выходу в свет новых научных изданий.

В изучении Белого движения весьма плодотворными следует признать работы, отражающие региональные особенности, деятельность конкретных белых правительств. По сути, это рассмотрение проблематики по принципу «от частного к общему», то есть от отдельных регионов к всероссийскому масштабу. Кроме того, это активизирует краеведческую деятельность, позволяет вводить в научный оборот документы местных архивов, практически неизвестных большинству историков.

Заметный вклад в изучение Белого дела на Европейском Севере России внесен В. И. Голдиным. Им подробно рассматривались вопросы формирования антибольшевистской власти, Верховного Управления Северной области и Временного Правительства Северной области в течение 1918–1920 годов. Им был подготовлен двухтомник опубликованных документальных материалов «Белый Север. 1918–1920 гг.». В нем публиковались документы участников Белого движения – российских политиков и военных. А в изданном сборнике документов «Заброшенные в небытие» В. И. Голдин опубликовал воспоминания иностранцев – участников антисоветской интервенции на Севере (36). Исследования М.В. Таскаева и И. А. Соловьевой касались аспектов антибольшевистского движения в Коми крае и внутренней политики Верховного Управления Северной области (37).

Примечательна проблематика статей по региональным вопросам, отраженная в опубликованных сборниках «Гражданская война в России и на Русском Севере», «Русский Север в историческом пространстве российской гражданской войны». Так, например, П. С. Журавлевым рассмотрены взаимоотношения белых правительств на Севере с Российским правительством адмирала Колчака, В. В. Оспиповым изложена история земского самоуправления в Северной области (38). Не остается без внимания краеведческий аспект проблемы, глубоко исследуемый историком-краеведом Е.И. Овсянкиным (39).

Среди работ, вышедших в свет в последние годы, можно отметить монографию Л. Г. Новиковой, вошедшую в серию *Historia Rossica*. В ней рассматривается широкий круг вопросов политической истории белого Севера (40).

Сохраняет актуальность проблематика взаимоотношений белого Севера с иностранными государствами, как в контексте военного сотрудничества («интервенция»), так и с точки зрения развития экономического взаимодействия, решения идеологических проблем. Традиционно актуальной для изучения истории Белого движения остается тема взаимоотношения

военной и гражданской власти в регионе. Недостаточно изученной представляется попытка «демократизации» власти при поддержке земско-городского самоуправления, предпринятая по инициативе Командующего Северным фронтом генерала Е. К. Миллера в последние месяцы существования белой власти (январь – февраль 1920 года).

Проблематика формирования и развития Белого движения на Северо-Западе России, история возникновения и деятельности русских политических структур на территориях, провозгласивших независимость от России (Финляндия, Прибалтийские республики), рассматриваются в различных исследованиях современных историков.

В фундаментальной монографии А. В. Смолина данные вопросы освещаются на основании документов не только из фондов ГА РФ, но и обширной коллекции архива Гуверовского института войны, революции и мира (США). При этом затрагивается специфика как политических проблем, так и вопросов региональной экономики, ход боевых операций Северного корпуса и Северо-Западной армии (41).

Большое значение для Северо-Западного фронта имели проблемы его внешнеполитического статуса. Его формирование и успех боевых действий в значительной степени зависели от поддержки как со стороны союзников по Антанте (прежде всего Великобритании), так и Прибалтийских республик и Финляндии. Тезис о полной зависимости фронта от иностранной военной помощи нуждается в уточнении. В. И. Мусаев еще в начале 1990-х годов исследовал отношения Северо-Западного фронта с иностранными государствами (42).

Известным историком Русского Зарубежья Н. Н. Рутычем был опубликован биографический сборник военных чинов Северо-Западной армии (43). В нем, помимо оценок военных перспектив наступления армии Юденича на Петроград, разбирался также вариант координации усилий белого фронта с белым подпольем, и хотя реальные возможности последнего явно переоценивались, в целом это представлялось интересным тезисом, требующим дальнейшего изучения.

История боевых действий Северо-Западной армии, формирование и участие в боях под Петроградом осенью 1919 года – предмет обширного исследования Р. Розенталя. Однако при обращении к военной проблематике автор постоянно отмечает особенности комплектования армии, ее отношения с местным населением, ее политический статус на территории Эстонии и в отношении к другим белым правительствам (44).

Не так много работ, в которых изучалась бы проблематика взаимодействия антибольшевистских сил в Карелии, активизация здесь сторонников создания независимой Ингерманландии, самостоятельной Карелии. Этому посвящены исследования А. Ю. Пюккенена, А. Ю. Осипова (45).

Издательством Европейского университета в Санкт-Петербурге (в специально подготовленной серии «Эпоха войн и революций») были выпущены в свет документальные сборники, переиздания воспоминаний иностранных военных, отражающие историю антибольшевистского движения в Прибалтике, Карелии и Финляндии (46). Начинает изучаться и история Западной Добровольческой армии, и, в частности, проблема отношения Германии к Белому делу в Прибалтике (47).

Интерес к участникам Белого движения на Северо-Западе пока сосредоточен в основном на военных, тогда как политическим деятелям уделялось недостаточно внимания.

В развитии историографии того или иного региона в гражданской войне традиционно заметную роль играет проведение научных конференций, семинаров, круглых столов с последующим изданием сборников статей их участников. Так, в Пскове с 2003 года регулярно проводятся «Калкинские чтения» (названные по фамилии их инициатора, псковского краеведа О. А. Калкина) по теме «Белое движение на Северо-Западе и судьбы его участников» (48).

История Белого движения на Востоке России изучается весьма активно. Безусловно, этому способствует наличие здесь академических центров, научных школ, ориентированных

не только на изучение региональных аспектов, но и на специфику деятельности Российского правительства адмирала А. В. Колчака, призванного решать вопросы внутренней и внешней политики всероссийского масштаба. Период т. н. «демократической революции», предшествовавший установлению власти Колчака, подробно рассматривался в монографии Л. Г. Прайсмана. По мнению автора, «третий путь», выраженный правительством поволжского Комитета членов Учредительного Собрания (Комуча), оказался бесперспективным в условиях жесткого военного противостояния «красных» и «белых» (49).

Немаловажными факторами, оказавшими влияние на создание антибольшевистских центров в Сибири, явились: деятельность сибирских областников, образование Сибирской Областной Думы, Западно-Сибирского комиссариата, Временного Сибирского правительства и Временного правительства автономной Сибири. Эти структуры определяли свой статус в качестве легитимных органов, опиравшихся на волеизъявление местного населения (выборы Сибирской Областной Думы, представительство органов местного самоуправления) и противостоящих местным структурам советской власти.

Проблемы истории конца 1917–1918 года отразились в трудах Н. С. Ларькова, М.В. Шиловского, В. В. Журавлева. Ларьковым изучались закономерности становления антибольшевистского движения в Сибири. Заметный вклад в изучение этого периода внесла книга «Сибирский белый генерал», посвященная биографии генерал-лейтенанта А. Н. Пепеляева (50).

В работах М.В. Шиловского рассматривались социально-политические особенности формирования сибирских антибольшевистских структур. Особое внимание уделялось проблеме противоречий между представительной и исполнительной властями (Сибирская Областная Дума и Временное Сибирское правительство) (51). В. В. Московкин в своем исследовании проанализировал вопросы формирования белых правительств, дал их сравнительную характеристику (52). А. В. Сушко показал проблематику развития региональных политических сил на примере Сибири и Дальнего Востока (53).

Исследования по истории политических структур Сибири продолжал В. В. Журавлев, рассматривавший особенности становления органов управления, пределы их властных компетенций (54). Под его редакцией вышел в свет сборник документов, отражающий особенности отношения к власти адмирала Колчака со стороны различных партий и общественных организаций белой Сибири (55).

Важно отметить, что в исследованиях, посвященных начальному периоду 1918 года, достаточно четко прослеживался вывод о закономерности укрепления единоличных форм управления, наиболее эффективных в условиях военного противостояния с советской властью. Поэтому поиск лидеров, способных возглавить антибольшевистское движение, неизбежно приводил к усилению роли военных, военной вертикали управления. Это было сложно согласовать с необходимостью сохранения представительных органов власти, с возможностью опоры на «выборное начало», с помощью которого нужно было обеспечить максимально возможную степень поддержки белых властей.

Несомненно, развитие подобной тенденции сделало возможным события т. н. «омского переворота» 18 ноября 1918 года и приход к власти Верховного Правителя адмирала А. В. Колчака, опиравшегося на аппарат управления Временного Сибирского правительства, трансформировавшегося из региональной структуры в структуру всероссийского статуса. С одной стороны, это укрепляло власть, усиливало ее централизацию, с другой – отталкивало от нее противников военной диктатуры и авторитарных методов управления, считавших необходимым противостояние большевикам на максимально широкой общественно-политической основе.

Центральное место в истории Белого движения, как в Сибири, так и в России в целом, занимают события, связанные с подготовкой созыва, работой и результатами работы Уфим-

ского Государственного Совещания. Это стало первой и достаточно результативной попыткой создания всероссийской власти, альтернативной советской. Принятие политической общероссийской программы (т. н. «Конституции») и образование всероссийской власти в форме Уфимской Директории – вопросы, затронутые в монографии А. Д. Казанчиева. Однако нельзя не признать, что изучение политической истории данного периода еще только начинается (56).

Адмирал А. В. Колчак, его военная и политическая деятельность, равно как и его личность и взгляды, изучаются достаточно активно. В последние годы этому интересу способствуют неоднократные попытки добиться политической реабилитации Верховного Правителя и членов Российского правительства. Одним из первых историков, обратившихся к биографии адмирала, был И.Ф. Плотников (57).

Важное значение имеет научно-исследовательская работа В. И. Шишкина, не только издававшего документальные сборники о работе колчаковского правительства, но и тщательно исследовавшего «механизм» прихода к власти Колчака, политико-правовые особенности становления белой власти в Омске 1918 года. Примечательный вывод, сделанный в ходе исследований, – замена коллегиальной власти Директории единоличной властью Верховного Правителя прошла при существенной поддержке со стороны правых политических структур (58).

Обобщенным исследованием, написанном на основе многочисленных опубликованных и архивных источников, стала монография «Колчак» П. Н. Зырянова, изданная в серии «Жизнь замечательных людей» (59). Широкая проблематика формирования и эволюции политического курса колчаковского правительства, идеология Белого движения рассматриваются в исследованиях В. Г. Хандорина (60). Интересная и показательная во многом оценка Колчака в его психологических чертах дана А. С. Кручининым в книге «Адмирал Колчак: жизнь, подвиг, память» (61).

Аппарат власти колчаковского правительства, работа отдельных его структур, направления внутренней и внешней политики продолжают привлекать внимание историков. Исследования, сопровождавшиеся публикацией документов, имеют в этом отношении особый приоритет, поскольку позволяют сопоставить сделанные выводы с приводимыми фактами. Здесь показательны книги, изданные А. В. Квакиным (62). Структура и деятельность пропагандистских органов белой Сибири рассматривалась в монографии Е. В. Лукова и Д. Н. Шевелева (63).

В. А. Кожевников публиковал материалы о проектах образования представительных органов белой власти в 1919 г. (64). В. Г. Кокоулин рассмотрел динамику развития политических партий в белой Сибири в 1918–1919 годах (65).

П.А. Новиковым на основе региональных архивных материалов было написано исследование, посвященное особенностям Белого движения в Восточной Сибири (66).

В отмеченной выше серии «Эпоха войн и революций» увидела свет монография А. В. Шмелева, посвященная анализу внешнеполитического курса Российского правительства (67).

Следует отметить, что специальных исследований по внешней политике белых правительств на сегодня недостаточно. Вследствие этого распространение получают тезисы о тотальной зависимости Белого движения от иностранных государств, о невозможности возникновения антибольшевистского сопротивления без поддержки интервентов; нужно четкое представление, каковы реальные масштабы подобной поддержки, ее условия и, самое главное, изменения в ее направленности на протяжении гражданской войны.

Правоохранительная система, созданная в белой Сибири, особенности ее работы подробно анализировались С. П. Звягиным, организатором регулярных научных конференций «История белой Сибири» (68).

Остается мало изученной социально-экономическая проблематика. Однако развитие данных исследований также может считаться приоритетным. В монографии В.М. Рыноква рассматривались как особенности организации финансовых структур, так и общее направление финансовой политики восточно-русского Белого движения (69).

Так же как и в изучении других российских регионов, в исследовании Белого движения на Востоке России особое значение имеет публикация сборников региональных научных конференций, в частности в сборниках «История Белой Сибири» и «Сибирь в период гражданской войны» (70).

Интересны многочисленные статьи по тематике Белого движения в Сибири, опубликованные на страницах екатеринбургского исторического ежегодника «Белая армия. Белое дело» (71).

Одним из приоритетных направлений исследования Белого движения в России является его история на Дальнем Востоке в 1920–1922 годах. Достаточно полно эта тема рассматривалась Ю.Н. Ципкиным, в частности история Приамурского правительства братьев Меркуловых, история Приамурского Земского Края (72). Среди работ, отражающих региональные военно-политические аспекты белого Забайкалья, следует особо выделить монографии В. И. Василевского и работы

В. Г. Кокоулина. Несколько изданий было посвящено исследованию деятельности атамана Г. М. Семенова. Однако политико-правовые вопросы этого периода остаются до сих пор недостаточно изученными (73).

Весьма привлекательной фигурой для исследователей дальневосточной контрреволюции стал барон Р. Ф. Унгерн фон Штернберг. Новые исследования показывают особенности его деятельности не только в контексте противостояния советской власти, но и в условиях межгосударственных противоречий на Дальнем Востоке (между Китаем, Японией и Россией). Уделяется внимание его роли в формировании монгольской государственности (74).

Белый Юг России – не меньший по значимости для всероссийского Белого движения регион – традиционно пользовался повышенным вниманием исследователей. В ходе изучения возможно проследить наиболее важную тенденцию – эволюцию принципа военной диктатуры. Показательно, что данный принцип организации власти существовал в этом регионе фактически с момента зарождения Добровольческой армии в конце 1917 года. Наличие большого числа офицеров, руководства со стороны таких авторитетных военных лидеров, как генералы М.В. Алексеев, Л. Г. Корнилов, А. И. Деникин, П.Н. Врангель, при отсутствии влиятельных представительных структур (исключая органы самоуправления южнорусского казачества), – все это оказало влияние на специфику белой власти.

История первых антибольшевистских центров, их формирования и развития нашла отражение в монографии С. В. Карпенко «Очерки истории Белого движения на Юге России». В ней заметное место уделено также социально-экономическим, финансовым проблемам белого Юга в 1917–1920 годах (75). Особенности комплектования и руководства Добровольческой армией, ее политический статус в конце 1917 – начале 1918 года исследовались И. Н. Гребенкиным (76). Выражения политических взглядов офицерства Добровольческой армии рассматривались в монографии Р. М. Абинякина (77).

Национально-государственная политика становилась одним из наиболее важных элементов всего внутривосточного курса белого Юга. Понимание национальной политики сводилось к простому восстановлению унитарного устройства России. Формирование национальных государственных образований, отношение к этому со стороны деникинского правительства необходимо для понимания проблемы т. н. «областной автономии» (а по сути, федерации) в политических программах белых. Изучение национальной политики на белом Юге позволяет понять существо центрального лозунга Белого движения – «За Единую и Неделимую Россию». Эта проблема отражена в исследованиях А. С. Пученкова (78). Характер взаимоотношений белого правительства и политических режимов гетманской Украины, Украинской Народной Республики, оккупационного немецкого командования исследован в книге В.Ф. Солдатенко (79).

Другой аспект национальной политики – отношения белой власти с народами Северного Кавказа. И здесь региональные исследования также имеют приоритет. Х. М. Доного изучал вопросы как антиденикинского повстанчества в Чечне и Дагестане, так и деятельность тех, кто поддерживал белую власть (80). Исследования С. А. Орешина позволяют понять особенности деникинской национальной политики на Кавказе в контексте общего социального положения региона в период гражданской войны (81).

Значительный интерес представляет также монография Е. Ф. Жуликовой, в которой на основании ранее исследованных, но не сохранившихся позднее документов Грозненского исторического архива рассматриваются малоизвестные признаки повстанческого движения в Чечне и Дагестане (82). Монография О. М. Морозовой, основанная на не публиковавшихся архивных документах, показывает особенности организации белой власти на Северном Кавказе (83).

История военной диктатуры на белом Юге связана с деятельностью его военных лидеров – диктаторов. Неизменный интерес вызывают личности генералов М. В. Алексеева, Л. Г. Корнилова, А. И. Деникина и П. Н. Врангеля. Помимо военных лидеров, изучались также и особенности функционирования правительственных структур, подчиненных военному командованию (Особого Сопровождения, Правительства Юга России) (84). С. В. Карпенко обращался к вопросам истории «врангелевской диктатуры», раскрыл суть провозглашенной в 1920 г. в Крыму «левой политики правыми руками» (85). Интересны статьи сборника, изданного по результатам научной конференции, прошедшей в 2005 г. в Институте российской истории, посвященной истории белого Крыма в 1920 году. Большое внимание проблемам репрессий в Крыму уделяет Д.В. Соколов (86).

Отношения военного и политического руководства Польши, перспективы сотрудничества Польши с Врангелем, судьбы русских военных и беженцев, оказавшихся на территории Польши, – круг этих вопросов актуален в свете исследований, посвященных проблематике событий 1920 года. Рассматривать ли советско-польскую войну в контексте «третьего похода Антанты» как единого антибольшевистского движения или же обратиться к ней как к самостоятельному вооруженному противостоянию, не связанному непосредственно с белым Крымом, – данные проблемы требуют дальнейшего изучения. Большой вклад в данную тематику внесли работы Т.М. Симоновой (87).

В историографии Белого движения в России представляется необходимым выделить весьма многочисленные исследования по истории казачества. Главная проблематика здесь – изучение деятельности казачьих органов власти и самоуправления, особенности их избрания, пределы компетенции. Немаловажно изучение истории казачьих войск и с точки зрения перспектив взаимоотношений их структур управления с всероссийской властью, степени их стремления к самостоятельности, автономии в составе будущего Российского государства.

В данных исследованиях также можно выделить региональный аспект. Среди работ, отражающих историю южнорусского казачества, следует отметить основанные на большом количестве архивных материалов труды В.Д. Венкова, О. В. Ратушняка, О. В. Кондрашенко, Ю.Д. Гражданова (88).

История Сибирского казачьего войска – предмет исследований В. А. Шудякова, С. М. Андреева. Социальному составу, идеологии военного руководства армии адмирала Колчака, в том числе и представителей Сибирского, Оренбургского, Забайкальского казачества, посвящены исследования Е. В. Волкова (89). Заметным вкладом в изучение истории восточного казачества стали работы А. В. Ганина, О. В. Парамонова, С.Н. Савченко, В.Н. Абеленцева, П.А. Новикова (90).

В зарубежной историографии правомерно выделить два направления. Первое представлено историками русской эмиграции (сюда можно отнести и представителей «первой волны», и тех, кто продолжал изучение Белого дела позднее). Другое – ученые, представители других

государств. Первое направление отличалось не только большим объемом написанной и изданной литературы, но и стремлением к достаточно обобщенным выводам. Однако оценочные суждения, данные в книгах, нередко сводились не к выявлению объективных закономерностей формирования и развития Белого движения, а к поиску причин поражения, причем нередко это были причины субъективного, частного порядка (от неких «масонских» связей белых политиков и военных до отсутствия откровенного монархического лозунга в качестве единственного, объединяющего всех участников белой борьбы).

Так, например, П. Н. Милюков проанализировал эволюцию Белого движения, его особенности с точки зрения провозглашения тех или иных лозунгов – от демократических до монархических (91). Для генерала Н.Н. Головина главным стало изучение формирования российской контрреволюции, факторов, способствовавших приходу к власти адмирала Колчака (92). Обзор и анализ основных событий в российском антибольшевистском движении в 1918 году дал А. Зайцов (93). С. П. Мельгунов исследовал историю белой Сибири в связи с личностью самого Верховного Правителя. Одним из первых историков он обратился к истории белого Севера, исследуя его через биографию известного российского политика Н.В. Чайковского (94).

Д. Лехович посвятил свое исследование генералу Деникину, его политическим убеждениям, особенностям идеологии Белого дела на Юге России (95). С. П. Петровым рассматривались причины поражения Белого дела в Сибири, связанные с ошибками правительства Колчака (96). Историю завершающего периода Белого движения на Юге России, врангелевского Крыма, дал Н. Росс. В своей книге он затрагивал популярный тезис о перспективах образования в Таврии самостоятельного государственного образования (97).

В исследованиях иностранных авторов немалое место занимали проблемы политического и даже психологического плана. Однако в оценках и выводах часто замечалось стремление определить некую социокультурную парадигму, свойственную всем представителям Белого движения. Использовались нередко идеологические установки советологии, согласно которым в российской элите преобладали стремления к авторитарной модели управления, поэтому именно генералитет доминировал в определении политического курса. Но после 1917 года общество, стремившееся к свободе, уже не мирилось с прежними имперскими методами власти, а недостаточные и несвоевременные реформы белых правительств не получали должной поддержки среди населения.

Истории белой Сибири посвящено фундаментальное исследование Дж. Смелла «Гражданская война в Сибири» (*Civil war in Siberia*). Автор проанализировал развитие структур власти в 1918–1919 годах, отметил особенности взаимодействия военной власти с различными общественными структурами (98). Н.Г. Перейра проследил историю восточных антибольшевистских правительств – Комуча и Временного Сибирского правительства, специфику конфликта «демократической общественности» с «реакционными военными» (99). В серии «Россия в переломный момент истории» вышли переводы изданий ряда западных ученых. Отношения белых режимов со странами Антанты – предмет исследований Р. Уорта, Д. Дэвиса и Ю. Трани (100). П. Флеминг, рассматривая правление Колчака, отмечал, что личные качества адмирала вступали в явное противоречие с его диктаторскими полномочиями (101). В монографии П. Кенеза на примере белого Юга рассматривались конфликты между «общественностью» и военными, белым генералитетом и казачеством. Это, по мнению автора, подрывало стабильность белого тыла (102). Монография Э. Кронера посвящена сложной, драматичной судьбе генерала Врангеля, даются его психологические характеристики. В ней также рассматривается специфика политического курса врангелевского правительства (103).

Наряду с исследованиями, посвященными отдельным регионам Белого движения, не менее важное значение приобретают работы, отражающие комплексное изучение определенных направлений внутренней и внешней политики всех белых режимов в их хронологической

последовательности. Данные работы позволят выделить общие, характерные черты Белого движения, а поскольку общероссийские лозунги в его программах доминировали над региональными, это позволит представить отличительные особенности Белого дела в единстве основных его политических направлений.

Относительно мало исследований проведено по внешней политике Белого дела. В монографии М. М. Кононовой изучены проблемы деятельности российских дипломатических структур, не признавших советскую власть и координировавших свою работу с главой МИД Российского правительства адмирала Колчака С. Д. Сазоновым. О. В. Будницким рассматривались оценки двумя ведущими послами (В. А. Маклаковым во Франции и Б. А. Бахметевым в САСШ) перспектив развития Белого дела, возможности его признания мировыми державами. Важным аспектом исследования становится позиция белых правительств по вопросам российского представительства на Версальской конференции, отношения к международным обязательствам России (104).

Весьма актуальными в изучении истории Белого движения являются исследования, посвященные политико-правовой истории. Интересно проследить общие закономерности развития структур управления Белого дела, их статус, степень поддержки местным населением.

В историографии по данной теме выделяется монография Г. А. Трукана. По мнению автора, белые правительства, в силу специфики военного времени, ориентировались на авторитарные методы управления. Однако более гибкое сочетание принципов «твердой власти» и демократических методов управления привело бы к большим результатам. Вопреки ожиданиям, расчеты на поддержку иностранных государств не укрепляли белые режимы, а ставили их в зависимость от внешнеполитической конъюнктуры (105). Политический курс Белого движения на основе такого важного источника, как периодическая печать, исследовал Л. А. Молчанов (106).

В условиях войны возрастает влияние не только офицерства вообще, но и наиболее образованной, профессиональной его части. Здесь важно выделить работы А. В. Ганина, посвященные особенностям службы в рядах белых армий на различных фронтах офицеров Генерального штаба (107).

В работах А. Н. Никитина рассмотрены проблемы создания различных органов власти белых режимов, в особенности их репрессивных структур. При сравнении южнорусского и восточного белых режимов автором выделялись их общие черты и особенности. По его мнению, преобладание военных форм управления не способствовало успехам белых (108). В. Г. Медведев изучал специфику развития законодательства белой власти, прежде всего – в области аграрной и рабочей политики (109). В. А. Кожевников показал, что всем белым правительствам недоставало опоры на представительные структуры, из-за чего их стабильность была слабой, а опора была лишь на армейские штыки (110).

Положено начало изучению политико-правовой составляющей белой идеологии. О. А. Кудинов в своей монографии отметил необходимость исследования «конституционных проектов и конституционно-правовых идей Белого движения». Правда, «конституционные проекты Белого движения» рассматриваются им лишь в одной главе, а большая часть работы посвящена «белоэмиграции» (111).

В работах О. В. Будницкого рассматривались общие для белых армий и правительств аспекты национальной политики, в частности отношение к т. н. «еврейскому вопросу». Также рассматривались вопросы финансовой политики колчаковского правительства в контексте судьбы российского золотого запаса (112).

Особенности организации, формы и методы работы спецслужб белых правительств и белых армий подробно рассматривались Н. С. Кирмелем (113).

Активность антисоветских подпольных центров, «белый террор» рассматривались в работах П. А. Голуба, И. Ратьковского (114).

Всегда востребована справочная литература. Так, например, обобщенные статьи о белых правительствах, биографии участников Белого движения имеются в четырехтомной энциклопедии «Революция и гражданская война в России. 1917–1923 гг.». Готовится к печати новое издание энциклопедии в издательстве РОССПЭН (115).

Подводя итог анализу основных тенденций в изучении российского Белого движения, его политического курса, следует отметить продолжающееся довольно активное обращение авторов к его политическим, политико-правовым аспектам.

Важно отметить, что изучение политического курса как такового и его конкретной реализации правомерно разделяются исследователями. Можно говорить о теоретических разработках тех или иных преобразований, о наличии определенной программы Белого движения, но трудно совместить их с теми реалиями, которые были на белом фронте и в тылу. Трудно требовать от политических режимов незамедлительных преобразований в условиях гражданской войны. Ведь и политика советской власти в области экономики, например, правомерно может быть разделена на теоретические разработки начала 1918 года (близкие, по существу, к НЭПу) и чрезвычайные формы и методы управления в условиях «военного коммунизма». Поэтому «теория и практика» Белого движения могут существенно различаться, особенно когда речь идет о демократических проектах постсоветской России и об авторитарных методах управления в период гражданской войны.

Эффективно совместить анализ политических проектов и политических реалий вполне возможно на уровне региональных исследований. В этом отношении, как было показано выше, изучение особенностей разных белых фронтов – Восточного, Южного, Северного, Северо-Западного – должно продолжаться.

Необходимо продолжать активное введение в научный оборот новых источников. При этом публикации должны совмещаться с научным аппаратом и комментариями. Кроме того, важной задачей остается не столько издание или переиздание исторических источников, сколько их осмысление и научный анализ. Хотя проблему издания в России многих рукописей или опубликованных в Зарубежье материалов нельзя считать решенной, поскольку при значительном объеме переизданий ряда авторов (П.Н. Врангеля, А. В. Туркула и др.) многие произведения остаются неизвестными и невостребованными в научных работах, мало используется в качестве исторического источника белая пресса, периодическая печать.

Тогда как историки стремятся тщательно исследовать максимально возможный объем источников и не торопятся делать выводы и обобщения, эту часть аналитической работы за них нередко «делают» публицисты, однако уровень данных работ может оказаться весьма далеким от научного.

При том, что изучение региональной проблематики Белого движения происходит довольно интенсивно, еще недостаточно работ обобщающего характера. Например, автором данного раздела издано исследование под общим названием «Белое дело в России. Формирование и эволюция политических структур Белого движения в России» (116).

Необходимы еще исследования, где Белое движение представлялось бы с позиций хронологической, региональной цельности и в то же время почти одновременной эволюции. Еще недостаточно работ, отражающих отдельные периоды его истории в 1917–1922 годах. Издание обобщающих аналитических работ необходимо продолжать.

Ведется активное изучение отдельных лидеров, персоналий, участников Белого движения. Однако и здесь, при вполне объяснимом повышенном внимании к белым вождям, мало внимания уделяется менее известным генералам и офицерам. Только в последнее время стали публиковаться материалы о политических деятелях белых правительств. Хотя, как правило, эти исследования являются сопроводительными материалами (вступительными статьями, комментариями) к опубликованным воспоминаниям или дневникам данных политиков.

Многим исследованиям свойственно недостаточно критичное отношение к источникам. Например, при анализе причин поражения белых авторы часто повторяют оценки Н. В. Устрялова, П.Н. Милюкова, генералов А. И. Деникина, П.Н. Врангеля, А. Будберга, А.А. фон Лампе и др., не проводя сравнительных характеристик с другими источниками.

Новым направлением можно назвать обращение к изучению внешней политики белых правительств, но здесь работу можно считать еще только начавшейся. Интересно было бы изучение формирования идеологии Белого дела, влияния на нее различных мировоззренческих установок, стереотипов, философских концепций, имевших место в России начала XX столетия. Мало изучены проблемы социальной психологии участников Белого движения. Здесь были бы востребованы методы междисциплинарного синтеза. Данные направления исследований были намечены в монографиях В.П. Булдакова (117).

Перспективны исследования по истории белых спецслужб, причем не только применительно к их организационной структуре, но и в отношении конкретных операций, проводимых разведывательными и контрразведывательными органами белых.

Весьма мало работ, отражающих особенности экономического положения на территориях, контролируемых белыми правительствами, в частности проблемы аграрной политики белогвардейских правительств. Можно и нужно обратить внимание на изучение процессов разработки и принятия экономических законопроектов, а также их реализацию, отношение к ним населения.

Таким образом, перспективы развития историографии Белого движения достаточно обширны. Фрагментарность тематики и публицистичность, недопустимая политизированность выводов должны смениться глубокими, многоплановыми исследованиями. Но продолжать изучение этого явления нашей истории, разумеется, следует на основе уже достигнутых результатов исторической науки. Это способствует целям сближения и сплочения различных слоев нашего общества, их патриотическому воспитанию.

* * *

1. *Зими́на В.Д.* Белое движение и российская государственность в период гражданской войны. Автореф. докт. дисс. М., 1998, с. 19, 27.
2. *Кин Д.* Деникинщина. М., 1927.
3. *Гуковский А.* Аграрная политика Врангеля // В сб-ке: Разгром Врангеля. М., 1930.
4. *Майский И.* Демократическая контрреволюция. М.; Пг., 1922; *Колосов Е.Е.* Сибирь при Колчаке. Воспоминания, материалы, документы. Пг., 1923.
5. *Кин Д.* Указ, соч., с. 92–93; *Гуковский А.* Указ, соч., с. 210–211.
6. *Егоров А. И.* Разгром Деникина в 1919 г. М., 1931.; *Какурьин Н.Е.* Как сражалась революция. М., 1925, т. т. 1–2; *Антонов-Овсеенко В. А.* Записки о гражданской войне. 1928, тт. 1–3.
7. Революция на Украине по мемуарам белых (под. ред. Н.И. Попова). М. – Л., 1930; *Пионтковский С.* Гражданская война в России (1918–1921 гг.). Хрестоматия, М., 1925; Документы по истории гражданской войны в СССР. М. 1941, т. 1.
8. См., например: *Ангарский М. С.* Второй поход Антанты и его разгром. М., 1940; *Рейхберг Г.* Разгром японской интервенции на Дальнем Востоке (1918–1922). М., 1940.
9. См., например: *Вольфсон Б.* Конец авантюры барона Врангеля. Симферополь, 1940, с. 25.
10. *Иоффе Г. З.* Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977; *Его же.* Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983; *Алексащенко А. 77.* Крах деникинщины. М., 1966; *Кириенко Ю.К.* Крах калединщины. М., 1976.

11. *Спирин Л.М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. М., 1977; *Иллерецкая Е. В.* Аграрный вопрос: провал аграрных программ и политики непролетарских партий в России. М., 1981; *Думова Н. Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982.
12. *Карпенко С. В.* Крах последнего белого диктатора. М., 1990; *Федюк В.П.* Деникинская диктатура и ее крах. Ярославль, 1990.
13. *Голдин В. И.* Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918–1920 гг. М., 1993; *Венков В.Д.* Антибольшевистское движение на Юге России на начальном этапе гражданской войны. Ростов-на-Дону, 1995.
14. *Федюк В.П.* Белые. Антибольшевистское движение на Юге России. 1917–1918 гг. М., 1996; *Ушаков А. 77., Федюк В. 77.* Белый Юг. Ноябрь 1919 г. – ноябрь 1920 г. М., 1997.
15. Белое дело (составитель С. В. Карпенко). М., 1992, 1993. Вып. 1, 2, 3; Белое движение. Начало и конец. М., 1990; Весть из канувшего в Лету. Политика генерала Врангеля. Российская газета, 14 декабря 1990 г.; *Савин Н.В.* Воспоминания. СПб., 1993; *Махров 77. С.* В Белой армии генерала Деникина. СПб., 1994; и др.
16. *Устинкин С. В.* Белая Гвардия. Нижний Новгород, 1997.
17. *Зими́на В.Д.* Белое движение в России. Волгоград, 1997; Эти же выводы были развиты В.Д. Зиминой и позднее, см., например: Экономика и власть белых политиков Сибири: историографические традиции и инновации // Белая армия. Белое дело. № 15. Екатеринбург, 2006, с. 14.
18. *Гуль Р.* Ледяной поход; *Деникин А.* Поход на Москву; *Гуль Р.* Жизнь на фукса. М., 1990; *Слащов-Крымский Я. А.* Белый Крым. 1920 г. Мемуары и документы. М., 1990; *Туркул А. В.* Дроздовцы в огне. М., 1991; *Врангель П.Н.* Записки. Кн. 1–2. М., 1991.
19. Архив русской революции. М., тт. 1—22, 1991–1993; Белое дело. Избранные произведения в 16 книгах. Под редакцией С. В. Карпенко. М., 1992–1993.
20. *Поляков Ю. А.* Проспект издания «Истории гражданской войны» // История СССР. 1990. № 2.
21. Россия антибольшевистская. Из белогвардейских и эмигрантских архивов. Составитель Г. А. Трукан. М., 1995.
22. Фонды Русского Заграничного исторического архива в Праге. Межархивный путеводитель. М., 1999; См. также: ГА РФ. Путеводитель, т. 5, Личные фонды Государственного архива Российской Федерации (1917–2000 гг.). М., 2001; ГА РФ. Путеводитель, т. 6, Перечень фондов Государственного архива Российской Федерации и научно-справочный аппарат к документам архива. М., 1998; ГА РФ. Путеводитель, т. 4, Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории белого движения и эмиграции. М., 2004; Российский государственный военный архив. РГВА. Путеводитель по фондам белой армии. М., 1998.
23. Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1915–1920 гг., т. 3, М., 1998; Съезды и конференции конституционно-демократической партии, т. 3, кн. 2, 1918–1920 гг. М., 2000; Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии. Май 1920 г. – июнь 1921 г., т. 4. М., 1996; Всероссийский Национальный Центр. М., 2001; Тактический Центр. М., 2012.
24. Журналы заседаний Особого Совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России А. И. Деникине. М., 2008; Протоколы допроса колчаковских министров. М., 2003; Верховный Правитель России: документы и материалы следственного дела адмирала А. В. Колчака. М., 2003; Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.). Сборник документов и материалов. Новосибирск, 2007; Журналы и стенографические отчеты заседаний Совета Министров Российского правительства А. В. Колчака (ноябрь 1918 г. – май 1919 г.), т. 1. М., 2017; Журналы и стенографические отчеты заседаний Совета Министров Российского правительства А. В. Колчака (июнь – декабрь 1919 г.), т. 2. М., 2017.

25. Дело генерала Л. Г. Корнилова. Август 1917 г. – июнь 1918 г., тт. 1, 2. М., 2003; Протоколы допроса колчаковских министров. М., 2003; Ярославское восстание. 1918 г. М., 2007.
26. Совершенно лично и доверительно. Б. А. Бахметев – В. А. Маклаков. Переписка. 1919–1951 гг. Под ред. О. В. Будницкого, тт. 1–3. М., 2001, 2002.
27. Миллюков П. Н. Россия на переломе. М., 2001; Миллюков П. Н. История второй русской революции. М., 2001; Львов Г. Е. Воспоминания. М., 2002; Родзянко А. П. Воспоминания о Северо-Западной армии. М., 2001; Пилкин В. К. В Белой борьбе на Северо-Западе. М., 2005.
28. Алексеева-Борель В. М. Сорок лет в рядах русской императорской армии. Генерал М. В. Алексеев. СПб., 2000; Марина Грей. Мой отец генерал Деникин. М., 2003.
29. Белое дело. Избранные произведения в 16 книгах. Под редакцией С. В. Карпенко. М., 1990–2005.
30. Первые бои Добровольческой армии. М., 2001; Сопротивление большевизму. 1917–1918 гг. М., 2001; Зарождение Добровольческой армии. 1-й Кубанский («Ледяной») поход. М., 2001; Второй Кубанский поход и освобождение Северного Кавказа. М., 2002; 1918-й год на Украине. М., 2001; Белая борьба на Северо-Западе России. М., 2003; Восточный фронт адмирала Колчака. М., 2004; Последние бои на Дальнем Востоке. М., 2005; и др.
31. Ненюков Д. В. От Мировой до Гражданской войны. Воспоминания, 1914–1920 гг. М., 2014; Реджи. Антанта, немцы и русская Добровольческая армия в Прибалтике. М., 2015; Писаренко Д. С. Терское казачество. Три года революции и борьбы. 1917–1920 гг. М., 2016; Слюсаренко В. А. На Мировой войне, в Добровольческой армии и эмиграции. Воспоминания, 1914–1921 гг. М., 2016.
32. Бордюгов Г. А., Ушаков А. И., Чураков В. Ю. Белое дело: идеология, основы, режимы власти. М., 1998.
33. Тормозов В. Т. Белое движение в гражданской войне. 80 лет изучения. М., 1998.
34. Голдин В. И. Гражданская война в России сквозь призму лет: историографические процессы. Мурманск, 2012.
35. Гришанин П. И. Современная отечественная историография Белого движения: традиции и инновации. Пятигорск, 2009.
36. Голдин В. И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918–1920 гг. М., 1993; Белый Север. 1918–1920 гг.: Мемуары и документы. Вып. 1, 2. Архангельск, 1993; Заброшенные в небытие. Интервенция на Русском Севере (1918–1919) глазами ее участников. Архангельск, 1997.
37. Соловьева И. А. Внутренняя политика Верховного управления Северной области: особенности формирования и функционирования. Автореф. канд. дисс. М., 1994; Таскаев М. В. Антибольшевистское движение в Коми крае. Автореф. канд. дисс. М., 1996.
38. Журавлев П. С. Северный регионализм в историческом пространстве российской гражданской войны // В сб-ке: Русский Север в историческом пространстве российской гражданской войны. Архангельск, 2005, с. 160–176; Осипов В. В. Архангельское земство в политической системе Северной области (август 1918 г. – февраль 1920 г.) // Гражданская война в России и на Русском Севере. Архангельск, 1999, с. 87–92.
39. Овсянкин Е. И. На изломе истории. События на Севере в 1917–1920 гг. Мифы и реальность. Архангельск, 2007.
40. Провинциальная «контрреволюция»: Белое движение и Гражданская война на русском Севере, 1917–1920. М., 2011; Эвакуация Северной области: предыстория, динамика распада, последствия // В сб-ке: «Русский исход». СПб., 2004, с. 53–79.
41. Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе России (1918–1920 гг.). СПб., 1998.
42. Мусаев В. И. Белое движение на Северо-Западе России в 1919 году и политика Великобритании. Автореф. канд. дисс. СПб., 1993.

43. *Рутыч И.Н.* Белый фронт генерала Юденича. М., 2002.
44. *Розенталь Р.* Северо-Западная армия: хроника побед и поражений. Таллин, 2012.
45. *Пюккенен А. Ю.* Георгий Эльвенгрэн. Герой Перешейки. СПб., 2004; *Осинов А. Ю.* Финляндия и гражданская война в Карелии. Автореф. канд. дисс. Петрозаводск, 2006.
46. *Барон Ник.* Король Карелии. Полковник Ф. Дж. Вудс и британская интервенция на Севере России в 1918–1919 гг. СПб., 2013; *Рюдигер фон дер Гольц.* Моя миссия в Финляндии и Прибалтике. СПб., 2015.
47. *Акунов В.* Фрайкоры. Германские добровольческие отряды в 1918–1923 гг. М., 2004; *Его же.* Последние ландскнехты. Ямбург, 2016.
48. *Калкин О. А.* На мятежных рубежах России. Псков, 2003; *Горбачев Н.А.* О политической деятельности командования Северной армии в мае 1919 г. // В сб-ке Белое движение на Северо-Западе и судьбы его участников. Псков, 2005, с. 44–57; Белое движение на Северо-Западе и судьбы его участников. Псков, 2004; *Болотина Д. И.* Некоторые аспекты взаимоотношений Белых армий России с европейскими державами в 1918–1920 гг. (на примере Северо-Западной армии) // Белое движение на Северо-Западе России и судьбы его участников. Псков, 2009.
49. *Прайсман Л. Г.* Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге. СПб., 2015.
50. *Ларьков Н. С.* Армия и борьба за власть в Сибири в конце 1917–1918 г. Автореф. докт. дисс. Томск, 1996; *Его же.* Сибирский белый генерал. Томск, 2017.
51. *Шиловский М.В.* Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск, 2003.
52. *Московкин В. В.* Противоборство политических сил на Урале и в Зауралье в период революций и гражданской войны: 1917–1921 гг. Автореф. докт. дисс. Тюмень, 2004.
53. *Сушко А. В.* Процессы суверенизации народов Сибири в годы Гражданской войны. М., 2014.
54. *Журавлев В. В.* Антибольшевистский переворот и создание государственной власти контрреволюции в Сибири (май – июль 1918 г.) // Проблемы истории гражданской войны на Востоке России. Новосибирск, 2003; *Его же.* Государственная власть сибирской контрреволюции (май – ноябрь 1918 г.). Автореф. канд. дисс. Новосибирск, 2004.
55. Приветственные послания Верховному Правителю и Верховному Главнокомандующему адмиралу А. В. Колчаку. Ноябрь 1918 г. – ноябрь 1919 г. СПб., 2012.
56. *Казанчиев А.Д.* Уфимская Директория 1918 года. Автореф. канд. дисс. Уфа, 1996; *Его же.* Уфимская Директория 1918 года. Уфа, 2003.
57. *Плотников И. Ф.* А. В. Колчак // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, № 2, 1994; Александр Васильевич Колчак. Исследователь, адмирал, Верховный Правитель России. Автор и составитель И.Ф. Плотников. М., 2002.
58. *Шишкин В. И.* Правовое положение и компетенция Совета министров Российского правительства (ноябрь 1918 г. – январь 1920 г.) // Проблемы истории местного управления Сибири XVI–XXI вв. Материалы V Всесибирской научной конференции. Ч. 1, 2003, с. 90–100; *Шишкин В. И.* 1918 г.: от Директории к военной диктатуре // Вопросы истории, № 10, 2008, с. 42–61.
59. *Зырянов П.Н.* Адмирал Колчак. М., 2013.
60. *Хандорин В. Г.* Адмирал Колчак: правда и мифы. Томск, 2007; *Его же.* Национальная идея и адмирал Колчак. М., 2017.
61. *Кручинин А. С.* Адмирал Колчак: жизнь, подвиг, память. М., 2012.
62. За спиной Колчака. Документы и материалы. Сост. А. В. Квакин. М., 2005; С Колчаком – против Колчака. Под ред. А. В. Квакина. М., 2007.

63. *Луков Е.В., Шевелев Д.Н.* Осведомительный аппарат белой Сибири: структура, функции, деятельность (июнь 1918 г. – январь 1920 г.). Томск, 2007.

64. *Кожевников В. А.* Проекты сибирской автономии в период правления адмирала А. В. Колчака (1918–1919 гг.). // *Белая армия, Белое дело.* Екатеринбург, № 10, 2002; *Его же.* Государственное устройство России в планах антибольшевистской оппозиции. Воронеж, 2003.

65. *Кокоулин В. Г.* Белая Сибирь. Борьба политических партий и групп (ноябрь 1918 г. – декабрь 1919 г.), Новосибирск, 2017.

66. *Новиков П.А.* Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2005.

67. *Шмелев А.* Внешняя политика правительства адмирала Колчака. 1918–1919 гг. СПб., 2017.

68. *Звягин С.П.* Правоохранительная политика А. В. Колчака. Кемерово, 2001.

69. *Рышков В. М.* Финансовая политика антибольшевистских правительств Востока России. Новосибирск, 2006.

70. *Некрасова Л. В.* Российское правительство адмирала А. В. Колчака (18 ноября 1918 г. – 4 января 1920 г.); *Нам И. В.* Национальные проблемы в деятельности сибирских областников: августовская конференция 1917 г.; *Никитин А. Н.* Органы местной власти «белой» Сибири; *Кривоносое Я. Е.* Земство Алтая в системе «белых» властей (1917–1919 гг.); *Мальцева Т.В.* Земство на территории Кузбасса в 1917–1919 гг. // *История «белой» Сибири.* Кемерово, 1997; *Посадское А. Л.* Историография чехословацкого корпуса в России: смена эпох и эволюция взглядов (1920–2000 гг.); *Шмелев А. В.* Формирование внешнеполитического ведомства Сибирского правительства; *Жуков В. С.* Некоторые аспекты внешней политики правительства А. В. Колчака и его взаимоотношений с союзниками; *Авдошкина О. В.* Формирование антибольшевистских правительств в Сибири и на Дальнем Востоке // *История Белой Сибири.* Кемерово, 2003; *Кручинин А. С.* Политические взгляды генерала А. Н. Гришина-Алмазова; *Савченко С.Н.* Дальневосточный казачий сепаратизм при диктатуре адмирала А. В. Колчака; *Посадское А. Л.* «Столица» на две недели: к истории пребывания А. В. Колчака в Новониколаевске (19 ноября – 4 декабря 1919 г.); *Луков Е. В.* К вопросу об изменении закона о выборах гласных городских дум Российским правительством Колчака; *Ларьков Н. С.* О роли «потанинского кружка» в консолидации антибольшевистских сил в Сибири; *Добровольский А. В.* Съезд членов Учредительного Собрания // *История белой Сибири.* Кемерово, 2005; *Гаврилов Е. О.* Гражданская война как проявление специфики реализации социальных альтернатив в России; *Гришин П. И.* Политическая институализация Белого движения в период гражданской войны // *Сибирь в годы гражданской войны.* Кемерово, 2007; и др.

71. *Дроков С. В.* «Реальная» политика Временного Сибирского правительства // *Белая армия. Белое дело.* Екатеринбург, № 9, 2001; *Плешкевич Е.А.* Временное областное правительство Урала: дискуссия о причинах образования // *Белая армия. Белое дело.* Екатеринбург, № 10, 2002; *Ганин А. В.* Председатель Совета министров П. В. Вологодский и Отдельная Оренбургская армия // *Белая армия. Белое дело.* Екатеринбург, № 16, 2009.

72. *Ципкин Ю.Н.* Белое движение на Дальнем Востоке (1920–1922 гг.). Хабаровск, 1996; *Его же.* Приморье: последний оплот Белого движения в России (1920–1922 гг.). // *Белая армия, Белое дело.* Екатеринбург, № 4, 1997; *Его же:* Небольшевистские альтернативы развития Дальнего Востока России в период Гражданской войны (1917–1922 гг.). Хабаровск, 2002.

73. *Василевский В. И.* Забайкальская Белая государственность. Чита, 2000; *Кокоулин В. Г.* Читинское Краевое Народное Собрание (апрель – октябрь 1920 г.) // В сб-ке: *История Белой Сибири.* Кемерово, 2003; *Марковнин В.* Два атамана. М., 2003; *Бучко 77. 77.* «Атаманщина» на Дальнем Востоке и проблема единства России в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.) // *Казачество Дальнего Востока России во второй половине XIX–XX вв.* Хабаровск, 2006; *Романов А. М.* Особый Маньчжурский отряд атамана Семенова. Иркутск, 2013.

74. *Касаточкин Д. Р.* Азиатская конная дивизия и этнополитические процессы в Забайкалье и Монголии. Автореф. канд. дисс. М., 2016; *Белов Е.* Барон Унгерн фон Штернберг. Биография, идеология, военные походы 1920–1921 гг. М., 2003; Барон Унгерн в документах и мемуарах. Сост. С. Л. Кузьмин. М., 2004; Легендарный барон: неизвестные страницы гражданской войны. Сост. С. Л. Кузьмин. М., 2004; *Жуков А. В.* Барон Унгерн. Кровавый правитель Урги. М., 2014.

75. *Карпенко С. В.* Очерки истории Белого движения на Юге России (1917–1920 гг.). М., 2003.

76. *Гребенкин И. Н.* Первый Кубанский поход. Автореф. канд. дисс. Рязань, 2004; *Его же.* Добровольцы и Добровольческая армия: на Дону и в «Ледяном походе». Рязань, 2005.

77. *Абинякин Р. М.* Офицерский корпус Добровольческой армии: социальный состав, мировоззрение. 1917–1920 гг. Орел, 2005.

78. *Пученков А. С.* Национальный вопрос в идеологии и политике южнорусского Белого движения в годы гражданской войны. 1917–1919 гг. Автореф. канд. дисс. СПб., 2005; *Его же.* Украина и Крым в 1918 – начале 1919 года. Очерки политической истории. М., СПб., 2013.

79. *Солдатенко В. Ф.* Гражданская война в Украине. 1917–1920 гг. М., 2012.

80. Полковник М. Джафаров. Сборник под ред. Х.М. Доного. Махачкала, 2005; *Доного Х.М.* Нажмуддин Гоцинский: общественно-политическая борьба в Дагестане в 1-й четверти XX века. Махачкала, 2005.

81. *Орешин С. А.* Национально-государственное строительство на Северном Кавказе. Автореф. канд. дисс. М., 2015.

82. *Жуникова Е. Ф.* Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 гг. М., 2016.

83. *Морозова О. М.* Генерал Иван Георгиевич Эрдели. Страницы Белого движения на Юге России. М., 2017.

84. *Ушаков А. И., Федюк В. П.* Корнилов. М., 2012; *Цветков В. Ж.* Генерал М. В. Алексеев. М., 2014; *Козлов А. И.* Антон Иванович Деникин. М., 2004.

85. *Карпенко С. В.* Белые генералы и «красная смута». М., 2009.

86. *Латыпов Р. Т.* К вопросу о деятельности белых правительств во время Гражданской войны на Юге России // В сб-ке: Крым. Врангель. 1920 год. М., 2006, с. 6–15; *Карпов Н. Д.* А. И. Деникин и П. Н. Врангель: от несогласия к антагонизму // Там же, с. 26–39; *Крупина В. А.* Украина в программе государственного строительства П. Врангеля // Там же, с. 159–170; *Посадский А. В.* Белый Юг и махновщина: к проблеме взаимоотношений // Там же, с. 170–185; *Исхаков С. М.* Мусульманская политика П. Н. Врангеля // Там же, с. 185–214.

87. *Симонова Т. М.* Советская Россия (СССР) и Польша. Русские антисоветские формирования в Польше (1919–1925 гг.).

88. *Венков В. Д.* Антибольшевистское движение на Юге России на начальном этапе гражданской войны. Ростов-на-Дону, 1995; *Гражданов Ю. Д.* Союз орлов. Белое дело России и германская интервенция в 1917–1920 гг. Волгоград, 1997; *Ратушняк О. В.* Политические искания донского и кубанского казачества в годы гражданской войны в России (1918–1920 гг.) // Белая Гвардия, № 8, 2005; *Кондратенко О. В.* Конституционный опыт государственного строительства на территории казачьих войск Юго-Востока России в период гражданской войны // Белая Гвардия, № 8, 2005; *Родионов В.* Тихий Дон атамана Каледина. М., 2007; *Смирнов А. А.* Вожди белого казачества. Атаман Каледина. М., 2003; *Антропов О. О.* Астраханское казачество. М., 2013.

89. *Волков Е. В.* Под знаменем белого адмирала. Офицерский корпус вооруженных формирований А. В. Колчака в период гражданской войны. Иркутск, 2005.

90. *Шулдяков В. А.* Гибель Сибирского казачьего войска. М., 2004. Кн. 1, 2; *Андреев С. М.* Военное и гражданское управление в Сибирском казачьем войске. 1808–1919 гг. Омск, 2005;

Ганин А. В. Атаман А. И. Дутов. М., 2006; *Его же*. Оренбургское казачье войско в конце XIX – начале XX в. (1891–1917 гг.). Автореф. канд. дисс. М., 2006; *Парамонов О. В.* «Дутовки». Боны Оренбургского отделения Государственного банка в 1917–1918 гг. М., 2005; *Новиков ИА.* Казачество Иркутской губернии в Гражданской войне // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, № 20, 2012; *Абеленцев В.Н.* Амурское казачество XIX–XX вв. Благовещенск, 2004; *Савченко С. Н.* Уссурийское казачье войско в гражданской войне на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.). Хабаровск, 2002; *Его же*. Падение власти А. В. Колчака и ликвидация Амурского казачьего войска (конец 1919 г. – весна 1920 г.) // Из истории гражданской войны на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). Вып. 4. Хабаровск, 2004, с. 79–105; *Его же*. Забайкальское казачье войско. Вопросы восстановления, отношения с белыми правительствами, сепаратизм // Из истории гражданской войны на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). Вып. 5. Хабаровск, 2007, с. 44–74.

91. *Милюков П.Н.* Россия на переломе. М., 2001; *Его же*. История второй русской революции. М., 2001.

92. *Головин И. И.* Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. В 2 кн. М., 2011.

93. *Зайцов А.* 1918-й год. Очерки по истории русской Гражданской войны. М., 2015.

94. *Мельгунов С.П.* Трагедия адмирала Колчака. В 2 кн. М., 2004; *Его же*. Н. Чайковский в годы гражданской войны. Париж, 1929.

95. *Лехович Д.* Деникин. Жизнь русского офицера. М., 2004.

96. *Петров С. И* Упущенные возможности. Гражданская война в восточноевропейской части России и в Сибири, 1918–1920 гг. М., 2006.

97. *Росс Н.* Врангель в Крыму. Франкфурт-на-Майне, 1982.

98. J. D. Smele-Civil war in Siberia. The anti-Bolshevik government of Admiral Kolchak, 1918–1920. London, 1996.

99. N.G.O. Pereira. White Siberia. The Politics of Civil War. London, 1996.

100. *Уорт Р.* Антанта и русская революция. 1917–1918. М., 2006; *Д.Э. Дэвис, Ю.П. Грани.* Первая холодная война. Наследие В. Вильсона в советско-американских отношениях. М., 2002.

101. *Флеминг И* Судьба адмирала Колчака. 1917–1920. М., 2006.

102. 77. *Кенез.* Красная атака, белое сопротивление. М., 2007; *Его же*. Подлинная история Добровольческой армии. 1917–1918 гг. М., 2017.

103. *Кронер Э.* Белая армия, Черный барон: жизнь генерала Петра Врангеля. М., 2011.

104. *Кононова М. М.* Русские дипломатические представительства в эмиграции (1917–1925 гг.). М., 2004; *Будницкий О. В.* Нетипичный Маклаков (о политической деятельности В. А. Маклакова) // Отечественная история, 1999, № 2; *Его же*. Б. А. Бахметев – посол в США несуществующего правительства России // Новая и новейшая история, 2000, № 1, с. 134–166.

105. *Трукан Г. А.* Антибольшевистские правительства России. М., 2003.

106. *Молчанов Л. А.* Газетный мир антибольшевистской России. М., 2001; *Его же*. Собственными руками своими мы растерзали на клочки наше государство. М., 2007.

107. *Ганин А. В.* Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014.

108. *Никишин А. Н.* Государственность «белой» России: становление, эволюция, крах. М., 2004.

109. *Медведев В. Г.* Белое движение как результат кризиса политико-правового развития России в 1917–1918 гг. М., 2002.

110. *Кожевников В. А.* Организационно-правовые основы государственной власти антибольшевистских движений в годы гражданской войны (1918–1920 гг.). Автореф. канд. дисс. Волгоград, 2003.

111. *Кудинов О. А.* Конституционные проекты Белого движения и конституционно-правовые теории российской белоэмиграции (1918–1940 гг.), или – за что их расстреливали и депортировали (для тех, кто хочет понять смысл права). М., 2006.

112. *Будницкий О. В.* Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М., 2006; *Его же.* Деньги русской эмиграции: колчаковское золото. М., 2008.

113. *Карающий меч адмирала Колчака / Н.С. Кирмель, В. Г. Хандорин.* М., 2015; *Кирмель Н. С., Шинин О. В.* Красные против белых. Спецслужбы в Гражданской войне. 1917–1922 гг. М., 2016.

114. *Голуб П.А.* Белый террор в России (1918–1920 гг.). М., 2006; *Рашиковский И.* Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды. 1917–1920 гг. М., 2017.

115. *Революция и гражданская война в России. 1917–1923.* Энциклопедия в 4 томах. М., 2008.

116. *Цветков В. Ж.* Белое дело в России. Формирование и эволюция политических структур Белого движения в России. 1917–1918 гг. М., 2008; *Его же.* Белое дело в России. Формирование и эволюция политических структур Белого движения в России. 1919 г. М., 2009; *Его же.* Белое дело в России. Формирование и эволюция политических структур Белого движения в России. 1919–1922 гг., ч. 1. М., 2013; *Его же.* Белое дело в России. Формирование и эволюция политических структур Белого движения в России. 1919–1922 гг., ч. 2. М., 2016.

117. *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010.

Раздел 2

Истоки военно-политической программы Белого движения (март – декабрь 1917 г.)

Глава 1

Отречение Государя Императора Николая II и акт непринятия власти Великим Князем Михаилом Александровичем – события, определившие исходные позиции политико-правового статуса Белого движения (март 1917 г.)

Отречение от Престола Государя Императора Николая Александровича Романова, безусловно, стало тяжелым испытанием российской государственной системы. Возможно ли оценивать этот акт только с точки зрения формального права, государственной системы ценностей, или же как акт сугубо духовного, морального, нравственного порядка? Вопрос, на который до сих пор нет однозначного ответа. Между тем от правильной оценки данного решения Государя и последовавшего за ним акта непринятия Престола Великим Князем Михаилом Александровичем во многом зависит понимание политико-правового статуса российского Белого движения, его легальности и легитимности, основ его политической программы.

В задачу исследования не входит рассмотрение и оценка действий Совета министров, высших военных и гражданских чинов в Петрограде, в Ставке и на фронте в период с 23 февраля по 2 марта 1917 г. Данные структуры относились к системе власти, упраздненной событиями Февральской революции. Для понимания особенностей формирования политико-правового базиса Белого движения гораздо важнее рассмотреть юридическую ситуацию, созданную актом отречения от Престола Государя Императора и непринятием Престола Великим Князем Михаилом Александровичем.

В период с февраля 1917 г. до конца 1920 – начала 1921 г. ни в прессе, ни в официальных заявлениях каких-либо «государственных структур», возникших на территории бывшей единой России, не поднимался вопрос о «подлинности» отречения, о его соответствии законодательству Российской Империи и его правовых последствиях. Исключением были только частные высказывания и докладные записки, составлявшиеся на проходивших весной – осенью 1918 г. в Киеве монархических собраниях. Правда, и на них речь шла о возможности каким-то образом «дезаурировать отречение», то есть добиться того, чтобы Государь сам отказался от принятого им решения, или «в установленном законом порядке назначил себе преемника», или согласился бы на передачу Престола своему сыну Алексею Николаевичу (Алексею II). Отсутствие публичных, официальных заявлений о «незаконности отречения» отчасти объяснялось отрицанием идеи сохранения монархии в любой форме со стороны социалистических партий, имевших в то время значительное политическое и общественное влияние. «Демократическая, федеративная Республика» – лозунг, разделявшийся широкой социалистической коалицией. Не чуждыми данной идее оказались и кадеты, и даже немалая часть тех, кто до февраля 1917 г. заявлял о своих монархических принципах. Не подвергалась сомнению также законность последующих за ним актов о непринятии власти другими представителями Дома Романовых.

С 1920–1921 гг. отношение к отречению и его политико-правовым последствиям существенно изменилось. Были разгромлены основные военные фронты Белого движения в России, большая часть представителей «несоциалистической общественности» и военных оказалась в Зарубежье. Военные в большинстве продолжали оставаться на позиции безусловной

поддержки лозунга «непредрешения» и идеологии Белого движения, отстаивавшей традиционный в России тезис «армия – вне политики». Для представителей правых и правополитических кругов монархическая идея оставалась принципиальной формой выражения своей позиции, она не только усиливала обособленность их положения в системе политических партий и организаций Русского Зарубежья, но и как бы делала их «выше политики» (монархическая идея признавалась сакрально-незыблемой, а не конъюнктурно-политической).

Публичные заявления, ставившие под сомнение как правомерность отречения, так и гибель Царской Семьи, были сделаны во время работы Съезда хозяйственного восстановления России, проходившего в баварском городе Бад-Рейхенгалль 29 мая – 5 июня 1921 г. 1 июля в журнале «Двуглавый орел», печатавшем отчеты о работе Съезда, был полностью опубликован доклад бывшего товарища председателя Главного совета «Союза русского народа» В. П. Соколова-Баранского. В разделе доклада «Организация Русской Государственной Власти» говорилось о нарушении правовой традиции: «... ни одним компетентным учреждением не установлен факт смерти Государя Императора Николая II, Его Сына – Наследника Цесаревича Алексея Николаевича и Брата, Великого Князя Михаила Александровича. Наоборот, в некоторой части монархических кругов есть убеждение, что они спаслись и скрываются и что отречения их – Государя Императора Николая II, как насильственно исторгнутое и незаконное за Сына, не действительно, а Великого Князя Михаила Александровича, как условное до Учредительного Собрания – незаконно... Основные законы, определяющие порядок и права дальнейшего Престононаследия, позволяют разные толкования, а следовательно, могут привести в зависимости от этого толкования к тому или иному лицу Династии Романовых...» (1).

Данный доклад не был утвержден Съездом в качестве итогового документа, но при этом официально был провозглашен принцип «легитимизма», продекларированный как возврат к правовым нормам Основных законов Российской Империи: «единственный путь к возрождению великой, сильной и свободной России – есть восстановление в ней монархии, возглавляемой законным Государем из Дома Романовых согласно основным законам Российской Империи». Постановление декларировало возврат к Основным законам лишь в части установления общего принципа формы правления, а в остальном (организация аппарата власти, государственное устройство, земельный вопрос) Съезд остался на позициях «непредрешения», повторяя, по существу, установки Белого движения.

Решения рейхенгалльского Съезда продемонстрировали очевидное стремление восстановить принцип правопреемственности, разорванной революционными событиями 1917 г. Для Белого движения разрыв правопреемственности определялся главным образом тремя датами: моментом непринятия Престола Великим князем Михаилом Александровичем в марте 1917 г., приходом к власти большевиков в октябре и разгоном Учредительного Собрания. Участники Рейхенгалльского съезда признавали законным правопреемство только на уровне «дофевральском». Это означало прежде всего необходимость пересмотра правовых норм и правовых последствий, связанных с отречением Государя Императора. Принятое Съездом «Обращение ко всем русским» так представляло неприглядную картину отречения: «... кучка людей, не имевших ни способностей к строительству государственному, ни авторитета в народе, дерзостно протянула руки к древнему Венцу Мономахову, обманом убедив Государя, что Его отречение от Престола необходимо для блага народного. И Русский Царь, в годину тяжелой войны не желая поднимать междоусобной брани, в святой покорности воле Божией, сошел со своего Престола, предоставив народу русскому, как требовали его самозванные вожаки, самому по-новому перестроить старый родной дом русский...» (2). Поскольку Николай II своим отречением не предоставлял «народу русскому... перестроить родной дом» – налицо явное «совмещение» актов Николая II и Михаила Александровича, вероятно, допущенное в пропагандистских целях.

Декларирование «легитимизма» престолонаследия должно было сопровождаться определением «имени возглавителя» государственной системы будущей Российской Империи, для чего Съезду требовалось сосредоточиться на разработке правового механизма восстановления монархии. В качестве варианта сенатором А. В. Бельдгардтом предлагалось ввиду отсутствия кандидата на Престол ограничиться установлением Местоблюстителя Престола («законы не предусматривают незамещенного Престола»), который должен быть определен Государыней Императрицей Марией Феодоровной «как венчанной Царицей и Помазанницей Божией». Затем следовало созвать Сенат для разрешения вопроса об «имени» «исключительно в духе Основных Законов». Отмечалась важность восстановления именно «Императорского Сената», в персональном составе, действовавшем до марта 1917 г., причем игнорировался факт, что эти «сенаторы дореволюционного времени» ранее утвердили акты Николая II и Михаила Александровича. Не «предрешая» самого «имени», Марии Феодоровне предполагалось указать на «популярность» в Зарубежье и в России, в частности среди военных, Великого Князя Николая Николаевича (3).

Резолюции Съезда вырабатывались в контексте решения вопросов о Престолюбостителе (26 июля 1922 г.) и затем – об Императоре Всероссийском (31 августа 1924 г.). Однако их реализация произошла, как известно, не по рекомендации Вдовствующей Императрицы и не по утверждению Правительствующего Сената, а исключительно по личной инициативе Великого Князя Кирилла Владимировича, самопровозглашение которого было осуждено как членами Дома Романовых, так и многими монархическими организациями. Основанием для самопровозглашения стали уверенность в невозможности спасения кого-либо из Семьи последнего Императора и Великого Князя Михаила Александровича, объявленное вследствие этого Кириллом Владимировичем «старшинство в Роде Царском» и неоспоримый принцип, что «Российские Законы о Престолонаследии не допускают, чтобы Императорский Престол оставался праздным после установленной смерти предшествующего Императора и Его ближайших Наследников». «В ознаменование памяти мученической гибели Государя Императора Николая Александровича и всей Его Августейшей Семьи» день 4/17 июля объявлялся «днем всеобщей скорби русских людей». Правда, при этом делалось указание, что «если окажутся названные Высочайшие Особы живы», Кирилл Владимирович «отказывается от принятой им Власти и признает Их Своими Государями». Право «старейшего Члена Дома Романовых» по мужской линии оставалось за Великим Князем Николаем Николаевичем, у которого не было детей – наследников. Только после кончины Николая Николаевича и Марии Феодоровны в 1929 г. о признании прав Кирилла Владимировича заявил и Архиерейский Синод во главе с митрополитом Антонием (Храповицким). Поведение Кирилла Владимировича во время Февральской революции, когда он, еще до отречения Государя 1 марта 1917 г., фактически первым среди Романовых заявил о своей верности Временному Комитету Государственной Думы (вместе с подчиненным ему Гвардейским Экипажем), многими осуждалось (4). Существовала и еще причина, препятствующая занятию Престола именно Кириллом Владимировичем. Его мать, Великая Княгиня Мария Павловна (герцогиня Мекленбург-Шверинская), была лютеранкой и перешла в православие лишь в 1908 г. (через 34 года после свадьбы). Кирилл был рожден от неправославной матери и, согласно статье 185 Основных законов Российской Империи, мог претендовать на Российский Престол лишь в случае отсутствия мужчин-наследников, рожденных от православных браков («Брак мужеского лица Императорского Дома, могущего иметь право на наследование Престола, с особою другой веры совершается не иначе как по восприятии ею православного исповедания»).

Правда, существовали свидетельства, опровергавшие данные обвинения. Полковник А. А. Делингсгаузен, не отрицая факта прибытия Гвардейского Экипажа к Государственной Думе, заявлял, что Великий Князь «не надевал красный бант». 27 февраля 1917 г. (Гвардейский флотский экипаж) «сохранял спокойствие и порядок». Кирилл Владимирович, с согласия

Александры Федоровны, «предоставил свою часть, для охраны порядка в столице, в распоряжение Государственной Думы» и признал князя Г. Е. Львова в качестве нового председателя правительства. Но «по получении известия об отречении Государя Императора Кирилл Владимирович немедленно ушел в отставку и в июне 1917 г. отбыл вместе с семьей в Финляндию». Что касается вопроса о заключении брака, то в этом плане «Основные законы» толковались так, что православное вероисповедание необходимо «к моменту», когда Государь Император и Наследник Престола будут официально объявлены (в данном случае к 1924 г.).

Таким образом, в начале 1920-х гг. благодаря рейхенгалльским декларациям и многочисленным брошюрам, издаваемым Канцелярией Местоблюстителя, в Русском Зарубежье сложилось мнение о правомерности действий Великого Князя Кирилла Владимировича и, соответственно, незаконности актов Николая II и Великого Князя Михаила Александровича. Первым серьезным обоснованием этих двух по сути своей противоречивых тезисов стала брошюра сенатора Н. Корево «Наследование Престола по Основным Государственным законам». Написанная осенью 1921 г. и изданная в Париже в 1922 г., она нацелена была на обоснование законности действий Великого Князя Кирилла, провозгласившего себя носителем «легитимизма». К сожалению, и позднее, в период 1920–1970 гг., немалая часть мемуарной литературы, публицистики и историографии Русского Зарубежья, а затем и постсоветской России встала на точку зрения «незаконности» отречения, опираясь исключительно на аргументацию Корево. Сенатор, большую часть книги посвятивший обоснованию прав Кирилла Владимировича, начал изложение тезисом о «невозможности отречения». Вывод, сделанный сенатором, выглядел политической декларацией, соответствующей провозглашенным в Зарубежье легитимистским позициям: «... для возвращения Государства Российского к законной жизни следует вернуться на законную почву и, отринув появившиеся под насилием революции противные Основным Законам и неправильно именуемые манифестами акты и документы, восстановить законное преемство Законной Верховной Власти...» (6).

Ссылки на легальность и легитимность стали весьма популярны среди сторонников Кирилла Владимировича. Это вызвало несогласие с резолюциями Рейхенгалля, предусматривавшими определение Главы Царствующего Дома решением «старейшей» Государыни Императрицы Марии Феодоровны. Оспаривая решения съезда, «кирилловцы» апеллировали исключительно к тезису о «старшинстве в роде Царском» согласно «Основным законам». При этом они утверждали как порочность «революционного правотворчества» после февраля 1917 г., так и невозможность «престарелой» Императрице решать вопрос о Блюстителе Престола (7).

Одновременно с этим продолжалась «атака справа» на военные структуры, остатки Русской армии генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля, твердо отстаивавшего принципы «непредрешения». В своем письме накануне нового, 1922 года председателю Высшего Монархического Совета Н. Е. Маркову 2-му Врангель отвечал, что «заветы Русской Армии» это – «освобождение Отечества, не предрешая форм его грядущего государственного бытия...» (8).

В течение 1921 г. в журнале «Двуглавый орел» стали публиковаться статьи, резко критикующие политический курс Белого движения, ставящие под сомнение весь смысл «белой борьбы», направленные на дискредитацию позиции Врангеля и всех его предшественников в 1917–1920 гг., уравнивание Белого движения и «революционного прошлого» 1917 года. Анализируя «причины неудач белых выступлений» в Сибири, на белом Юге, в Крыму, в данных статьях подчеркивалось: «... Народ не мог поверить в прочность белого дела Врангеля, ибо не было главного условия для успеха: за генералом Врангелем не было Русского Царя», «... Февральские академики революции со своим жалким временным правительством пали потому, что пытались ввести революцию в рамки закона, пали потому, что хотели узаконить само беззаконие. Колчак и Деникин, объявившие себя преемственными продолжателями дела временного правительства (это абсолютно не соответствовало действительности. – В.Ц.), также пали, не могли не пасть, ибо их дело было насквозь пропитано все той же разлагающей керенщиной и

интеллигентщиной, которые однажды уже погубили Россию...» Данные оценки стали типичны не только в эмигрантской публицистике 1920-х гг., но и перешли, совершенно не изменившись, в произведения некоторых современных российских исторических публицистов и писателей. Характерно, что критика Белого движения и белых армий исходила преимущественно от тех, кто либо косвенно участвовал в движении, либо участвовал кратковременно и не занимал в период 1917–1920 гг. каких-либо влиятельных должностей в белых государственных структурах. Характерно и то, что одним из первых активных критиков военного руководства Белого движения (на рейхенгалльском съезде) стал генерал от инфантерии И. И. Мрозовский, отказавшийся в феврале 1917 г. «подавить бунт» в Москве, несмотря на имеющиеся полномочия (он занимал должность командующего Московским военным округом), и передавший свою власть без сопротивления городской думе (9).

Из этих предпосылок следовал еще один тезис, высказанный на страницах все того же «Двуглавого орла»: «Монархисты по-прежнему оставались верными своему законному Императору, а изданный от Его Имени акт отречения признавали ничтожным, ибо акт исходил из неволи и не был законным манифестом Императора... с той минуты, как не стало в России законного Царя, не стало и закона...» (10).

Начнем с того, что недопустимо считать правомерным мнение о некоей «правовой безграмотности» Государя, издающего незаконные акты и создающего прецедент нарушения законов в будущем. Нельзя также признать наличие у него некоего «плана» по нейтрализации «заговорщиков» посредством собственного отречения и проведенного «социологического опроса» командующих фронтами о готовности к вооруженному подавлению «бунта». Отречение с заведомой целью сделать его впоследствии недействительным (получается, что другого способа по борьбе с «заговором», кроме «незаконного отречения» с целью его последующей отмены, не существовало) становится неким «спектаклем», правда, не сыгранным до конца. Нельзя принять мысль о «намеренном» нарушении Государем законов. Можно ли вообще говорить, что Государь «нарушает», а не «изменяет» законодательство? Сомнительность подобных тезисов, когда речь идет об акте важнейшего государственного значения, очевидна.

Для Государя непреложным оставался завет его отца – Императора Александра III, считавшего, что сын должен выслушивать мнение всех советников, но окончательные решения обязан принимать самостоятельно, соблюдая принцип «самодержавия».

Рассматривая правовую основу акта отречения Государя, прежде всего, нельзя утверждать, что акт отречения есть следствие насилия, обмана и иных форм принуждения в отношении Государя. «Акт отречения, как явствует из обстановки подписания этого акта... не был свободным выражением Его воли, а посему является ничтожным и недействительным», – утверждали многие «русские монархисты». Но данный тезис опровергается не только многочисленными свидетельствами очевидцев, собственными записями Государя в дневнике, но и официальным текстом т. н. «прощального слова» к армии, написанного Николаем II 8 марта 1917 г. и изданного начальником штаба Верховного Главнокомандующего генерал-адъютантом М.В. Алексеевым в форме приказа № 371. В нем, в полном осознании совершенного, получают закономерное развитие основные положения акта об отречении, свидетельствуется о фактической преемственности власти от Государя к Временному правительству: «В последний раз обращаюсь к вам, горячо любимые мною войска. После отречения Мною за себя и за сына Моего от Престола Российского власть передана Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему. Да поможет ему Бог вести Россию по пути славы и благоденствия... Кто думает теперь о мире, кто желает его, тот – изменник Отечества, его предатель... Исполняйте же ваш долг, защищайте доблестно нашу великую Родину, повинуйтесь Временному правительству, слушайтесь ваших начальников, помните, что всякое ослабление порядка службы только на руку врагу...» (11).

Ни дневниковые записи Государя, ни свидетельства тех, кто находился рядом с ним в эти дни или вел переговоры по телеграфу, не содержат фактов принуждения или какого бы то ни было давления (фраза о «пяти револьверах, приставленных к виску» Николая II принадлежала, как известно, Л. Д. Троцкому). «Уместно самым категорическим образом отвергнуть и опровергнуть все слухи о том, что командированными лицами производились какие-то насильственные действия, произносились угрозы, с целью побуждения Императора Николая II к отречению», – вспоминал председатель IV Государственной Думы М. В. Родзянко. Эта же позиция заявлялась киевским отделением монархического «Правого Центра», 18 мая 1918 г. отметившего: «Акт об отречении, написанный в высшей степени богоугодными и патриотическими словами, всенародно устанавливает полное и добровольное отречение». «Объявлять, что это отречение лично исторгнуто насилем, было бы в высшей степени оскорбительно прежде всего к особе Монарха, кроме того, совершенно не соответствует действительности, ибо Государь отрекался под давлением обстоятельств, но тем не менее совершенно добровольно».

Примечательна и оценка известных «телеграмм командующих фронтами» (повлиявших на решение Государя) в воспоминаниях генерал-квартирмейстера Штаба Верховного Главнокомандующего Ю.Н. Данилова (очевидца отречения): «И Временным Комитетом Членов Государственной Думы, Ставкой и Главнокомандующими фронтами вопрос об отречении... трактовался во имя сохранения России и доведения ею войны до конца, не в качестве насильственного акта или какого-либо революционного «действия», а с точки зрения вполне лояльного совета или ходатайства, окончательное (!) решение по которому должно было исходить от самого Императора. Таким образом, нельзя упрекать этих лиц, как это делают некоторые партийные деятели, в какой-либо измене или предательстве. Они только честно и откровенно выразили свое мнение, что актом добровольного отречения Императора Николая II от Престола могло быть, по их мнению, обеспечено достижение военного успеха и дальнейшее развитие русской государственности.

Если они ошиблись, то в этом едва ли их вина...» (12).

Конечно, следуя конспирологической логике «заговора» против Николая II (в задачу монографии не входит рассмотрение и оценка действий высших военных и гражданских чинов, а также депутатов Государственной Думы и министров в дни Февральской революции в Петрограде), можно предположить, что насилие все же могло быть применено к Государю в случае его категорического отказа от отречения (13). Но добровольное решение Николая Александровича отречься от Престола исключило возможность принуждения.

«Утром пришел Рузский и прочел длиннейший разговор по аппарату с Родзянкой. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство из Думы будто бессильно что-либо сделать, т. к. с ним борется соц. – дем. партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в Ставку, а Алексеев всем Главнокомандующим. К 2,5 часа пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился...»

«Нет той жертвы, которой я не принес бы во имя действительного блага и для спасения России» – эти слова дневниковых записей Государя и его телеграмм от 2 марта 1917 г. лучше всего объясняли его отношение к принятому решению.

Таким образом, акт отречения следует признать выражением свободной воли Государя. Напомним еще раз текст великого и трагического акта: «... В эти решительные дни в жизни России почли МЫ долгом совести облегчить народу НАШЕМУ тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и в согласии с Государственною Думою признали МЫ за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с СЕБЯ Верховную власть. Не желая расстаться с любимым Сыном НАШИМ, МЫ передаем наследие НАШЕ Брату НАШЕМУ Великому Князю МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ и благословляем ЕГО на вступление на Престол Государства Российского. Заповедуем Брату НАШЕМУ

правлять делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего долга перед ним, повиновением Царю в тяжелую минуту все-народных испытаний и помочь ЕМУ, – вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и силы. Да поможет Господь Бог России...»

Другими аргументами «недействительности» отречения выдвигались: невозможность отречения в системе российского государственного права, а также невозможность отречения за другого члена Дома Романовых (тем самым оспаривался факт отречения Николая II за Наследника Престола, Великого Князя Алексея Николаевича). Для подтверждения данного тезиса Корево давал свое толкование текста Свода Основных законов. Его основной аргумент – прецептивный характер законов о наследии Престола. Этот особый характер, по убеждению сенатора, подтверждала статья 39: «Император или Императрица, Престол наследующие, при вступлении на оный и миропомазании, обязуются свято наблюдать законы о наследии Престола». Корево делал вывод о невозможности изменения данных законов в силу того Высшего Закона, соблюдения особой Божественной благодати, которая давалась русским Царям и Царикам при вступлении на Престол и при совершении Помазания на Царство, Венчания на Царство. От Царской семьи требовалось клятвенное соблюдение всех законов, и, нарочито, правил о Престолонаследии.

В российской правовой системе, в отличие от конституционных норм многих других государств, сочетались традиции Православной государственности и нормы государственного права. Юридические и нравственные принципы совмещались, в частности, в соблюдении обета, даваемого при Помазании на Царство. Отречение от Престола Государя и тем более отречение за Наследника, по мнению Корево, становилось, прежде всего, нарушением обета о неизменности законов о Престолонаследии. «С религиозной точки зрения отречение Монарха – Помазанника Божия – является противоречащим акту Священного Его Коронования и Миропомазания; оно возможно было бы лишь путем пострига...» (14).

На самом деле существо законов не искажалась Государем ни в правовом, ни в нравственном, ни в «прецептивном» отношении. Отречение от Престола как правовой акт предусматривалось статьей 37-й Свода Основных Законов: «При действии правил... о порядке наследия Престола, лицу, имеющему на оный право, предоставляется свобода отречься от сего права в таких обстоятельствах, когда за сим не предстоит никакого затруднения в дальнейшем наследовании Престола». Статья 38-я подтверждала: «Отречение таковое, когда оно будет обнаружено и обращено в закон, признается потом уже невозвратным». Толкование этих двух статей до 1917 и 1921 гг. не вызывало сомнений. В курсе государственного права, написанном знаменитым российским правоведом профессором Н.М. Коркуновым и считавшимся базовым учебным курсом по данной дисциплине в Российской Империи в начале XX в. (курс выдержал 5 изданий), отмечалось: «Может ли уже вступивший на Престол отречься от него? Так как Царствующий Государь, несомненно, имеет право на Престол, а закон предоставляет всем, имеющим право на Престол, и право отречения, то надо отвечать на это утвердительно...» Аналогичный принцип толкования Основных Законов приводился также в курсе государственного права, написанном не менее известным российским правоведом, профессором Казанского университета В. В. Ивановским: «По духу нашего законодательства... лицо, раз занявшее Престол, может от него отречься, лишь бы по причине этого не последовало каких-либо затруднений в дальнейшем наследовании Престола».

Правда, в эмиграции, в 1924 г., приват-доцент юридического факультета Московского университета М.В. Зызыкин, признавая, как и Корево, особый, сакральный смысл исполнения статей законов о Престолонаследии, разграничил в своей книге «отречение от прав на Престол», которое (по его толкованию) возможно для представителей Царствующего Дома еще до

начала Царствования, от «отречения от Престола», которым не обладают уже Царствующие. Но подобное разграничение права вообще от правоисполнения достаточно условно, поскольку Царствующий Император отнюдь не исключается из Царствующего Дома, а вступает на Престол именно потому, что имеет на него право, которое и сохраняет за собой в течение всего Царствования (15).

Ссылки на отсутствие права отречения в акте Императора Павла I (5 апреля 1797 г.), установившего порядок Престолонаследия в Доме Романовых, некорректны по той причине, что данный акт предусматривал только порядок наследования в его роде. При этом акт Павла I предусматривал отречение наследников от чужого Престола для занятия Престола Российского. То есть отречение не исключалось, а просто не предусматривалось в данном конкретном акте. Это же отречение от «иного Престола» уже царствующего на «ином Престоле» лица сохранилось и в статье 35-й Свода Основных Государственных Законов. После 1906 г. статьи главы о «наследии Престола», как будет показано далее, уравнивались по статусу со всеми остальными главами, статьями, примечаниями Основных законов и, таким образом, могли изменяться в установленном процессуальном порядке.

Неразрешимых «затруднений в дальнейшем наследовании Престола» отречение Государя не должно было создать, поскольку Великий Князь Михаил Александрович считался Наследником Престола еще до момента рождения цесаревича Алексея Николаевича. Наследники Михаила должны были продолжить династию в случае оставления им Престола. По точной оценке современного историка Дома Романовых А. Н. Каменского, «Манифест и телеграмма стали по существу законными документами тех лет и письменным указом об изменении закона о Престолонаследии. Этими документами автоматически признавался и брак Михаила II с графиней Брасовой. Тем самым автоматически граф Георгий Брасов (сын Михаила Александровича – Георгий Михайлович. – В.Ц.) становился Великим Князем и Наследником Престола Государства Российского».

Нельзя забывать и о том, что на момент составления и подписания акта об отречении Государь не мог знать о намерениях своего младшего брата в отношении Престола.

Отказываясь от собственного безоговорочного понимания «прецептивного характера» законодательства «О порядке наследия Престола», Корево признавал, что «свобода отречения предоставляется данному Члену Императорского Дома лишь лично за себя, без предоставления Ему права отречься за наследников своих» (16). Действительно, история не знает фактов отречения одних членов Царствующего Дома за других, если только эти действия не имели насильственного характера по отношению к тем, кого лишали прав престолонаследия, не вызывались утратой ими дееспособности или не диктовались соображениями государственной безопасности. Отречение могло считаться абсолютно неправомерным в случае, если оно совершалось бы за совершеннолетнего, полностью право- и дееспособного члена Царствующего Дома или Наследника Престола. Принцип наследования старшим сыном Царствующего Императора безоговорочно устанавливала статья 28-я: «Наследие Престола принадлежит прежде всех старшему сыну царствующего Императора, а по нем всему его мужескому поколению».

Но Государь отрекался за своего сына Алексея, достигшего в феврале 1917 г. лишь 12 с половиной лет (совершеннолетие наступало в 16 лет). Государь не нарушал законов, а действовал в полном соответствии со статьей 199-й, согласно которой «попечение о малолетнем лице Императорской Фамилии принадлежит его родителям; в случае же кончины их или иных, требующих назначения опеки, обстоятельств попечение как о личности, так и об имуществе малолетнего и управление его делами вверяется опекуну». Несоввершеннолетний Цесаревич не мог и не имел права единолично издавать каких-либо законодательных актов (в том числе о принятии Престола или отречении от него). По оценке депутата III и IV Государственной Думы, члена фракции «Союза 17 октября» Н. В. Савича, «Цесаревич Алексей Николаевич был еще ребенком, никаких решений, имеющих юридическую силу, он принимать не мог. Следова-

тельно, не могло быть попыток заставить его отречься или отказаться занять Престол» (17). И хотя 199-я статья не говорит об отречении как таковом, совершенно очевидно, что слова «попечение о личности» и «управление делами» относятся и к настоящему государственному статусу несовершеннолетнего Наследника, а не касаются исключительно воспитательных вопросов.

Как свидетельствуют источники, первоначальный текст акта об отречении соответствовал варианту, полностью предусмотренному Основными Законами, а именно: «В тяжелую годину ниспосланных тяжких испытаний для России Мы, не имея сил вывести Империю из тяжелой смуты, переживаемой страной перед лицом внешнего врага, за благо сочли, идя навстречу желаниям русского народа, сложить бремя врученной нам от Бога власти. Во имя величия возлюбленного русского народа и победы над лютым врагом призываем благословение Бога на сына Нашего, в пользу которого отрекаемся от Престола Нашего. Ему до совершеннолетия – регентом брата Нашего Михаила Александровича» (18). Тем самым Наследник вступал бы на Престол при регентстве Михаила Романова. Данная процедура могла полностью вписаться в законодательную систему Российской Империи. Но Государь отказался от нее после консультаций с профессором С.П. Федоровым, заявившим о неизлечимости болезни Наследника (гемофилия), и принял решение об отречении за сына («я не могу расстаться с Алексеем... раз его здоровье не позволяет, то я буду иметь право оставить его при себе»). Показательно, что даже после подписания акта отречения Государь пытался вернуться к легитимной схеме управления, подготовив текст телеграммы, в котором он снова заявлял «о своем согласии на вступление на Престол Алексея» (телеграмма была принята, но не была опубликована генералом Алексеевым ввиду того, что по телеграфу уже был разослан текст предыдущего акта). Нельзя, однако, утверждать, что возможная скоропостижная кончина единственного сына Государя до достижения им совершеннолетия не стала бы тем самым «затруднением в дальнейшем наследовании Престола», о котором предупреждала статья 37-я, и не вызвала бы большей смуты и «борьбы за Престол», чем та, которая ожидалась в феврале 1917 г. (19).

Аналогии с гражданским правом (опекун не мог отказаться от наследства, передаваемого наследнику), во-первых, несостоятельны по причине различной природы права (гражданское и государственное право разнятся в своих объектах и субъектах) и, во-вторых, не применимы к акту отречения Николая II. Действительно, правовая основа опекунства, согласно Основным Законам, предусматривала возможность «правительства и опеки» (то есть главы власти и главы семьи) в «одном лице совокупно или же раздельно». При первоначальном варианте отречения от Престола «правительство» передавалось Михаилу Александровичу, а опекуном становился бы Николай II. В этом случае он оставался членом Дома Романовых, а не носителем верховной власти. Еще 1 августа 1904 г., после рождения Цесаревича, Николай II Высочайшим Манифестом утвердил: «На случай кончины Нашей, прежде достижения Любезнейшим Сыном Нашим... совершеннолетия, назначили Правителем Государства до Его совершеннолетия, Брата Нашего Великого Князя Михаила Александровича». И хотя 30 декабря 1912 г. этот Манифест был отменен (в частности, по причине неравного (морганатического) брака Михаила Романова), акт отречения в первоначальной редакции должен был бы восстановить статус Михаила в качестве Правителя Государства.

Противники отречения за Наследника склонны были уравнивать акт отречения Николая II с фактом его кончины (20). Приводилась ссылка на статью 44 Основных Законов, согласно которой «... по кончине Его (Государя Императора. – В.Ц.) правительство государства и опека над лицом Императора в малолетстве принадлежат отцу или матери». Также, согласно статье 200 «каждому лицу Императорского Дома предоставляется, на случай своей кончины, назначить опекуна к остающимся после него малолетним его поколения, и если духовное о том распоряжение при жизни завещателя утверждено Государем, то оно должно быть исполнено в полной его силе». По статье 201-й: «Когда завещание умершего не было утверждено при жизни его Самим Императором или завещания такового вовсе не окажется, то попечение над

оставшимися его поколения принимает Император на Себя, и в таком случае опекун назначается Высочайшею властью».

Но Николай Александрович Романов был жив и как член Царствующего Дома, и как, условно говоря, «физическое лицо». По статье 141-й: «Кончина Особ Императорского Дома означается так же, как и рождение их, в родословной книге». Акт отречения никоим образом не мог быть приравнен к кончине.

Следует учитывать то, что акт отречения за себя и за сына был единым и утверждался в качестве официально последнего и единого акта Царствующего Императора. Тем самым не нарушалась и 43-я статья, согласно которой «назначение Правителя и Опекуна, как в одном лице совокупно, так и в двух лицах раздельно, зависит от воли и усмотрения Царствующего Императора...». Николай II прецедентно, единолично разрешал вопрос и о Правителе, и об опекуне: он стал уже не нужен, так как Алексей Николаевич Романов также утрачивал свой статус Наследника Цесаревича.

Единственной, хотя и весьма неопределенной, правовой перспективой могло бы стать обжалование решения своего отца самим Цесаревичем и заявление о своих правах на Престол согласно степени родства. Но и подобное гипотетическое положение могло бы возникнуть не ранее совершеннолетия Алексея Николаевича Романова (то есть в 1920 г.) и лишь в том случае, если бы «Основные законы» не были бы к этому моменту пересмотрены Учредительным Собранием или преемником Престола Михаилом Александровичем Романовым, как это предусматривалось отречением Николая II.

Но решение Государя об отречении было правомочным не только в контексте соответствия нормам законов о Престолонаследии. Он мог принимать такие решения и в соответствии со своим статусом Главы Государства. Несмотря на то что Российская Империя после Высочайшего Манифеста 17 октября 1905 г. развивалась уже как «думская монархия», статья 4-я Основных Законов гласила: «Императору Всероссийскому принадлежит верховная самодержавная власть». Важнейшее условие для существования и развития «думской монархии» предусматривалось статьями 7-й, согласно которой законодательная власть разделялась Императором с законодательными учреждениями – «Государь Император осуществляет законодательную власть в единении с Государственным Советом и Государственной

Думою», – и 44-й, гласившей, что «никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного Совета и Государственной Думы и воспрять силу без утверждения Государя Императора». При этом и Государственная Дума, и Государственный Совет уравнивались в своих законодательных правах согласно статье 65-й Основных Законов: «Государственный Совет и Государственная Дума пользуются равными в делах законодательства правами». Российскому «парламенту» принадлежало право запросов и законодательной инициативы (статья 65-я): «Государственному Совету и Государственной Думе... предоставляется возбуждать предположения об отмене или изменении действующих и издании новых законов».

Но, несмотря на это нововведение, статья 8-я наделяла Государя правом законодательной инициативы и исключительным правом пересмотра Основных Законов: «Государю Императору принадлежит почин по всем предметам законодательства. Единственно по Его почину Основные государственные законы могут подлежать пересмотру в Государственном Совете и Государственной Думе». Законодательная инициатива Государя в отношении Основных Законов подтверждалась и статьей 65-й: «Почин пересмотра которых (Законов. – *В.Ц.*) принадлежит единственно Государю Императору».

Статья 10-я устанавливала безусловный приоритет власти Государя в системе исполнительной власти: «Власть управления во всем ее объеме принадлежит Государю Императору в пределах всего Государства Российского. В управлении Верховном власть Его действует непосредственно (то есть не требует согласования с какими-либо структурами. – *В.Ц.*); в делах же управления подчиненного определенная степень власти вверяется от Него, согласно закону,

подлежащим местам и лицам, действующим Его именем и по Его повелениям». Особое значение имела 11-я статья. Она позволяла Государю издавать нормативные акты единолично: «Государь Император в порядке Верховного управления издает, в соответствии с законами, указы для устройства и приведения в действие различных частей государственного управления, а равно повеления, необходимые для исполнения законов». Данные акты также могли приниматься единолично, хотя и не должны были менять существа Основных Законов. Верховное управление обеспечивало значительную степень независимости власти Императора. Устанавливалась градация нормативных актов. «Законы» действительно требовали предварительного обсуждения в Думе или Совете (порядок их обсуждения утверждала 3-я глава «О законах»), но «указы и повеления», издаваемые «в порядке верховного управления», никакого обсуждения не требовали и лишь «скреплялись» председателем Совета министров или «подлежащим министром». Помимо этого, Государю принадлежало единоличное право издания внешнеполитических актов и «верховное начальствование над всеми сухопутными и морскими вооруженными силами Российского государства» (на практике это реализовалось в принятии Государем Верховного Главнокомандования в 1915 г.).

Правовая специфика «указов и повелений», издаваемых «в порядке верховного управления», довольно полно рассматривалась Н. М. Коркуновым. Он отмечал, что подобные акты (особенно указы и повеления, имевшие «чрезвычайный» характер) имели законодательный характер и, следовательно, не могли оспариваться как «нарушения» принципов государственного права.

Таким образом, «верховная самодержавная власть» сама по себе делала Государя высшим носителем и единственным источником права при издании определенных категорий законодательных актов. Акт отречения от Престола вполне соответствовал статусу акта, издаваемого в «порядке верховного управления», поскольку он не менял системы власти, утвержденной Основными Законами, он сохранял монархический строй. Но даже и при этом Государь выразился о своем отречении – «в согласии с Государственной Думой», как бы разделяя правовую ответственность за это свое решение. Иное дело, что акт так и не приобрел окончательного нормативного статуса. Учитывая, что события, связанные с Царствующим Домом, оформлялись как «Манифесты», можно предположить, что акт получил бы именно такое значение (как его и называли «неформально» после февраля 1917 г.).

Особую правовую природу имели нормы, относившиеся к статусу Царствующего Дома. Четко устанавливалось (статьи 24-я и 25-я Основных Законов), что постановления Свода Законов, относящиеся к порядку престолонаследия, о совершеннолетию Государя, о правительстве и опеке, о вступлении на Престол и о священном короновании и миропомазании, «сохраняют силу законов основных», а «Учреждение о Императорской Фамилии» (статьи 125–223 Основных Законов), «сохраняя силу законов основных, может быть изменяемо и дополняемо только лично Государем Императором в предуказываемом им порядке».

Применительно к статусу Императорского Дома отмечалось следующее прецедентное право: истолкование законов в применении к каждому частному случаю принадлежит Царствующему Монарху, который по закону издает «Высочайшее повеление о внесении в родословную Императорского Дома и, таким образом, окончательно устраняет возможность каких-либо в будущем о том сомнений и споров». Как указывалось выше, при отречении за Цесаревича Государь безусловно ориентировался, в частности, на статьи «Учреждения» (в отношении «опеки и правительства» при несовершеннолетию Наследника) и, следовательно, имел полное право их прецедентного, единоличного изменения.

Составляя и подписывая акт об отречении, Государь не нарушал и формального порядка издания. Отречение было скреплено подписью «подлежащего министра». Министр Императорского Двора генерал-адъютант граф Б. В. Фредерикс являлся как раз таким министром, поскольку все акты, касавшиеся «Учреждения об Императорской Фамилии», акты, имевшие

отношение к Престолонаследию, скреплялись именно им. Ни карандашная подпись Государя (впоследствии защищенная лаком на оригинальном экземпляре), ни цвет чернил или графита не делали акта недействительным, не меняли его сути. Все варианты текстов телеграмм, передаваемых в Ставку, все пометы, поправки на них делались Государем также карандашом. 3 марта, карандашом, Государь написал пункты «гарантии» для себя и своей семьи от Временного правительства. Карандашом, «на обрывке бумаги», по-французски, был написан черновой вариант декларации Временного правительства от 7 марта и др. Напечатанный текст отречения, который считался нередко неким «Манифестом» (так называли его в прессе того времени), представлял собой лишь согласованный со Ставкой (где составлялась «основа» текста) «рабочий» вариант, перепечатанный с трех телеграфных бланков. На основании этого текста нужно было затем издать «Манифест», уже в надлежащей форме, с соответствующим заглавием – «Божией Милостию Мы, Николай Второй Император и Самодержец Всероссийский...» и даже не факсимильной подписью, а напечатанным «стандартным» текстом – «на подлинном Собственную Его Императорского Величества рукою подписано: Николай» (или же иной по статусу Акт «верховного управления»). В делопроизводственной практике Российской Империи было принято подписывать лишь первые экземпляры «рабочих» вариантов (нередко даже единственные из всех). Степень исполнительной и организационной дисциплины, обоюдного доверия была в XIX – начале XX в. значительно большей, чем в настоящее время. Многократных контрассигнровок, заверяющих подписей и печатей, тем более если речь шла о «рабочих» текстах, не требовалось.

Тот факт, что в прессе был опубликован, по сути, «рабочий» вариант, без заглавия и подписи в соответствующей форме, стало не следствием намерения сделать отречение «недействительным», а следствием сложившихся в Петрограде «революционных условий», в частности – поведения типографских служащих и депутатов образованного Петроградского Совета, отказавшихся печатать Манифест и требовавших «полного свержения самодержавия» и «низложения» Михаила Александровича (21).

«Шапка» акта, написанная на имя Начальника Штаба Главковерха генерала Алексеева, объясняется тем, что к моменту отречения Совет министров фактически перестал существовать. Еще 27 февраля 1917 г. председатель Совета министров князь Н. Д. Голицын прислал телеграмму Государю о коллективной отставке правительства (формально она не была принята Государем). Председатель Государственного Совета И. Г. Щегловитов был арестован революционерами. Отправлять акт Государственной Думе, также формально прервавшей свою сессию по указанию Государя, не вписывалось в логику законодательства. В этой ситуации Николай II использовал свои полномочия Верховного Главнокомандующего и оказавшийся единственно работоспособным в то время аппарат Ставки. Согласно «Положению о полевом управлении войск в военное время» именно начальник штаба был «ближайшим сотрудником» Главковерха. Согласно статье 45-й, «все распоряжения Верховного Главнокомандующего, объявляемые начальником штаба словесно или письменно, исполняются как повеления Верховного Главнокомандующего». При передаче подписанного акта отречения генерал Алексеев сделал важную отметку: «Настоящую телеграмму прошу срочно передать во все армии и начальникам военных округов по получении по телеграфу Манифеста, каковой должен быть передан во все армии и, кроме того, напечатан и разослан в части войск». Данное указание из Ставки предполагало обязательную публикацию акта в форме Манифеста. Но этого не произошло. Акт с отметкой генерала Алексеева был опубликован на страницах «Русского Инвалида» (военной газеты), тогда как в Собрании узаконений и распоряжений Правительства текст акта Николая II был опубликован уже без отметки генерала Алексеева (22).

Итак, с точки зрения формального права отречение Государя не может быть признано незаконным. Как отец несовершеннолетнего Наследника и Царствующий Император он отрекся за Цесаревича (ст. 199). В соответствии с установившейся правовой практикой

им были подписаны также указы Правительствующему Сенату о назначении Наместника Кавказа и командующего Кавказским фронтом Великого Князя Николая Николаевича Верховным Главнокомандующим, а председателем Совета министров – главы Земско-городского Союза князя Г. Е. Львова (причем для четкого соблюдения формы на указах было поставлено время – 14 часов 2 марта 1917 г., что предшествовало времени отречения – 15 часов 2 марта 1917 г.). Перед этим Государь дал согласие на назначение командира 25-го армейского корпуса генерал-лейтенанта Л. Г. Корнилова командующим Петроградским военным округом (по телеграфному запросу Председателя Временного Комитета Государственной Думы М.В. Родзянко). Таким образом, можно было говорить и о сохранении власти Дома Романовых, и о сохранении общего порядка управления, и о правопреемственности, к которой стремился Государь. Правда, форма данных актов не соответствовала принятой, поскольку скреплялись они все тем же графом Фредериксом (единственным членом Совета министров, бывшим вместе с Государем), хотя уже не относились к его компетенции.

Не отличавшийся консервативной репутацией Михаил Александрович Романов во главе государства, авторитетный военачальник Великий Князь Николай Николаевич Романов во главе вооруженных сил, либеральный, готовый к компромиссам председатель Совета министров и популярный, но «волевой» генерал во главе столичного округа... Подобное сочетание руководителей военной и гражданской власти, как казалось многим, наилучшим образом обеспечивало необходимое для победы «единство фронта и тыла». Очевидно, отрекавшийся от Престола Государь также верил в прочность подобной военно-политической комбинации. В своей телеграмме Великому Князю Михаилу Александровичу он обращался к нему как к «Его Императорскому Величеству» и отмечал, что «события последних лет вынудили меня решиться бесповоротно на этот крайний шаг. Прости меня, если им огорчил тебя и что не успел предупредить... Горячо молю Бога помочь Тебе и нашей родине» (23).

Последующие перемены, в случае принятия власти Великим Князем Михаилом Александровичем, могли происходить только в рамках полномочий законодательной и исполнительной власти, при неизменной монархической форме правления, носителем которой оставался Царствующий Дом Романовых. Сохранялась и система представительной власти, причем вполне вероятной представлялась перспектива усиления ее полномочий (чего требовала известная декларация Прогрессивного блока: «Создание объединенного правительства из лиц, пользующихся доверием страны и согласившихся с законодательными учреждениями»).

Для понимания последующей специфики формирования и эволюции политического курса Белого движения нужно отметить, что роль проводников предфевральских перемен 1917 г. играли межпартийные и надпартийные коалиционные объединения. Можно считать подобной структурой Прогрессивный блок (хотя он и не имел законодательно оформленного статуса). Другими объединениями, также выходившими за пределы ограниченных партийных рамок, следует считать масонские ложи, связывавшие в своем составе разных политиков (от социал-демократов до монархистов). Их роль, несомненно, была немалой в подготовке в 1916–1917 гг. «заговора элиты» против власти Государя Императора («пожертвовать монархом, но спасти монархию»). Однако впоследствии на смену Прогрессивному блоку и масонским ложам пришли другие коалиционные объединения, и «братья» нередко становились непримиримыми оппонентами (показательна судьба Керенского, Львова, Авксентьева). Политические коалиционные блоки возникали, как будет показано далее, на протяжении всей истории Белого движения в России, а их участников объединяла отнюдь не принадлежность к масонству.

Еще в конце 1916 г. деятели парламентского Прогрессивного блока рассчитывали на «дворцовый заговор», целью которого было «отречение самого Николая II и передача власти при малолетнем Императоре Алексее регенту – брату Царя

Михаилу». По свидетельству А. Ф. Керенского, во время «секретных заседаний блока... практически вырабатывалось положение о правах регента, регентского совета, об образовании

правительства, ответственного перед народным представительством, намечался даже личный состав первого парламентского кабинета России (многие из этого состава оказались членами Временного правительства после падения монархии)...» (24).

Действительно, в самом начале революционных событий подобная модель управления казалась наиболее оптимальной для удовлетворения запросов оппозиции при сохранении основ политической власти. 1 марта Государь согласился на утверждение Манифеста об «ответственном министерстве»: «... Я признал необходимым призвать ответственное перед представителями народа Министерство, возложив образование его на председателя Государственной Думы Родзянко из лиц, пользующихся доверием страны». Но уже 2 марта вариант такого «ответственного министерства» перестал удовлетворять парламентскую и тем более революционную оппозицию, и в политическую «повестку дня» встал вопрос об отречении Государя в пользу Цесаревича при регентстве Михаила Романова, с сохранением при этом условия «ответственного министерства».

Государь сперва принял предлагаемый проект, но, как известно, после консультаций о состоянии здоровья Наследника изменил свое решение в пользу Михаила.

Своеобразный вариант политической модели предлагался, кстати отметить, бывшими в Петрограде Великими Князьями Павлом Александровичем, Михаилом Александровичем, Кириллом Владимировичем. В проекте «Манифеста» 1 марта (т. и. «Манифест Великих Князей»), переданном Родзянко, Великие Князья предусматривали некое сочетание «ответственного министерства» с созданием нового представительного Собрания при сохранении власти самого Николая II. Текст проекта, который предполагался к утверждению Государем, декларировал: «... в твердом намерении переустроить Государственное Управление в Империи на началах народного представительства, Мы предполагали приурочить введение нового Государственного строя ко дню окончания войны... События последних дней, однако, показали, что правительство, не опирающееся на большинство в законодательных учреждениях, не могло предвидеть возникших волнений и властно их предупредить... Осеняя себя крестным знаменем, мы представляем Государству Российскому конституционный строй и повелеваем продолжать прерванные Указом Нашим занятия Государственного Совета и Государственной Думы и поручаем председателю Государственной Думы немедленно составить Временный кабинет, опирающийся на доверие страны, который в согласии с Нами озаботится созывом законосовещательного (не законодательного. – В.Ц.) Собрания, необходимого для безотлагательного рассмотрения имеющим быть внесенным правительством проекта новых Основных Законов Российской Империи». Законодательная инициатива в этом случае передавалась правительству, сформированному на основе соглашения с законодательными палатами, но в дальнейшем «законосовещательное Собрание» призывалось пересмотреть Основные Законы и, очевидно, окончательно утвердить в России «парламентарную монархию». В ходе переговоров с Петроградом Государь первоначально согласился с данным проектом, оговаривая свое непосредственное руководство военным, морским министерствами, а также Министерством иностранных дел. Этот проект, по замыслу Великого Князя Павла Александровича, должен был «сохранить конституционный Престол Государю» и в то же время «исчерпывал все требования народа и Временного правительства», тогда как «регентство Миши» (Великого Князя Михаила Александровича) представлялось гораздо более опасным. Правда, Великий Князь Кирилл Владимирович в письме к Павлу Александровичу 2 марта отмечал, что «Миша... прячется и только сообщается секретно с Родзянко». Кирилл Владимирович объяснял, что сам он «все эти тяжелые дни был один, чтобы нести всю ответственность перед Ники и Родиной, спасая положение, признавая новое правительство (приведя к Таврическому дворцу матросов Гвардейского Экипажа. – В.Ц.)» (25).

Но и в случае реализации акта отречения Государя в той форме, как это было окончательно решено 2 марта 1917 г., Российская Империя становилась «парламентарной монар-

хией». Об этом прямо свидетельствовала фраза: «Заповедуем Брату Нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены». По словам члена ЦК кадетской партии, управляющего делами Временного правительства, редактора кадетского официоза «Речь» В. Д. Набокова, «могло бы быть создано не Временное Правительство, формально облеченное диктаторской властью и фактически вынужденное завоевать и укреплять эту власть, а настоящее конституционное правительство, на твердых основах закона, в рамки которого вставлено бы было новое содержание».

Показательно свидетельство начальника Петроградского охранного отделения К. И. Глобачева. По его словам, «уже после переворота» (Октябрьского) бывший министр юстиции Н. А. Добровольский говорил ему, что «указ об ответственном кабинете был подписан Государем и находился у Добровольского в письменном столе; он должен был быть обнародован через Сенат, на Пасху (т. е. уже в апреле 1917 г. – *В.Ц.*)». По оценке современников, монархистов, «Император Николай II был исключительно подходящий человек для роли конституционного монарха. Умный, с большой памятью, гибкий, мягкий и обладающий необыкновенной выдержкой, он фактически довел страну до небывалого развития; Россия, если ее не втянули бы в войну, оставаясь Единой, Неделимой при условии введения необходимой децентрализации, сегодня могла быть при том же Императоре Николае II самой могущественной и счастливой Империей всех времен. Царская Семья же останется в истории этики на недостижимом пьедестале...» (26).

Совершенно иную правовую природу и, как оказалось, совершенно иные политико-правовые последствия повлек за собой акт Великого Князя Михаила Александровича 3 марта 1917 г. Согласно Основным Законам, Великий Князь обязан был подчиняться Главе Царствующего Дома и, следовательно, не мог отказаться от принятия Престола без чрезвычайных причин. Несмотря на то что статья 220-я утверждала, что «каждый Член Императорского Дома обязуется к лицу Царствующего, яко к Главе Дома и Самодержцу, совершенным почтением, повиновением, послушанием и подданством», а статья 222-я предупреждала: «Царствующий Император, яко неограниченный Самодержец, во всяком противном случае имеет власть отрешать неповинующегося от назначенных в сем законе прав (т. е. имел право единолично «отрешать» и от прав наследования. – *В.Ц.*) и поступать с ним яко преслушным воле монаршей», Михаил Романов счел возможным не принимать Престол.

Здесь нужно учитывать еще один принципиально важный правовой момент. В написанном Михаилом акте не было слов, свидетельствующих именно об «отказе» от Престола, а говорилось лишь об отсрочке вступления на Престол и о его принятии в соответствии с волей Учредительного Собрания. В цитированной выше книге графа Каменского отмечалось: «По акту происходит на самом деле лишь наделение Временного правительства Верховной Властью от законного Императора Михаила II Всероссийского». «Отречения никакого не было, а был отказ от принятия Власти в связи с наделением им же, Императором Российским Михаилом II, Верховной Властью Временного правительства». Отказ от принятия Престола как таковой становился бы уже абсолютной правовой новацией, ни с чем не сравнимым прецедентом. Но на это не решился ни Михаил Александрович Романов, ни окружавшие его 3 марта политики и правоведы. Известный в Зарубежье тезис о том, что «безвольному» Михаилу ради сохранения монархии нужно было бы отречься в пользу следующего по старшинству члена Дома Романовых, «более волевого и решительного» (то есть Великого Князя Кирилла Владимировича), не может считаться правомерным, поскольку нельзя отречься от не принятого еще Престола. Поэтому вполне правомерно употреблять термин «непринятие Престола», использовавшийся правоведами – участниками Белого движения (например, бывшим прокурором Московской судебной палаты, сенатором Н. Н. Чебышевым).

В тезисе о представительном Собрании получала, таким образом, дальнейшее развитие идея законосовещательного органа, высказанная еще в «Манифесте Великих Князей». Власть Великого Князя получала бы поддержку представительной власти, что в условиях роста беспорядков и начинающейся революции было существенно необходимым. Считалось, что при занятии Престола Цесаревичем из-за его «малолетства» революционные деятели не посмели бы лишиться его власти насилием. По словам Гучкова, «маленький Алексей... являлся бы не только символом, но и воплощением монархической власти, и нашлось бы немало людей, готовых умереть за маленького Царя».

Сторонниками сохранения монархии при условии вступления на Престол нового Императора были военные. Генерал Алексеев в течение всего дня 3 марта безуспешно пытался связаться с Петроградом, отправлял телеграммы на имя Львова и Родзянко, настаивая на незамедлительной публикации акта отречения Государя и скорейшего объявления о присяге новому Императору, Михаилу I: «Необходимо скорейшее объявление войскам Манифеста вновь вступившего на Престол Государя для привода войск к присяге. Прошу... содействовать скорейшему сообщению мне текста означенного Манифеста», «прошу о скорейшем сообщении в Ставку текстов, которые могли бы быть представлены на подписание отказавшегося от Престола Государя», «промедление в присылке текста присяги и задержка в приведении к присяге войск приведет к катастрофе», «для спасения России надо принять все меры для сохранения в армии дисциплины и уважения к власти».

Ссылка на статью 54-ю не случайна. Она предусматривала издание Манифеста о вступлении на Престол: «В Манифесте о восшествии на Престол возвещается вместе и законный Наследник Престола, если лицо, коему по закону принадлежит наследие, существует». Вместо этого единственным документальным свидетельством факта передачи власти Михаилу Александровичу продолжала оставаться телеграмма с карандашной подписью Государя. Сохранение формального порядка преемственности власти (издание Манифеста и присяга) были чрезвычайно важны для фронта и тыла.

По мнению Алексеева, «хотя бы непродолжительное вступление на Престол Великого Князя сразу внесло бы уважение к воле бывшего Государя и готовность Великого Князя послужить своему Отечеству в тяжелые, переживаемые им дни... на армию это произвело бы наилучшее, бодрящее впечатление...». Решение Михаила Романова, с точки зрения генерала, было роковой ошибкой, гибельные последствия которой для фронта сказались в первые же недели марта 1917 г. В представленном князю Львову докладе (14 марта) Алексеев отмечал, что если в армии «большинство преклоняется перед высоким патриотизмом и самопожертвованием Государя, выразившимся в акте отречения», то «манифест в. кн. Михаила Александровича встречен с недоумением и вызвал массу толков и даже тревогу за будущий образ правления». «Нервное отношение к событиям чувствуется в 3-м кавалерийском корпусе (корпус под командованием генерала от кавалерии Ф. А. Келлера. – В.Ц.), где передачу Престола Великому Князю Михаилу Александровичу склонны понимать как вручение регентства до совершеннолетия Великого Князя Алексея Николаевича, которого считают законным наследником» (27).

Но для Михаила Александровича более важной становилась «всенародная поддержка» в той форме, насколько ее могла обеспечить представительная структура. В акте Михаила Романова это еще не созданное Собрание наделялось уже учредительно-санкционирующими правами. Если акт об отречении Николая II существенно усиливал полномочия законодательных палат, но при этом сохранял монархическое устройство («призываем всех верных сынов Отечества... повиновением Царю... помочь Ему, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы...»), то акт Михаила Романова создавал прецедент пересмотра Основных Законов еще не существующей государственной структурой – российской Конституантой: «Принял я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому надлежит

всенародным голосованием, чрез представителей своих в Учредительном собрании, установить образ правления и новые основные законы Государства Российского...» В акте провозглашалось и новое избирательное законодательство, по существу, т. н. «четырёххвостка» (всеобщее, прямое, равное и тайное голосование). По оценке депутата Государственной Думы В. А. Маклакова: «Законным было только отречение Николая... моментом, предрешившим крушение России, было отречение Михаила. До него, до Февральских дней все было исправимо. После сего остановить ход событий было уже нельзя... в отречении Михаила сказался кульминационный пункт торжества революции, т. е. отход от легальных путей, сход с рельсов... дело в упразднении конституции, в уничтожении всякой легальной основы для дальнейшей государственной деятельности». Примечательна в этой связи и оценка Маклаковым необходимых действий генерала Корнилова в августе 1917 г.: «Если бы Корнилов попытался остановить революцию, он должен был бы возвратиться к «законности». Законность кончилась с отречением Великого Князя Михаила, и поэтому необходимо было бы вернуться к этой исходной точке. Он (Корнилов. – В.Ц.) должен был бы опереться на акт отречения Императора Николая II, который был последним законным актом, и восстановить монархию...». Еще категоричнее высказывался, уже в Зарубежье, С. П. Мельгунов: «Преступным актом 3 марта все было скомпрометировано: Манифест явился сигналом восстания во всей России» (28).

Совершенно беспрецедентным было и решение передать власть не существовавшим структурам, а новообразованным. Если возможность «отсрочки» принятия Престола в ожидании поддержки со стороны всенародного представительного Собрания диктовалась Великому Князю Родзянко и Львовым, то очевидно, что передача власти Временному правительству стала результатом усилий «кадетских юристов» (по выражению Родзянко) В.Д. Набокова и «осторожного и тонкого специалиста по государственному праву» масона Б.Э. Нольде, редактировавших акт Михаила Романова («... прошу всех граждан Державы Российской подчиниться Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему и обеспеченному всею полнотою власти впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок, на основе всеобщего прямого равного и тайного голосования, Учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа...») (29).

По мнению ортодоксальных сторонников «самодержавной модели», акт Михаила представлял собой «самый необычайный, самый незаконный, самый невероятный документ, известный в истории». Эмигрантский писатель И. П. Якобий отмечал: «Не отрекаясь от Престола, а лишь временно отказываясь от «восприятия» верховной власти, Великий Князь парализовал на неопределенный срок всякую возможность не только реставрации, но хотя бы предъявления другим лицом права на Престол, который вакантным еще не мог почитаться».

Тем не менее «невероятность» акта Михаила Александровича еще не означала факта отсутствия власти в новой, послефевральской России. По оценке Якобия, «в акте заключалось указание на недействительность существующих основных законов – что превышало права не только Великого Князя, но и царствующего Монарха, – и впервые признавалась законная власть самозванного Временного правительства... официально до сих пор шла речь об ответственном министерстве, и первый его председатель, князь Львов, был назначен Высочайшим Указом. Об этом в акте Великого Князя нет ни слова: под эгидой Члена Царствующего Дома законное все же Правительство Львова превращается в революционное; цепь престолонаследия прерывается, основные законы отменяются, и самый акт, подписанный Великим Князем, является свидетельством о смерти Императорской России».

Слова фразы о «всей полноте власти» Временного правительства принадлежали Набокову. Он же написал и сам текст акта, лишь подписанный Михаилом. Набоков признавался в своих воспоминаниях: «Мы не видели центра тяжести в юридической силе формулы, а только в ее нравственно-политическом значении». Тем не менее именно актом Михаила Романова, составленным «кадетскими юристами», была продекларирована власть Временного правитель-

ства: «Акт... подписанный Михаилом, был единственным актом, определившим объем власти Временного правительства и вместе с тем разрешившим вопрос о формах его функционирования, – в частности (и главным образом), вопрос о дальнейшей деятельности законодательных учреждений». Изначально правительство должно было стать лишь авторитетным коалиционным «кабинетом», ответственным перед законодательными палатами. После акта «считалось установленным, что Временному правительству принадлежит в полном объеме и законодательная власть» (30).

Но сам Великий Князь считал свое решение вполне оправданным. Он формально не отказался принять Престол, но в то же время смог избежать, как ему казалось, ненужного кровопролития, неизбежного в случае «подавления революции». С другой стороны, его собственная жизнь также подвергалась опасности со стороны непримиримых противников монархии. По воспоминаниям Н. Могилянского, 11 марта на завтраке у Великого Князя Георгия Михайловича Михаил сказал: «Я очень обязан тем, кто отговорил меня. Ведь в случае моего согласия было бы страшное кровопролитие... Я не хотел быть виновником капли русской крови...» Об опасности гражданской войны Великий Князь вспоминал неоднократно (31).

По оценке депутата Н. В. Савича, Великий Князь своим актом «передавал как бы всю власть целиком Временному правительству, делал его совершенно независимым от Думы, освобождал его от необходимости какого-либо с ней общения и сотрудничества в деле управления страной. Текст Государя вводил у нас не только конституционное, но и парламентское правление, текст В. К. Михаила, написанный лицами, приглашенными для того Временным правительством, вводил режим «самодержавной» олигархии, передавал полноту власти небольшому числу лиц, ни перед кем не ответственных, ни на какие реальные силы в стране не опирающихся...» (32).

Данное замечание Савича весьма точно в части оценки сложившейся власти Временного правительства. Сразу же после прекращения сессии Государственной Думы (по указу Государя от 26 февраля 1917 г.) ее сеньорен-конвент (Совет старейшин, или Президиум) принял решение «не расходиться, депутатам оставаться на своих местах». Сеньорен-конвент имел право, позволявшее ему сохранять легальный статус – он мог действовать на постоянной основе, даже в перерыве между сессиями. От лица сеньорен-конвента стал действовать Временный Комитет Государственной Думы, образованный на частном совещании ее депутатов в полуциркульном зале Таврического дворца днем 27 февраля. С фразы депутата – члена кадетской фракции и члена «Прогрессивного блока» масона Н. В. Некрасова – «у нас теперь власти нет, а потому необходимо ее создать», фактически началось формирование новой политической модели управления. Наиболее простым путем стало бы создание нового правительства с полномочиями «ответственного министерства», о чем представители сеньорен-конвента (Родзянко, Некрасов, Савич, И. И. Дмитрюков) прежде вели переговоры с Великим Князем Михаилом Александровичем и с председателем Совета министров князем Голицыным. Эти переговоры повлияли, в частности, на издание «Манифеста Великих Князей». Но данный вариант был отклонен Государем, еще надеявшимся в те дни (27–28 февраля) на возможность оперативного подавления «беспорядков в столице» (с этой целью в Петроград с «чрезвычайными полномочиями» направлялся генерал-адъютант Н. И. Иванов) (33).

Наиболее радикальные действия во время частного совещания 27 февраля предлагались представителем Петроградского Совета В. И. Дзюбинским: или стать верховной властью сеньорен-конвенту, или, игнорируя указ Государя о перерыве сессии, объявить Думу Учредительным Собранием. Однако и эти предложения были отвергнуты. По мнению Родзянко, «председателю Государственной Думы оставить Государственную Думу без главы, приняв в свои руки власть исполнительную, представлялось тоже совершенно невозможным, так как Дума была временно распущена и выбирать ему заместителя было невозможно». Член ЦК кадетской партии князь Д.А. Шаховской внес предложение: «Раз Дума распущена, но сеньорен-кон-

вент имеется, он может выбрать членов комитета, которым и передаст власть». Поддержанное Родзянко и большинством собравшихся на частное совещание депутатов, данное предложение стало основой для последующих действий думцев. Сразу же после голосования сеньорен-конвент сформировал Временный Исполнительный Комитет Государственной Думы (12 депутатов во главе с Родзянко). Наряду с возникшим «по инициативе масс» Петроградским Советом он стал первой властной структурой в начинавшейся «русской смуте». В выпущенной листовке Комитет заявлял, что он «при тяжелых условиях внутренней разрухи, вызванной мерами старого правительства, нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка...». От имени Комитета велись переговоры с Государем. Явочным порядком Временный Комитет осуществлял контроль за транспортом, продовольственным снабжением, начал формирование милиции, назначил своих комиссаров в министерства и государственные учреждения (34).

Следуя логике правопреимства, именно Временному Комитету следовало взять на себя «полноту власти». Но этого сделано не было. После отречения Государя и непринятия власти Михаилом Романовым сосредоточение всех полномочий у представителей лишь одной законодательной палаты не представлялось возможным: Николай II назначал председателем правительства князя Львова, бывшего только лишь депутатом I Государственной Думы. Активный участник революционных событий А. И. Гучков был в тот момент членом Государственного Совета. Председатель Думы предлагал осуществить оптимальный, по его мнению, вариант «ответственного министерства» перед Думой как «носителем Верховной власти», но активные сторонники этого лозунга в разгаре «борьбы с самодержавием» неожиданно отказались от него. Родзянко приводил в своих воспоминаниях целый ряд аргументов «кадетских юристов», утверждавших необходимость установления единоличной власти, не связанной с Думой: «... события, сопровождавшиеся революционными эксцессами, могли бы потребовать принятия экстраординарных мер, и необходимость в этом случае санкций Государственной Думы... с их точки зрения, тормозила бы только планомерную деятельность Правительства, направленную к упорядочению дела войны и внутренней жизни» (35). В то же время Временный Комитет не стал устраняться от назначения правительства и огласил свой состав «первого общественного кабинета».

5 марта 1917 г. была опубликована декларация за подписью Родзянко, перечислявшая основные намерения кабинета министров во внутренней политике и объявлявшая его персональный состав. В него вошли только четверо думцев – членов Временного Комитета (Н. В. Некрасов, А. И. Коновалов, А. Ф. Керенский, П. Н. Милюков). Родзянко, Шульгин, С. И. Шидловский, Дмитриуков, М. А. Караулов, В. Н. Львов, В. А. Ржевский, Б. А. Энгельгардт, Н. С. Чхеидзе на тот момент оказались вне правительственных структур. Так, после утверждения состава кабинета можно было говорить лишь о частичной персональной преемственности от Думы, с которой считались все меньше. 10 марта правительство решило именоваться Временным, «впредь до установления постоянного представительства» (36).

Временное правительство утвердило за собой принцип единоличного правления, возглавив (хотя и временно) вертикаль власти, традиционно принадлежавшей одному лицу – представителю Дома Романовых. Вплоть до событий 25–26 октября 1917 г. правительство считалось носителем верховной и законодательной и исполнительной власти, правда, в неформальном статусе «самодержавной олигархии».

Но в этом была и слабость новой власти. На это обращал внимание Милюков, бывший вместе с Гучковым единственным сторонником незамедлительного принятия Престола Михаилом Романовым: «Представители... «Думы третьего июня», в сущности, решили вопрос о судьбе монархии. Они создали положение, дефективное в самом источнике, – положение, из которого должны были развиваться все последующие ошибки революции. В общем сознании современников этого первого момента новая власть, созданная революцией, вела свое преем-

ство не от актов 2 и 3 марта, а от событий 27 февраля...» «Если бы династия удержалась на троне, власть и ее престиж были бы сохранены», – отмечал Милюков в беседе с Набоковым. Вместо этого, по мнению лидера кадетской партии, власть становилась не легально прочной, а революционно созданной и революционно сменяемой.

Складывалась парадоксальная ситуация, делавшая Временное правительство заложником собственной власти. Чем больше полномочий у него формально сосредотачивалось, тем меньшей оказывалась поддержка со стороны других политических сил и структур. Легальность действий становилась в ущерб легитимности. Осенью 1917 г., в связи с очевидной тенденцией концентрации власти у одного лица (а это становилось неизбежным в условиях усугубления военного и политического кризисов), усиливалась и ответственность носителя этой власти. Керенский, становясь фактически носителем высшей гражданской и военной власти, становился и единственным в стране толкователем законов, «правовым гарантом». А это, увы, не соответствовало ни его качествам государственного деятеля, ни даже его политическому и правовому опыту (кругозор адвокатуры еще не мог гарантированно обеспечить законность каждого принимаемого решения). Это выразилось, в частности, в поспешном объявлении генерала Корнилова «мятежником» и в произвольном провозглашении в России республиканского строя.

С Милюковым соглашался и Родзянко: «... роковая ошибка князя Львова как Председателя Совета Министров и всех его товарищей заключалась в том, что они сразу же... не пресекли попытку поколебать вновь созданную власть, и в том, что они упорно не хотели созыва Государственной Думы как антитезы Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, на которую как носительницу идеи Верховной власти Правительство могло бы всегда опираться и вести борьбу с провозглашенным принципом «углубления революции»...» (37).

Тем не менее нельзя считать представителей первого (во всяком случае) состава Временного правительства некими «узурпаторами власти», «самозванцами правителями» и т. д. Их власть была временной, их деятельность была подотчетна будущему Собранию, они не имели права предпринимать «основных вопросов государственного строя», но принципу правопреемственности они вполне соответствовали. И этот принцип они обязаны были сохранить.

Иное дело, насколько сами представители Временного правительства оценивали «возложенную» на них единоличную власть. «Мы для Вас – Государь Император», – с такими словами обращался к министру иностранных дел П. Н. Милюкову Керенский. В первых же актах Временное правительство декларировало свои полномочия и, не смущаясь, использовало термины, характерные для революционного времени. В воззвании к «Гражданам Российского Государства», написанном членами ЦК кадетской партии Ф. Ф. Кокошкиным и М. М. Винавером 4 марта, торжественно заявлялось: «Свершилось великое. Могучим порывом русского народа низвергнут старый порядок. Родилась новая свободная Россия. Великий переворот (характерный термин. – В.Ц.) завершает долгие годы борьбы...» Далее содержалось краткое изложение противостояния «власти» и «народа» от Манифеста 17 октября 1905 г. до февраля 1917-го. Гарантом «конституционных свобод» признавалась Государственная Дума. Способ образования новой власти по принципу «народного суверенитета» определялся следующими словами: «единодушный революционный порыв народа, проникнутого сознанием важности момента, и решимость Государственной Думы создали Временное правительство, которое и считает своим священным и ответственным долгом осуществить чаяния народные и вывести на светлый путь свободного гражданского устройства...». Основная часть воззвания была посвящена обещаниям созыва Учредительного Собрания, но одновременно с этим провозглашались и гарантии «установления норм, обеспечивающих всем гражданам равное, на основе всеобщего избирательного права, участие в выборах органов местного самоуправления...».

В декларации от 12 марта Временное правительство провозглашало, что к нему «перешла полнота власти», и гарантировало соблюдение правопреемственности в отношении системы

управления и по финансовым обязательствам. Новая власть должна была строиться в «духе правового государства»: «... Решительно отбросив приемы управления прежней власти, угнетавшей народ (т. е. бюрократические, без согласия с «общественностью». – *В.Ц*), Временное Правительство видит свой долг в безостановочном осуществлении всех задач государственного управления. Проникаясь при этом духом правового государства, где права каждого твердо охраняемы и где каждый неуклонно исполняет свои обязанности, и памятуя, что колебание основ государственного хозяйства во время войны грозило бы Отечеству неисправимыми бедствиями, Временное Правительство заявляет, что оно приняло к неперемennomу исполнению все возложенные на государственную казну при прежнем правительстве денежные обязательства...»

Несмотря на выраженную «революционность» решений Временного правительства, основа его повседневной административно-управленческой работы отчасти копировала установившуюся в Российской Империи практику принятия решений. 9 марта был утвержден порядок издания законодательных актов, повторявшийся и позднее, в практике многих белых правительств, в том числе Российского правительства в Омске в 1919 г. Дела «законодательного порядка» (законодательные постановления) первоначально требовалось издавать коллективно, подписанные «всеми членами» правительства (то есть при достижении «единогласия»). Но с 11 мая законодательные постановления (кроме «постановлений особой важности») могли вступить в силу уже при подписи министра-председателя и «подлежащего министра». Дела, «требующие разрешения в порядке верховного управления» (указы), изначально достаточно было скреплять подписью только Председателя. Дела, «разрешаемые властью отдельных министров» (распоряжения), могли заверяться лишь подписями соответствующих министров. Статус «товарищей министра» (решение от 7 марта 1917 г.) предполагал «замену министров в заседаниях Совета министров во всех случаях», за исключением принятия «актов законодательного характера». Так был создан первый в условиях революции прецедент совмещения законодательной и исполнительно-распорядительной власти в одной структуре.

Показательно, что концентрация власти Временным правительством находила понимание и у отрекшегося Государя. В дневниковых записях Николая II имеются такие указания: «В составе правительства совершились перемены: кн. Львов ушел и председателем Сов. Мин. будет Керенский, оставаясь вместе с тем военным и морским мин. И имея управление еще Ми. Торг, и Пром. Этот человек положительно на своем месте в нынешнюю минуту, и чем больше у него будет власти, тем будет лучше» (запись от 8 июля). «Сегодня наконец объявлено Врем. Правительством, что на театре военных действий вводится смертная казнь против лиц, изобличенных в государ. измене. Лишь бы принятие этой меры не явилось запоздалым» (запись от 13 июля). «Новое Временное Правительство образовано с Керенским во главе. Увидим, пойдет ли у него дело лучше? Первейшая задача заключается в укреплении дисциплины в армии и поднятии ее духа, а также в приведении внутреннего положения России в какой-нибудь порядок!» (запись от 25 июля) (38).

В отношении актов Николая II и Михаила Романова необходимо было довести до конца формальную процедуру их легализации – утверждение актов Правительствующим Сенатом и принесение новой присяги. Согласно статье 38-й, «отречение таковое, когда оно будет обнаружено и обращено в закон, признается потом уже невозвратным». Именно поэтому требовалось закрепление правового статуса актов Правительствующим Сенатом. Со стороны Сената существенных затруднений не возникало. Согласно официальному сообщению 5 марта, на заседании 1-го департамента министр юстиции Керенский (по статусу ставший и генерал-прокурором Сената) передал обер-прокурору П.Б. Врасскому оба акта (в их «черновом», рабочем варианте). Далее, «рассмотрев предложенный на его обсуждение вопрос, Правительствующий Сенат определил опубликовать оба акта в «Собрании узаконений и распоряжений правительства» и сообщить об этом указами всем подчиненным Сенату должностным лицам

и правительственным местам. Оба акта приняты Сенатом для хранения на вечные времена». Определение 1-го департамента Сената подтверждало исключительный характер власти Временного правительства: «Временное правительство волею народа облечено диктаторской властью, самоограниченной его собственной Декларацией и сроком до Учредительного Собрания» (39).

Правда, судя по интервью сенатора, профессора Э.Н. Берендтса, опубликованному в апреле 1922 г., во время разгоравшегося в Зарубежье конфликта вокруг самопровозглашения Престолюбюстительства Кириллом Владимировичем акты Николая II и Михаила Романова были названы недействительными. «Мы все были согласны, что монарх лично за себя мог отречься от Престола, но что устранение им от Престола Наследника, хотя бы и несовершеннолетнего, и передача Престола Великому Князю Михаилу Александровичу – акты незаконные. Однако от мысли отказать в издании указа об отречении решено было уклониться, ибо Государь и Наследник находились в Царском Селе, в среде восставших войск, и большинство сенаторов опасалось, что признание отречения незаконным могло бы привести к избиению всей Царской Фамилии...»

Несмотря на отмеченное Берендтсом спустя пять лет несоответствие актов Основным Законам, заседание 5 марта завершилось четким, официальным обращением сенаторов к Керенскому: «Сенат решил издать требуемый указ (акты Государя и Великого Князя. – *В.Ц.*) и просит Вас передать Временному Правительству, что он будет поддерживать Временное Правительство во всем, что будет содействовать укреплению законности в России». 9 марта на заседании полного состава 1-го департамента Временное правительство принесло присягу. Акты отречения от власти и принятия временной власти окончательно получили правовое оформление и юридическую силу (40).

Не была проигнорирована Временным правительством и присяга. Согласно российскому законодательству и древней православной традиции присяга приносилась при вступлении на Престол Императора в православных, приходских храмах или в «церквах исповедания». Тезисы о нарушении присяги одним лишь генералитетом (например, генералами Л. Г. Корниловым, А. И. Деникиным, вице-адмиралом А. В. Колчаком), о «борьбе за власть генералов», пока «Император молился», нельзя признать сколько-нибудь обоснованными уже потому, что присяга приносилась всеми «подданными Российской Империи мужеского пола», а не только военными или государственными служащими. Статьи 55-я, 56-я и примечание к статье 56-й отмечали: «Верность подданства воцарившемуся Императору и законному Его Наследнику, хотя бы он и не был наименован в манифесте, утверждается всенародною присягою», «Каждый присягает по своей вере и закону», «Примечание 1. Правительствующий Сенат, напечатав клятвенное обещание по установленной форме, рассылает оное в потребном числе экземпляров ко всем вообще, как военным, так и гражданским начальствам, сообщая о том и Святейшему Синоду для сообразного с его стороны распоряжения. (А). – Каждый приводится к присяге своим начальством в соборах, монастырях или приходских церквах, по удобности; находящиеся же под стражею, но еще не осужденные к лишению прав, приводятся к присяге начальством тех мест, где они содержатся. (Б). – Иноверцы, где нет церкви их исповедания, приводятся к присяге в присутственном месте, при членах оного. (В). – Каждый присягнувший на верность подданства, если он писать умеет, подписывает печатный лист, по коему он присягал. Листы сии в последствии доставляются от всех начальств и ведомств в Правительствующий Сенат... Примечание 2. К присяге приводятся все вообще подданные мужеского пола, достигшие двенадцатилетнего возраста, всякого чина и звания». Подлинными «изменниками присяге» считались всегда представители революционных партий и организаций, за что они и подлежали уголовной ответственности.

При отречении принесение новой присяги было необходимо для сохранения правопреимственности. Не случайно по настоянию В. В. Шульгина Николай II к фразе «Заповедуем

Брату Нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены» добавил слова «принеся в том ненарушимую присягу» (41). Таким образом, передача власти Временному правительству санкционировалась Государем и призывом к принесению новой присяги.

От прежней присяги Государь своих подданных освобождал.

Новый текст присяги был составлен в нескольких вариантах. Первоначальный вариант утверждал существо новой власти, подчеркивал ее «демократический характер»: «По долгу члена Временного правительства, по почину Государственной Думы возникшего, обязуюсь и клянусь перед Всемогущим Богом и своей совестью служить верой и правдой народу Державы Российской, свято оберегая его свободу и права, честь и достоинство и нерушимо соблюдая во всех действиях и распоряжениях моих начала гражданской свободы и гражданского равенства и всеми предоставленными мерами мне подавляя всякие попытки прямо или косвенно направленные на восстановление старого строя». Также министры клялись выполнить свой долг по обеспечению проведения выборов во Всероссийское Учредительное Собрание: «Клянусь принять все меры для созыва в возможно кратчайший срок, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, Учредительного Собрания, передать в руки его всю полноту власти, мною совместно с другими членами правительства временно осуществляемую, и преклониться перед выраженной сим Собранием народной волею об образе правления и основных законах Российского государства». Для военнослужащих слова верности Государю и Наследнику были заменены клятвой на служение «Отечеству» («обещаюсь перед Богом и своей совестью быть верным и неизменно преданным Российскому Государству, как своему Отечеству. Клянусь служить ему до последней капли крови, всемерно способствуя славе и процветанию Русского Государства. Обязуюсь повиноваться Временному Правительству, ныне возглавляющему Российское Государство, впредь до установления образа правления волею народа при посредстве Учредительного собрания»). Но на практике, подтверждая опасения генерала Алексеева, процесс принятия присяги затянулся. Если Временное правительство принесло присягу в Сенате 9 марта, то некоторые военные управления, тыловые гарнизоны присягнули только в конце марта. Присягнувшие Временному правительству члены Дома Романовых (Великие Князья Николай Николаевич, Кирилл и Борис Владимировичи, Дмитрий Павлович) приносили присягу, занимая те или иные должности на военной службе.

Характерную оценку прежней присяги давал министр торговли и промышленности в последнем «царском» Совете министров князь В.Н. Шаховской, арестованный в первые дни революции вместе с другими министрами. На вопрос Керенского к нему и к бывшим министру финансов П. Л. Барку и премьеру Голицыну, «признают ли они Временное правительство», Шаховской ответил за всех: «Мы присягали на верность Императору Николаю II. Раз Его Величество ныне отрекся от Престола, то этим самым Он освободил нас от присяги. Поэтому я не вижу оснований для отказа признать образовавшееся новое Правительство». Голицын и Барк подкинули одобрительно...» По оценке подчиненного Шаховского, члена Совета министра торговли и промышленности И. Окулича, «в Министерстве я не знаю ни одного человека, который бы не хотел честно работать на пользу Отечества при Временном правительстве». Тем более совершенно необоснованно мнение об «измене присяге» генерал-лейтенанта Л. Г. Корнилова, когда им по прямому указанию Временного правительства 7 марта был осуществлен домашний арест Царской Семьи (а по существу, установление ее охраны под контролем штаба Петроградского военного округа в целях защиты от возможного самосуда со стороны «революционного» Царскосельского гарнизона).

Примечательно, что официальная пресса сразу же после заявления о «лишении свободы Александры Феодоровны» сообщала: «Вопрос об отъезде Николая II и Александры Феодоровны в Англию решен окончательно. Ждут только выздоровления детей...» (42).

В условиях продолжающейся войны важнейшим делом становилась победа над врагом. Ради блага Родины, а по существу, ради этой победы отрекался от Престола Государь. Ради победы он призывал своих поданных, солдат и офицеров, принести новую присягу.

После актов Николая II и его младшего брата фактически ставились под сомнение безоговорочные права на Престол у всего Дома Романовых. Последовали публичные заявления об отказе от своих прав других членов Царствующего Дома. Отказ заключался в ссылке на прецедент, созданный Михаилом Александровичем Романовым – вернуть свои права на престол только в случае их подтверждения на всенародном представительном Собрании.

Лучше всего эту позицию выразил Великий Князь Николай Михайлович, ставший инициатором сбора «заявлений» от представителей Дома Романовых. В письме Керенскому от 9 марта он отмечал, что ему удалось «получить согласие на отказ от Престола и на отдачу удельных земель от Великих Князей Кирилла Владимировича (легко), от Великого Князя Дмитрия Константиновича (туго) и от князей Гавриила и Игоря Константиновичей (очень легко). Телеграмма, которую я сварганил для брата Александра, вам известна от М. И. Терещенко».

Текст, составленный самим Великим Князем Николаем Михайловичем, гласил: «Относительно прав наших и, в частности, моего на Престолонаследие я, горячо любя свою родину, всецело присоединяюсь к тем мыслям, которые выражены в акте отказа Великого Князя Михаила Александровича». Развивая тезис о подчинении Временному правительству, Великий Князь готов был отказаться и от собственности Императорской Фамилии: «Что касается до земель удельных, то, по моему искреннему убеждению, естественным последствием этого означенного акта эти земли должны стать общим достоянием государства».

В течение марта на имя Львова и Керенского поступали телеграммы от представителей Дома Романовых. Великий Князь Николай Николаевич дважды утверждал о своей верности Временному правительству. В телеграмме от 9 марта он заявлял: «Сего числа я принял присягу на верность Отечеству и новому государственному строю. Свой долг до конца выполняю, как мне повелевают совесть и принятые обязательства». В приказе по армии, получив от Николая II назначение на должность Главковерха, Великий Князь повторял основные идеи «прощального слова Государя к армии»: «Установлена власть в лице нового правительства. Для пользы нашей Родины я, Верховный Главнокомандующий, признал ее, показав тем пример нашего воинского долга. Повелеваю всем чинам славной нашей армии и флота неуклонно повиноваться установленному правительству через своих прямых начальников. Только тогда Бог даст нам победу».

Из «Владимировичей» (детей Владимира Александровича Романова, сына Императора Александра II) 11 марта телеграмму прислал Борис Владимирович: «Присягнув Временному правительству и сдав должность походного атамана... всегда готов явиться Временному правительству». Как уже отмечалось, Кирилл Владимирович был одним из авторов «Манифеста Великих Князей» и фактически заявил о поддержке происходящих событий, приведя Гвардейский Экипаж к Таврическому дворцу еще 27 февраля. Даже после своей отставки до 1922 г. он не заявлял публичных протестов по поводу существования актов 2 и 3 марта. Сохранился и текст его письменного заявления, полностью повторявший «образец» Великого Князя Николая Михайловича.

«Константиновичи» (дети и внуки старшего сына Николая I, Константина) – Николай, Дмитрий, Гавриил и Игорь – приветствовали новый «режим», называя себя «свободными гражданами».

От лица «Михайловичей» (дети и внуки Михаила Николаевича, младшего сына Императора Николая I) выступил Великий Князь Александр Михайлович: «От имени великой княгини Ксении Александровны, моего и моих детей заявляю нашу полную готовность всемерно поддерживать Временное правительство». Братья Александра Михайловича, Великие Князья Сергей и Георгий, телеграфировали о своей поддержке Временного правительства в форме, повторявшей вариант Великого Князя Николая Михайловича.

Дальние ветви Дома Романовых также заявляли о лояльности новой власти. «Полное желание и готовность энергично поддерживать Временное правительство во славу и благо нашей дорогой Родины» выразил принц А. Г. Романовский – герцог Лейхтенбергский.

Сестра Императрицы Александры Федоровны, Великая Княгиня Елизавета Федоровна, отмечала: «Признавая обязательным для всех подчинение Временному правительству, заявляю, что и со своей стороны я вполне ему подчиняюсь» (43).

Подчеркнутая лояльность Временному правительству, к сожалению, не спасла Великих Князей, как и Царскую Семью, от последующих репрессий. Уже в 1917 г. Временное правительство, из-за опасений «контрреволюции справа», стало сужать правовой статус бывшего Царствующего Дома. Речь шла даже о лишении элементарных гражданских прав. Так, 4 июня на заседании «Особого Совещания для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное Собрание» его членом, эсером М. В. Вишняком, было высказано предложение – лишить членов Царствовавшего Дома как пассивного, так и активного избирательного права. Данное предложение было узаконено в Положении о выборах в Учредительное Собрание (статья 10). Против этого выступали члены Совещания – кадеты, но, как и в большинстве случаев, в 1917 г. они не могли изменить решений быстро растущих социалистических партий (44).

Таким образом, события февраля – марта, связанные с актами 2 и 3 марта, несмотря на их беспрецедентный характер, получили все-таки «легальное оформление». Временное правительство, как бы к этому ни относиться, стало «верховой властью». В этом и состояло отличие от акта разгона Всероссийского Учредительного Собрания, санкционированного уже не Правительствующим Сенатом, а III Всероссийским съездом Советов, утверждавшим совершенно новую, лишенную связи с дореволюционным законодательством, правоприменительную практику. По воспоминаниям председателя Московской судебной палаты, председателя правления «Всероссийского Союза юристов», министра юстиции деникинского правительства В.Н. Челищева, «вопрос о форме правления не имеет первостепенной важности, а важно то, чтобы народ сам решил бы этот вопрос, т. е. важен лозунг борьбы против захватчиков власти (большевиков. – В.Ц.) во имя прав народа устраивать свою судьбу. Для меня эта точка зрения был неоспорима не потому только, что я разделял учение о суверенитете народа, а потому главным образом, что она опиралась на акты, уже оформившие революцию, придавшие событиям переворота (февральского) законное оформление».

Следует учитывать также ту разницу, которую в политико-правовом контексте событий начала XX столетия имели понятия «переворот» и «бунт». Например, в оценке министра юстиции Российского правительства С. С. Старынкевича и в квалификационном решении Правительствующего Сената от 23 ноября 1917 г., дающем оценку действиям Петроградского Совета и Военно-революционного комитета, которые привели к «низложению» Временного правительства (подробнее об этом – в следующих разделах), отмечалось: «Сенат признал, что восстание так называемых коммунистов есть бунт; это не есть переворот, который создает в конечном итоге новую жизнь, творит новые ее формы... это результат деятельности захватчиков власти». Термин «низложение» в политико-правовом контексте того времени означал именно «насильственный характер» по отношению к тем или иным структурам власти.

Следует также помнить, что акты Николая II и Михаила Романова весной 1917 г. не воспринимались в обществе как нарушение основ российского законодательства. Подтверждением этого, в частности, служит позиция вооруженных сил. Выражая по сути своей охранительное начало, военная среда не стала еще полем для политической борьбы. Стремительная «политизация» армии начнется позднее. Подавляющее большинство, включая и высший командный состав, не стремилось к каким бы то ни было конституционным переменам в условиях продолжающейся тяжелейшей войны. Призыв Государя к выполнению прежде всего своего долга перед Отечеством (а не перед Царской Семьей), очевидно, останавливал многих военных, готовых к «подавлению внутреннего врага». Настроения армии нужно учитывать при

анализе формирования российского Белого движения. По оценке генерала Головина, «армия защитила бы монарха», однако «сдерживающим началом для всех явились два обстоятельства: первое – видимая легальность обоих актов отречения, причем второй из них, призывая подчиниться Временному Правительству, «облеченному всей полнотой власти», выбивал из рук монархистов всякое оружие, и второе – боязнь междоусобной войной открыть фронт. Армия тогда была послушна своим вождям. А они – генерал Алексеев, все Главнокомандующие – признали новую власть».

Нельзя не согласиться с этим утверждением. Нельзя забывать о том, что слова Государя «измена», «трусость» и «обман», а также весьма резкая («такая гадость») оценка им акта Михаила Александровича стали известны спустя годы, когда были опубликованы дневники Николая II. Все официально известные, опубликованные на тот момент документы свидетельствовали об осознанном решении Императора, а интимные записи личного дневника, очевидно, не могли (и не могут) считаться свидетельствами, имеющими юридическую силу и правовые последствия. Хотя и в них Государь свидетельствовал о сознательном выборе совершенного им акта.

Головин обращал внимание и на существенное ослабление легитимистских настроений в армейской среде: «Несмотря на всю разноречивость внешних проявлений солдатских настроений, одно может считаться несомненным: доверие к бывшему царскому правительству было окончательно подорвано и внутреннее единство традиционной формулы «за Веру, Царя и Отечество» было разрушено. Царь противопоставлялся Отечеству... Дезорганизация, наблюдаемая в тылу, недостаток в снабжении, расстройство транспорта, озлобленная критика правительства во всех слоях интеллигенции, с другой стороны – отталкивание общественных сил самим правительством, министерская чехарда и самое ничтожество выдвигаемых на эти посты лиц – все это широко проникало в гущу солдатской массы и атрофировало в ней всякое чувство доверия и уважения к правительственной власти. Мистический ореол Царской Власти был разрушен» (45).

Многие современники и позднейшие исследователи событий 1917 г. считали, что акты Николая II и Михаила Романова инициировали явные изменения в политико-правовом статусе существовавших государственных структур, законодательной и исполнительной властей, делали все более востребованными нормы уже не формального, а фактического права. Так, в 1918 г. В. Д. Набоков, работая над рукописью своих воспоминаний в Крыму, отмечал: «Никакие законы не могут устранить или лишить значения самый факт отречения или помешать ему. Это есть именно факт, с которым должны быть связаны известные юридические последствия». В том же смысле оценивал «правовое поле», создаваемое событиями февраля – марта, сенатор Корево: «Эти акты революционного времени... не могут быть рассматриваемы легитимистами иначе как с точки зрения свершившегося факта. Силою факта же, еще до переворота в октябре 1917 г., сметено было то Временное правительство, по почину Государственной Думы возникшее, коему подчиниться призывал Великий Князь Михаил Александрович и, в приказе по армии, 8 марта 1917 г., № 311, отрекшийся Император (имелся в виду первый состав Временного правительства князя Львова. – В.Ц.)\ установилось новое Временное правительство, в котором из членов первого осталось очень мало лиц. Утратилось, таким образом, и преемство революционного Временного правительства. Сметено было затем и Учредительное Собрание, и возник факт Российской Социалистической Федеративной Советской Республики». Безусловно, наибольшие нарекания вызывал именно акт Михаила Романова, поскольку им создавался прецедент не коррекции существующих Основных Законов, а введения новых (46).

Тем не менее, согласно вышеперечисленным нормативным критериям, нельзя признать акты отречения и непринятия власти принадлежащими сугубо «фактическому праву». Для «верноподданных» Российской Империи после февраля оставалось два важнейших обязатель-

ства перед «старой властью», обязательства, освященные ее авторитетом. Это – доведение «войны до победного конца» и созыв Учредительного Собрания. И любой «верноподданный» и перед законом, и перед собственной совестью должен был сделать все от него зависящее, чтобы исполнить свой гражданский долг. Отказ от его исполнения, какими бы мотивами он ни объяснялся (революционными или консервативными), мог расцениваться не только как «измена России», но и как «измена Государю», его «последней воле». Правда, впоследствии многими признавался единственно правильным или «выбор Зубатова» (самоубийство), или «выбор Келлера» (отказ от присяги «новой власти» и отставка). И все-таки неоспоримость подобных действий в условиях продолжавшейся войны и «углубления революции» сомнительна. Не нужно забывать, что граф Келлер, отказавшись присягать Временному правительству, никак не препятствовал принесению новой присяги чинами подчиненного ему 3-го конного корпуса, а в своей телеграмме отрекшемуся Государю заявлял об «удовлетворении» при известии о «перемене образа управления», «даровании России ответственного министерства» и о «возвращении к нам... нашего старого Верховного Главнокомандующего Великого Князя Николая Николаевича».

Когда же оба «обязательства» оказались отвергнуты Октябрьской революцией 1917-го и окончательно уничтожены в январе и марте 1918 г. (после разгона Учредительного Собрания и заключения сепаратного Брестского мира), российская контрреволюция – Белое движение – продолжала их соблюдать. Они были приняты в измененной форме, но с неизменным содержанием (лозунги «непредрешения» и «верности союзникам»).

Возвращаясь к проблеме прецептивного толкования Основными Законами права отречения от Престола, нельзя не отметить, что в данном случае можно говорить о серьезном, но и закономерном расхождении между формально-правовой и духовно-нравственной сторонами данного акта. Формально-правовое толкование законности или незаконности отречения никоим образом не исключало и не умаляло нравственного подвига Государя. Участники тех далеких событий – не бездушные субъекты и объекты права, не «заложники монархической идеи», а живые люди. Совершенно ясно, что решение Государя оправдывалось не только опасениями ослабления фронта в случае снятия частей для подавления «беспорядков» в Петрограде (ни одна из частей с фронта не была отправлена в «бунтующую» столицу). Шла «Вторая Отечественная война», ради победы в которой можно было принести любые жертвы. Что было важнее – соблюдение обетов, даваемых при венчании на Царство? Или сохранение стабильности, порядка, столь необходимых для победы на фронте, в чем его убеждали прибывшие из Петрограда члены Государственной Думы? Для Государя стала очевидной невозможность «переступить через кровь» во время войны. Он не желал удерживать Престол насилием, не считаясь с количеством жертв. Смиренно, а потому и добровольно отрекся он от верховной власти. Можно ли также упрекать Государя как правителя и отца в его опасениях оставлять Престол в «мятежной столице» Цесаревичу, обремененному страшной болезнью? «В последнем православном Российском монархе и членах его Семьи мы видим людей, стремившихся воплотить в своей жизни заповеди Евангелия. В страданиях, перенесенных Царской Семьей в заточении с кротостью, терпением и смирением, в их мученической кончине в Екатеринбурге в ночь на 4/17 июля 1918 года был явлен побеждающий свет Христовой веры подобно тому, как он воссиял в жизни и смерти миллионов православных христиан, претерпевших гонение за Христа в XX веке». Так оценивался нравственный подвиг Государя в определении Освященного Юбилейного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви о соборном прославлении новомучеников и исповедников Российских XX века (13–16 августа 2000 г.).

Своим отречением Государь не только сохранял монархический принцип, жертвуя собой. Отречение не давало возможности развернуть, под формально понятым лозунгом «борьбы с изменой», террор в тылу. Отречение не позволяло и сторонникам «революционных преобразований» сделать Престол марионеточным, а то и вовсе ликвидировать монархию под лозунгом

«борьбы с самодержавием». Отречение обращалось к гражданской совести русского народа, призывало к сплочению в борьбе с внешним врагом и к демократическому решению внутренних дел.

Эти же мотивы недопустимости «переступить через кровь» руководили и Великим Князем Михаилом Александровичем. Нужно твердо помнить, что отречение от Престола самого Николая II и принятое им решение об отречении за Цесаревича никоим образом не меняло формы правления. Отрекаясь, Государь не мог предположить непринятия Престола своим братом на следующий же день и фактического крушения монархического строя в России. Жертвуя собой ради любви к Отечеству, Государь ожидал того же и от своих подданных. И даже после акта Михаила Романова, в своем «прощальном слове» к армии, он призывал к выполнению прежде всего воинского, гражданского долга, необходимого для победы. Отречение произошло, его нельзя отменить, но нужно выполнять «завет Императора». Нужно «продолжать войну до победного конца». Эта убежденность примиряла с отречением и вдохновляла тех, кто не соблазнился «революционными завоеваниями», не поверил в спасительное для страны «углубление революции». Тех, кто составил позднее основу контрреволюционного сопротивления – Белого движения.

Для понимания духовно-нравственной оценки отречения Государя весьма показательным обращением к пастве г. Омска 10 марта 1917 г. епископа Омского и Павлодарского Сильвестра (Ольшевского), возглавлявшего в 1918–1919 гг. Временное Высшее Церковное управление на Востоке России, духовника Верховного Правителя России адмирала А. В. Колчака (см. приложение № 3).

Что касается будущего Белого движения, то для него существенно важным становился именно акт непринятия Престола Михаилом Романовым. Принятие власти представителем Царствующего Дома в зависимости от воли будущего всероссийского представительного Собрания со всей очевидностью выдвигало на уровень высшей власти принцип «непредрешения». Российская Конституанта должна была бы, следуя логике государственного права, установить форму правления, установить форму административно-территориального устройства, полномочия органов власти и высшего носителя этой власти. В законодательной практике Конституанта должна была, по сути, утвердить лишь первый том Основных законов, предоставив дальнейшую политико-правовую деятельность будущим органам власти и управления. Таким образом, принцип «непредрешения» сложился отнюдь не в политической программе Белого движения, а стал органическим, естественным продолжением актов Николая II и Михаила Романова, своеобразным политическим «завещанием» Дома Романовых России. Последующая деятельность по утверждению российского законодательства принадлежала бы уже (используя аналогии с Великой французской революцией) не Конституанте, а Легацианте (законодательному собранию). Даже ортодоксальные монархисты заявляли, что «Основные Законы» уже радикально изменены «фактом революции», «нельзя только идти на уступки в вопросе о порядке русского Престолонаследия» (47).

Важнейшая составляющая политического курса Белого движения заключалась в стремлении восстановить прерванную политико-правовую традицию, вернуться к состоянию 3 марта, несмотря на то что удаленность от этой даты росла с каждым днем. «Замыкая круг» правопреемственности, следовало отказаться от политического наследия периода «углубления революции», выполнить обязательства перед Антантой, взятые Россией во время Первой мировой войны, восстановить нарушенные «революционным творчеством» основы правосознания, созвать представительное Собрание и определить курс внутренней и внешней политики.

Именно такое понимание «белой борьбы» и принципа «непредрешения» делало ее осмысленной и целенаправленной, придавало ей характер не только военного, но и политико-правового «противостояния большевизму».

В случае же признания полной неправомерности актов 2 и 3 марта 1917 г. «белая борьба» становилась хотя и героической, но совершенно абсурдной (а потому и «обреченной») борьбой за некую «синюю птицу» абстрактной «Единой, Неделимой России». Но если подобная оценка встречалась в воспоминаниях некоторых участников Белого движения (особенно среди военных), то это отнюдь не свидетельствовало о «бессмысленности» сопротивления, не подрывало его сути.

Безусловно, в условиях санкционированного актом 3 марта «непредрешения» было сложно утвердить официально какой-либо определенный политический лозунг, в том числе и лозунг возрождения монархии. Провозгласить монархический или республиканский лозунг можно было лишь на уровне всенародного, всероссийского Собрания (подобно Земскому Собору 1613 г.). Провозглашение его в отдельных регионах, отдельными правителями или правительствами признавалось недопустимым. Даже Приамурский Земский Собор (1922 г.) провозглашал монархический лозунг только в рамках собственных, «региональных» норм. Это же относилось и к вопросу о принципах государственного устройства. Поэтому упреки части эмиграции в «нежелании» лидеров Белого движения провозгласить восстановление монархии не могли считаться оправданными.

Актуальность данного положения была важна и с точки зрения споров между «соборянами» (сторонниками восстановления монархии посредством акта Учредительного Собрания – Земского Собора) и «легитимистами» (сторонниками восстановления прав старейшего представителя Дома Романовых на основании «нелегитимности» акта отречения). Представители Белого движения в период 1917–1922 гг. могут считаться первыми «соборянами» в деле возрождения монархической традиции.

Правда, это не противоречило и основному тезису легитимистов, согласно которому «Престол не должен быть вакантным». Беспрецедентное прежде «непринятие Престола» Михаилом Александровичем делало верховной властью ее временных носителей, но из его акта отнюдь не следовало отрицание прав Дома Романовых на Престол. Михаил Александрович оставался фактическим «Престолюбостителем» и был таковым до своей кончины, после которой «Престолюбостительство» переходило к следующему по старшинству члену Дома Романовых (если он не был лишен прав на Престол).

Но «Престолюбостительство» никоим образом не означало и не могло означать безоговорочного «возглавления Государства Российского». Чтобы наступила данная, вторая ступень восстановления монархической государственности, требовалось уже «соборное утверждение» (во многом по аналогии с местоблюстительством Патриаршего Престола и последующим избранием Патриарха).

Для политико-правовой характеристики 1917 г. и последующих событий гражданской войны следует учитывать и чрезвычайно возросшую в это время популярность принципа т. и. «народного суверенитета». Его сторонники исходили из тезиса об утверждении формы правления посредством «народного волеизъявления» (через представительные органы власти). Последователями данного принципа были и большевики, выдвигавшие идею «советовластия» как наиболее демократическую, с их точки зрения, форму управления. И совершенно напрасно искать в этом принципе выражение «многомытежного человечества хотения» (оценка Учредительного Собрания Зызыкиным). Созыв Всероссийского Учредительного или Национального Собрания или Всероссийского Земского Собора (название не меняло сути) предполагал прежде всего осознанный отказ от революционной смуты, покаяние и примирение, наступление «гражданского мира» и прекращение «гражданской войны». Должно произойти подлинное преобразование России, общества, народа. На этом основании и можно будет строить новый государственный порядок. В этом процессе и произойдет подлинное «согласие и примирение».

В этом отношении весьма показательна оценка актов 2 и 3 марта генерал-лейтенантом М. К. Дитерихсом, официально объявившим о необходимости восстановления монархии в России

на Приамурском Земском Соборе. В одном из писем, написанном в разгар «легитимистских дискуссий», 6 мая 1924 г., он указывал: «Я получаю сейчас брошюры, даже целые книжки дорожного издания, с подробным разбором основных законов и определением юридических прав тех или других из Членов Дома Романовых на прародительский Престол. Если бы эти монархисты стояли на правильной и прочной почве национальной идеологии, то они не выказывали бы себя такими слепцами. Ведь с того момента, как Император

Николай II отрекся от Престола и своим актом изменил самодержавные основные законы Павла на конституционные положения, а мы все, во главе со всей плеядой Великих Князей, приняли его отречение и санкционировали отпад от самодержавных принципов, основные законы Императора Павла потеряли всякую свою силу на веки вечные, и члены Дома Романовых утратили всякие права на престолонаследие по принципам основных законов». «Раньше чем думать об избрании Царя, надо проникнуться всем существом мистическим актом «обирания» и подходить к делу восстановления монархии в России с чистейшей совестью в смысле полного отказа от узурпаторства прав народа в этом деле. Иначе мы не добьемся видеть Россию снова Великой, Самодержавной, Христовой державой, так как и Бог не попустит изменения, и единственный проявитель его воли на земле – народ – не примет нас».

«Если бы современные монархисты глубоко и горячо исповедовали религию русского национального монархизма, то молились бы они теперь, со всем пылом и страстностью, не о восстановлении царя, а о возрождении к монархизму народа».

Таким образом, принципы народного, общественного, соборного призвания оставались неизменными в программных установках Белого движения, наполняя лозунг «непредрешения» значительным духовным, нравственным содержанием. Но и лозунг «непредрешения» не оставался неизменным. «Требования времени», происходившие перемены в экономике, политике, в общественной жизни, оказались настолько глубоки, что «непредрешение» стало невозможно реализовать во всем и везде. Даже в теоретических спорах о восстановлении в России монархического строя не было убежденности в необходимости восстановления именно «самодержавной власти», в ее политико-правовом понимании, и «унитарной Империи». Уже цитированный выше Рейхенгалльский съезд в итоговой резолюции провозглашал восстановление норм Основных Законов только применительно к «восстановлению монархии, возглавляемой законным Государем из Дома Романовых». С точки зрения формы правления монархия предполагалась парламентарной: «... залог благоденствия, силы и самого бытия России заключается в действенном единении Царя со своим народом в лице избранников широких слоев населения». Аналогичные основания содержал, например, «Высочайший рескрипт» Кирилла Владимировича (6 ноября 1924 г.): «обеспечение всему населению России действительного участия в государственной жизни», «соглашение с народностями, отпавшими от России и получившими за время смуты особое государственное устройство, об установлении взаимоотношений с Россией», «разграничение основными законами круга ведомства центральной и местной власти на основаниях, обеспечивающих мирное сожительство всех слоев населения». Позднее, в 1928 г., Кирилл Владимирович предполагал даже сохранение советской вертикали как органической части «новой русской народной монархии»: «непременное и постоянное участие народных представителей в законодательстве и управлении Империи мыслится Мною как краеугольный камень новой монархической России». Переизбранные на основе представительства от социальных групп и различных организаций, «советы сельские, волостные, уездные, губернские и областные или национальные, увенчанные периодически созываемыми Всероссийскими Съездами Советов – вот что способно приблизить Русского Царя к народу и сделать невозможным какое-либо средостение в виде всесильного чиновничества или иного, пользующегося особыми преимуществами сословия...» (48).

Объективности ради следует отметить также, что именно те, кто непосредственно участвовал в событиях, связанных с отречением Государя (генерал Алексеев, Гучков, Шульгин,

Родзянко), оказались «родоначальниками» российской контрреволюции. Именно контрреволюции, которая пока еще не стала антибольшевистским и еще менее Белым движением. По образной оценке генерала Головина, с весны 1917 г. «отсутствие какого-либо реставрационного оттенка в истоках Русской контрреволюции показывает, что эти истоки оказались лежащими не в пластах наших правополитических группировок, а в пластах нашей либеральной интеллигенции. Будучи всегда государственно настроенной, несмотря на свою малую приспособленность к борьбе, она, силой самой жизни, выделила из себя те наиболее действенные соки, в которых и начался бродильный процесс, создавший первые противодействующие разрушительной стихии революции силы...» (49).

Возвращаясь к политико-правовой стороне проблемы февраля 1917 г., нужно учитывать, что Верховная Самодержавная власть, обеспеченная Основными Законами и в рамках «думской монархии», сделала обычной практикой единоличного принятия решений. Это соответствовало национальным монархическим традициям и в то же время позволяло опираться на «парламентарные структуры», разделявшие с Государем ответственность в издании определенных категорий законодательных актов. Необходимо отметить, что модель верховной власти, утвержденная Основными Законами, во многом повторялась при восстановлении системы управления Российским правительством адмирала Колчака, с тем отличием, что и законодательная, и исполнительная власть осуществлялась одним правительством, без участия представительных учреждений. В политическом курсе Белого движения это соответствовало идее «единоличной национальной диктатуры». Лишь к концу 1919 г. данная модель стала трансформироваться с учетом необходимости разделения власти между различными государственными структурами. Такой же принцип – объединение высшей законодательной и исполнительной власти – взяло на себя Временное правительство. Сохранившиеся в постфевральской политической системе структуры Государственной Думы и Государственного Совета оказались невосстановленными. С одной стороны, это должно было усилить власть Временного правительства, но с другой – существенно ослабляло его поддержку со стороны «общественных сил», требовавших «участия во власти».

Россия вступала в новую эпоху. Революционные перемены неизбежно должны были столкнуться с контрреволюционным противодействием...

* * *

1. Двуглавый орел. Берлин, № 11, 1 (14) июля 1921 г., с. 19–20.
2. Двуглавый орел. Берлин, № 9, 1 (14) июня 1921 г., с. 3.
3. Гершельман А. С. Эмиграция // Верная Гвардия. М., 2008, с. 521–524.
4. Обращение Представителя Августейшего Блюстителя Престола // Русское дело. Белград, № 175, 21 сентября 1922 г.; Как погибала Россия. Письмо М.В. Родзянко по поводу обращения Великого Князя Кирилла Владимировича // Русское дело. Белград, № 192, 13 октября 1922 г.
5. ГА РФ. Ф. 5912. Оп. 1. Д. 279. Лл. 10–11; Гершельман А. С. Указ, соч., с. 575, 621; Савин И. В. После исхода. Парижский дневник. 1921–1923 гг. М., 2008, с. 260; а также: Назаров М. В. Кто наследник Российского Престола? М., 1996. Здесь и далее в настоящем разделе – ссылки на статьи Основных Государственных Законов (Собрание Узаконений, 1906 г., отд. 1, № 98), а по вопросам Престолонаследия – на Полное Собрание законов Российской Империи (Собрание Третье. № 5868, 23 марта 1889 г.).
6. Корево Н. Наследование Престола по Основным Государственным Законам. Париж, 1922, с. 12–15, 43. Памятка русского монархиста. Несколько возражений и ответов по вопросам законопослушного движения. Берлин, 1927, с. 16–17, 21–23; Кокошкин М. Крестовый поход. Шанхай, 1930, с. 19–20.

7. Открытое письмо рядовых Русских людей, вынесших на плечах своих германскую войну и антибольшевистское движение, членам Парижского Монархического совещания. Мюнхен, 1921, с. 14, 18–19.

8. *Даватиц В.* Годы. Очерки пятилетней борьбы. Белград, 1926, с. 54–55.

9. Статьи *Н. Тальберга, Н. Маркова 2-го, Г. В. Немировича-Данченко, С. Толстого-Мило-славского* и др. в журнале Двуглавый орел. Берлин, № 3, 1 (14) марта 1921 г.; № 9, 1 (14) июня 1921 г.; № 10, 15 (28) июня 1921 г.; № 20, 15 (28) ноября 1921 г.; № 17, 1 (14) октября 1921 г.; Из российских публицистов конца XX столетия данные оценки повторялись *В. В. Кожиновым, О. А. Платоновым, С. Г. Кара-Мурзой* и их последователями: *Кожинов В.* Правда сталинских репрессий. М., 2007, с. 46–50; *Платонов О. А.* Терновый венец России. М., 2000; *Кара-Мурза С. Г.* Гражданская война 1918–1921 гг. – урок для XXI века. М., 2002.

10. Двуглавый орел. Берлин, № 1, 14 (27) сентября 1920 г., с. 2, 4; Памятка русского монархиста. Несколько возражений и ответов по вопросам законопослушного движения. Берлин, 1927, с. 28–29;

11. Памятка русского монархиста, с. 3; *Мельгунов С.П.* Судьба Императора Николая II после отречения. Париж, 1951, с. 39–40.

12. ГА РФ. Ф. 9427. Varia. Оп. 1. Д. 126. Л. 17; *Родзянко М.В.* Государственная Дума и февральская революция // Архив русской революции. Берлин, 1922, т. VI, с. 61; см. также опубликованные свидетельства: сборник – Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. Л., 1927, а также: *Савич С. С.* Отречение от Престола Николая II // Отечество. Архангельск, 10 января 1919 г.; 11 января 1919 г.; 12 января 1919 г.; *Демидов И.* Три революционера // Дни. Берлин, № 219, 21 июля 1923 г.; *Данилов Ю.Н.* Великий Князь Николай Николаевич. Париж, с. 306.

13. Из воспоминаний Л. if. *Гучкова.* Заговор // Последние новости. Париж, № 5647, 9 сентября 1936 г.; № 5651, 13 сентября 1936 г.; *Данилов Ю.Н.* Указ, соч., с. 314–316; Дневники Императора Николая II. М., 1991, с. 625.

14. *Корево Н.* Указ, соч., с. 28.

15. *Коркунов Н. М.* Государственное право. СПб., 1901, т. 1. с. 230; *Ивановский В. В.* Государственное право. Казань, 1908, с. 388; *Зызыкин М.В.* Царская власть и Закон о Престо- лонаследии в России. София, 1924.

16. *Каменский А. Н.* Император Михаил II. От Петербурга до Харбина. Пермь – Москва, 1994–2005, с. 19; *Корево Н.* Указ, соч., с. 30.

17. *Савич Н.В.* Воспоминания. СПб., 1993, с. 220.

18. Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. Л., 1927, с. 109–110, 222.

19. *Мордвинов А. А.* Последние дни Императора. // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. Л., 1927, с. 109–110; *Кокошкин М.* Указ, соч., с. 13.

20. *Набоков В.Д.* Временное правительство и большевистский переворот. Лондон, 1988, с. 27.

21. Согласно воспоминаниям профессора Ю.В. Ломоносова, «бумагу об отречении» неоднократно пытались изъять и уничтожить. *Ломоносов Ю. В.* Воспоминания о мартовской революции. Стокгольм – Берлин, 1921, с. 57–60; *Кокошкин М.* Крестовый поход. Шанхай, 1930, с. 5; *Изместьев Ю.В.* Россия в XX веке. Нью-Йорк, 1990, с. 205–206; ГА РФ. Ф. 523. Он. 2. Д. 23. Л. 48; *Коркунов ИМ.* Указ и закон. СПб., 1894, с. 16–19, 32–33.

22. Русский инвалид. Петроград, № 56, 5 марта 1917 г.; Собрание узаконений и Распоря- жений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Петроград, № 54, 6 марта 1917 г., Отдел 1, ст. 344.

23. Документы к «Воспоминаниям» генерала А. С. Лукомского // Архив русской револю- ции. Берлин, 1921, т. III, с. 264–265; Телеграмма Николая II Михаилу Александровичу Рома- нову // Новый журнал. Нью-Йорк, № 149, 1982.

24. Керенский А. Ф. Революция 1917 года // История России, Иркутск, 1996, с. 383–384. Подробнее о политической роли масонства, его участии в событиях февраля 1917 г. см.: Авре-хА.Я. Масоны и революция. М., 1990, а также Яковлев Н. 1 августа 1914. М., 2003.

25. Документы к «Воспоминаниям» генерала А. С. Лукомского // Архив русской рево-люции. Берлин, 1921, т. III, с. 258–259; ГА РФ. Ф. 5881. Он. 2. Д. 366. Лл. 14–15; Данилов Ю. Н. Указ, соч., с. 364; Романовы в первые дни революции // Красный архив, т. 5 (24), 1927, с. 208–209.

26. ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2100а. Л. 5; Набоков В.Д. Указ, соч., с. 28; Э.Г. фон Валь. Значение и роль Украины в вопросе освобождения России от большевиков на основании опыта 1918–1920 гг. Таллин, 1937, с. 61–62.

27. Чебышев Н. Н. Близкая даль. Париж, 1933, с. 178–179; Из воспоминаний А. И. Гуч-кова. Временное правительство // Последние новости. Париж, № 5658, 20 сентября 1936 г.; Верховное Командование в первые дни революции // Архив русской революции, т. XVI. Бер-лин, 1925, с. 279–288; Измestьев Ю.В. Россия в XX веке. Нью-Йорк, 1990, с. 149–150; Камен-ский А. Н. Указ, соч., с. 19.

28. Совершенно лично и доверительно. Б. А. Бахметев – В. А. Маклаков, переписка. 1919–1951 гг. Под ред. О. В. Будницкого, т. 3. М., 2002, с. 164, 370–371; Маклаков В. А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. Париж, 1961, с. 357.

29. ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2100а. Л. 7; Собрание Указов и Распоряжений Прави-тельства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Петроград, № 54, 6 марта 1917 г., ст. 345.

30. Якобий И. П. Император Николай II и революция. 1938, с. 195–196; Набоков В.Д. Указ, соч., с. 32–33.

31. Могилянский Н. Свидание и разговор с Великим Князем Михаилом Александрови-чем // Русская мысль. Прага, 1922, кн. VI–VII, с. 266–267; Родзянко М.В. Указ, соч., с. 62.

32. Савин Н.В. Воспоминания. СПб., 1993, с. 224–225.

33. Савин Н.В. Указ, соч., с. 199–200; Шаховской В.Н. Sic transit Gloria mundi (так про-ходит мирская слава). Париж, 1952, с. 201–202.

34. Вестник Временного правительства. Петроград, № 1, 5 марта 1917 г.; Савин Н.В. Указ, соч., с. 224; Керенский А. Ф. Указ, соч., с. 389; Частное Совещание членов Государственной Думы // Воля народа. Прага, № 153, 15 марта 1921 г.

35. Родзянко М.В. Указ, соч., с. 72.

36. Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правитель-ствующем Сенате. Петроград, № 63, 19 марта 1917 г., ст. 368.

37. Милуков П.Н. История второй русской революции. София, 1921, т. 1, вып. 1, с. 55–56; Родзянко М.В. Указ, соч., с. 70; Набоков В.Д. Указ, соч., с. 108.

38. Там же. с. 48–49, 101; Русский инвалид, Петроград, № 58, 8 марта 1917 г.; № 62, 12 марта 1917 г.; Речь, Петроград, № 100, 30 апреля 1917 г.; Временное Правительство после Октября // Красный архив, т. 6, 1924, с. 199–200; Дневники Императора Николая II. М., 1991, с. 642–643, 645.

39. Русский Инвалид. Петроград, № 58, 8 марта 1917 г.

40. Берендтс Э. Н. Из воспоминаний старого сенатора (Заседания 1 Департамента Пра-вительствующего Сената 5 и 9 марта 1917 г.) // Жизнь. Ревель, № 3, 22 апреля 1922 г.

41. Шульгин В. В. Подробности отречения. Речь. Петроград, № 57, 8 марта 1917 г.

42. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 410. Л. 1; Петроградские ведомости. Петроград, № 43, 16 марта 1917 г.; Русский Инвалид. Петроград, № 61, 11 марта 1917 г.; Шаховской В.Н. Указ, соч., с. 208.

43. Русский инвалид. Петроград, № 64, 15 марта 1917 г.; Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне, т. II. Париж, 1939, с. 180; Романовы в первые дни революции // Красный архив, т. 5 (24), 1927, с. 208–209.

44. Положение о выборах в Учредительное Собрание (с приложением Наказа, расписания числа членов Учредительного Собрания и постановлений Временного правительства). Пг., 1917.

45. ГА РФ. Ф. 6611. Оп. 1. Д. 1. Л. 315; Правительственный вестник. Омск, № 57, 31 января 1919 г.; Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне, т. II. Париж, 1939, с. 180–181.

46. Набоков В. Д. Указ, соч., с. 26; Кореев Н. Указ, соч., с. 28–30.

47. Омские епархиальные ведомости. Омск, № 12, 19 марта 1917 г.; Памятка русского монархиста, с. 20–21.

48. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 298. Лл. 1—22; Двуглавый орел. Берлин, № 9, 1 июня 1921 г., с. 3–9; Кокошкин М. Указ, соч., с. 26–29.

49. Головин Н. Н. Указ, соч., с. 91.

Глава 2

Формирование первоначальных элементов Белого движения. Выступление генерала Корнилова и его значение в становлении военно-политической программы Белого движения (весна – лето 1917 г.)

Политическая программа Белого движения создавалась во многом на основе опыта развития российской государственности начала XX столетия и попыток восстановить прерванную событиями февраля связь между политическими системами Российской Империи и России, «освобожденной от большевизма». После отречения Государя Императора Николая II и Великого Князя Михаила Александровича от Престола для всех последующих политических образований основными были вопросы их легитимности и легальности, обоснование (как об этом говорилось в предыдущем разделе) правового и политического фундамента контрреволюции.

Большое значение в этом имел фактор преемственности, о котором, например, говорил на Уфимском Государственном Совещании председатель поволжского Комитета Членов Учредительного Собрания В. К. Вольский. Напомнив собравшимся об отречении В. Кн. Михаила Александровича в пользу Учредительного Собрания, он предостерег от игнорирования этого факта: «... ведь и само Учредительное Собрание явилось не только как один из величайших актов Российской революции, оно явилось формально преемственным... Формальным актом, который предшествовал ему, явился акт отречения от Престола Великого Князя Михаила Александровича, акт о созыве Всероссийского Учредительного Собрания на основе всеобщего, прямого и тайного избирательного права, созыв которого был поручен Временному правительству. Таким образом, юридическая преемственность организации власти предшествовала Учредительному Собранию, и ясно, что и той власти, которая должна создаваться теперь, должна предшествовать государственная преемственность. Разрыв преемственности будет актом, который ослабит самую силу государственной власти...» (1).

Но принципиальная позиция создания представительной власти и новой государственной власти после марта 1917 г. должна была строиться на прочном основании всенародного избрания. Идеи плебисцитарного права, «прямой демократии» доминировали на протяжении не только всего 1917 г., но периодически заявлялись в программных положениях Белого движения в 1918–1922 гг. Это относилось и к лозунгу «непредрешения» основных политических вопросов (в том числе и о форме правления) до созыва «представительного собрания», «избранного народом».

Всероссийское Учредительное Собрание не только решало бы вопрос о форме правления, возрождении династии или создании республики. Оно становилось высшим санкционирующим органом, что соответствовало и российским историческим традициям (в белой прессе неоднократно отмечалась связь Учредительного Собрания с Земским Собором 1613 г.), и политическому опыту периода «думской монархии». Именно поэтому идея созыва представительного органа (правда, уже под названием Национальное Учредительное Собрание) оставалась центральной во всех политических программах белых режимов.

Одним из главных критериев легальности власти для того времени считался фактор законности передачи ее от одной государственной структуры к другой, впредь до окончательного утверждения властной модели представительным Собранием. Это стало одной из причин того, что многие органы исполнительной власти после марта 1917-го назывались Временными (Временное Сибирское правительство, Временное правительство Северной области, Временное Приамурское правительство). Проблему организации власти обосновывали работавшие в составе белых правительств правоведа, специалисты по государственному и гражданскому праву (П. В. Вологодский, Г. К. Гинс, Г. Г. Тельберг, С. С. Старынкевич, Ю. В. Ключников, В. А. Рязановский, В. Н. Челищев, Н. Н. Чебышев, К. Н. Соколов, В. А. Степанов и др.). Разумеется, в условиях гражданской войны было очень сложно соблюдать принципы правовой системы. Тем не менее стремление к этому наблюдалось постоянно.

Но эволюционный принцип легальности власти, основанной на правопреемстве, противоречил концепциям, вызванным захватом власти большевиками и «второй русской смутой», т. е. «революционному правосознанию» и «политической целесообразности». Конфликт этих элементов социально-правовой культуры решающим образом повлиял на эскалацию гражданской войны в России. По высказыванию депутата Учредительного Собрания Н. В. Фомина на заседаниях того же Уфимского Государственного Совещания, «законов революционного времени нет, есть законы старые, есть законы в проекте...». А будущий управляющий делами Уфимской Директории эсер А. Н. Кругликов правомерно заметил, что «в период переустройства Государственное право не откristаллизовано в закон и находится в процессе творчества. Но есть средняя политическая линия, известное право-созидание которой присуще всякой власти. Даже диктатура должна признавать правовые нормы и отвергать изжитые законы. Новая власть будет опираться на писанные нормы с одной стороны и на творимые – с другой». Этот тезис с полным основанием можно отнести к правотворческой составляющей Белого движения (2).

Весной 1917 г. основной политико-правовой статус Временного Всероссийского правительства определялся подготовкой проведения выборов в Учредительное Собрание и обеспечением его работы. Несмотря на провозглашение «полноты власти» и правопреемственности, Временное правительство не отказывалось от необходимости корректировки тех или иных законодательных актов, приведения их в соответствие с «требованиями времени». В этом отношении весьма важной становилась роль Юридического Совещания, созданного при правительстве с целью предоставления «предварительных юридических заключений по мероприятиям Временного правительства, имеющим характер законодательных актов». В него вошли имевшие опыт политико-правовой деятельности В. А. Маклаков (член II–IV Государственной Думы, присяжный поверенный, член московской коллегии адвокатов), М. С. Аджемов (член II–IV Государственной Думы, помощник присяжного поверенного Московской окружной судебной палаты, специалист по уголовному праву), Н. И. Лазаревский (магистр государственного права, автор ряда работ по государственному праву в Российской Империи), Ф. Ф. Кокошкин (приват-доцент кафедры государственного права Московского университета, член I Государственной Думы, исследователь проблем конституционного права), А. Я. Гальперн (присяжный поверенный), Б. Э. Нольде (магистр международного права, юрисконсульт Министерства иностранных дел, член Палаты арбитражного суда в Гааге), В. Д. Набоков (сенатор, пре-

подаватель уголовного права в Училище правоведения в Петрограде). Возглавил Совещание Кокошкин. В большинстве своем члены Юридического Совещания занимали ведущее положение в кадетской партии, что давало основание Нольде называть совещание «быстро спешейся коллегией» кадетских юристов. В составе Совещания также работали правоведы, будущие активные участники Белого движения: К. Н. Соколов (занимался разработкой разделов «Основных законов», относившихся к «организации администрации», «Совета министров»), С. А. Котляревский (разработка проблем «международных сношений, договоров»), В.М. Гессен («гарантии прав гражданской свободы», «подданство, натурализация»), профессор административного права, сенатор В.Ф. Дерюжинский (разделы «организация судов», «Сенат»).

Однако «апрельский кризис» и перемены в составе правительства привели не только к смене отдельных министров, но и к корректировке политического курса (различия в мартовской и майской правительственных декларациях). На смену приоритетам «правопреемственности» и «формального права» пришли приоритеты «фактического» права, «революционного правосознания». В период «двоевластия» наиболее приемлемой считалась модель коалиционных структур, основанных на участии в работе правительства представителей советской вертикали и различных политических партий. Временное правительство все более заявляло о себе как о структуре, наделенной полнотой как исполнительной, так и законодательной власти, претендующей на статус «единоличного правления». Данный процесс усилился после отставки князя Львова и утверждения Керенского в должности главы правительства.

Провал июньского наступления русской армии и попытка вооруженного антиправительственного восстания в июле 1917 г. инициировали поиск новых вариантов укрепления власти. Созыв Московского Государственного Совещания в августе предполагал получение «кредита доверия» правительству как со стороны ведущих партий, так и от различных государственных и общественных организаций – земского и городского самоуправления, кооперации, Русской православной церкви, военных, финансовых, торгово-промышленных «Союзов», командования армии и флота. При невозможности проведения полноценных выборов этот вариант представительства ограничился делегированием депутатов от отдельных общественно-политических и государственных структур. Такую форму организации власти стали впоследствии определять как «общественный сговор». Распорядительное бюро Совещания, созданное при Московской городской думе, включало 2500 человек, прибывших на заседания. В их число входили: от составов всех 4 Государственных Дум – 488 человек, от «крестьян» – 100, от советов рабочих и солдатских депутатов – 129, «городов» – 147, земского и городского союзов – 118, торгово-промышленных организаций и банков – 150, «технических организаций» – 99, «трудовой интеллигенции» – 83, армии и флота – 117, духовенства и духовных организаций – 24, национальных групп – 58, продовольственных комитетов – 90, сельскохозяйственных обществ – 51, кооперативов – 313, профессиональных союзов – 176, комиссаров Временного правительства – 33, представителей военного ведомства – 16, представителей союзных армий – 3, чинов судебных установлений, представителей министерств Временного правительства – 15 человек (3). Государственное Совещание имело важное значение еще и потому, что на нем впервые после февраля 1917 г. была апробирована модель: Правительство плюс Совещание, созываемое на основе максимально широкого представительства «левых» и «правых» партий, общественно-политических, хозяйственно-экономических структур, но лишенное законодательных полномочий. Таким образом, предполагалось, с одной стороны, получить «общественную поддержку» Временного правительства, формально объединявшего полномочия законодательной и исполнительной власти и нуждавшегося в дополнительном санкционировании своих действий. С другой стороны, любые решения созываемого Совещания носили сугубо рекомендательный характер и не затрагивали «суверенности» Временного правительства.

Данная модель управления – правительство в коалиции с созываемым им представительным совещанием – проявлялась впоследствии и в Белом, антибольшевистском движении.

Ее введение объяснялось современниками как «суррогат представительства» при отсутствии законодательной власти в привычных формах парламентской демократии, при невозможности проведения выборов в условиях военных действий.

Период июля – августа 1917 г. – весьма важный этап в истории становления российской контрреволюции. Это время можно считать периодом формирования его основ, синтеза военных и политических методов управления и первичных элементов программы. Это было время деятельности второго и третьего коалиционных кабинетов Временного правительства, по программе своей уже отличавшихся от первого, постфевральского состава, который еще мог претендовать на частичную преемственность от «царской власти» (через посредство акта назначения его председателя князя Львова указом Государя). В это же время состоялось назначение на должность Верховного Главнокомандующего генерала от инфантерии Л. Г. Корнилова. По воспоминаниям А. И. Деникина, после провала июньского наступления «мужественное прямое слово, твердый язык, которым он, в нарушение дисциплины, стал говорить с правительством, а больше всего решительные действия – все это чрезвычайно подняло его авторитет в глазах широких кругов либеральной демократии и офицерства; даже революционная демократия увидела в Корнилове последнее средство, единственный выход из создавшегося отчаянного положения» (4).

«Революционная демократия» в лице Б. В. Савинкова (управляющий военным министерством) и М. М. Филоненко (комиссар при Верховном Главнокомандующем) рассчитывала с помощью Корнилова укрепить власть Временного правительства, покончить с «безответственным влиянием большевиков» на армию и тыл. Эти намерения в целом поддерживал и сам Керенский, стремившийся к упрочению своего премьерского статуса. По словам Савинкова, «Керенский принципиально высказался за необходимость твердой власти в стране, и, таким образом, открывалась возможность попытаться поднять боеспособность армии» (5).

Все настойчивее заявляла о себе новая политическая сила, также выдвигавшая Корнилова в качестве своего лидера, – «контрреволюция справа», по определению Керенского. Эта политическая сила опиралась на некоторые организации либерального лагеря, остатки монархических структур и военные союзы. Синтез именно этих элементов стал в 1917 г. основой будущего Белого движения.

Политические партии, несмотря на открывшиеся перспективы для работы, связанные с подготовкой и проведением выборов в Учредительное Собрание, нередко уже не успевали отражать всей противоречивости политического положения в России после февраля 1917 г. Востребованность же политических программ и активных действий стремительно нарастала. По свидетельству князя Ухтомского, адъютанта Корниловского ударного полка, «так как после отречения монарха революционная борьба свелась к борьбе за оставленную им власть... все, волей или неволей, должны были в ней участвовать. Офицерам казалось, что в первую очередь надо объединиться вокруг одной из партий. Остановили свой выбор на конституционно-демократической партии». Избранный офицерами-корниловцами оргкомитет отправил обращение в ближайший к фронту Киевский отдел кадетской партии, запросив «литературу, указания и кого-либо из ответственных деятелей... Но из Киева был получен ответ, где говорилось, что ЦК партии пересматривает в настоящее время свою программу и потому ничем не может помочь...».

Действительно, в официальных резолюциях кадетов в июле – августе 1917 г. отсутствовали ориентиры на организацию политической работы в армии, перспективы и важность которой они, в отличие от большевиков и эсеров, явно недооценивали. Основное внимание кадетов занимали вопросы государственного устройства (формы федерации), аграрно-крестьянской программы и подготовки к выборам в Учредительное Собрание. Во время работы 9-го съезда партии (23–28 июля 1917 г.) лишь в качестве «дополнения» к партийной программе были приняты тезисы «Об организации армии и флота», написанные будущим членом деникинского

Особого Сопещения В. А. Степановым. В них основное внимание уделялось будущей организационной структуре армии: президент Российской республики – в качестве «верховного вождя армии и флота», отмена корпоративного статуса гвардии и Генерального штаба, территориальная система комплектования, строевой ценз и др. (6).

Развитие политических процессов в послефевральской России объективно выдвигало на ведущие позиции такие межпартийные и надпартийные общественно-политические структуры, из которых многие строились не на формальном членстве, а на основе личных контактов, совместной работы в Государственной

Думе или в Государственном Совете, в прессе, земском и городском самоуправлении. Определенную роль играл и такой специфический фактор, как участие ряда членов этих объединений в масонских ложах. Правда, в постфевральской России необходимость «тайного» членства теряла свою актуальность. Многие из этих коалиционных структур просуществовали недолго, не более нескольких месяцев, но некоторые впоследствии стали «общественной» опорой Белого движения, участвуя в работе белых правительств, разработке политических программ, организации белого подполья на территории Советской России.

Процедура регистрации общественно-политических структур после февраля 1917 г. была существенно упрощена. Согласно Постановлению Временного правительства «О собраниях и союзах» от 12 апреля 1917 г., «все без исключения российские граждане имеют право, без особого на то разрешения, образовывать общества и союзы в целях, не противных уголовным законам». «Общества и союзы» могли «объединяться с другими обществами и союзами» (так создавались обширные политические коалиции) и обладали полнотой прав юридического лица (могли «приобретать и отчуждать недвижимое имущество, образовывать капиталы, вступать в обязательства»). Лишь в случае нарушения уголовного законодательства данные структуры ликвидировались «по решению суда».

В середине мая вступили в силу новые «Правила о регистрации товариществ, обществ и союзов». Для регистрации в особые отделения, создаваемые при местных окружных судах, предоставлялся только устав, отклонявшийся «в том случае, если устав не соответствовал требованиям действующих законов». Упрощенная процедура позволяла быстро (регистрация занимала не больше месяца) учреждать новые общественно-политические структуры, даже монархические, если в уставе не содержалось, например, «призывов к свержению новой власти» и «возврата к старому строю».

Бывшие дворянские собрания, например, преобразовывались в «Общества родословной книги». По воспоминаниям члена Симбирского окружного суда кадета С.П. Руднева, ему «удалось очень быстро зарегистрировать» уставы Союза сельских хозяев, Союза домовладельцев, Союза торгово-промышленного, Союза служащих правительственных учреждений, а также Союза мелких торговцев и промышленников. Последний проявлял наибольшую активность, и «если бы раньше и длительно велась работа по объединению этого мещанства, подлинного мелкого буржуа, то не так-то легко взяли бы верх разные рабочие профессиональные союзы... также Союзы под опытным и влиятельным руководством могли бы стать силою, с которой не так-то легко справились бы Советы рабочих депутатов...».

Из общественных организаций, ставших позднее элементами Белого движения, в 1917 г. достаточно активно работали Союз сельских хозяев и возобновивший свою деятельность Всероссийский Союз земельных собственников (образован при непосредственном участии Совета объединенного дворянства еще в 1907 г.). Союз собственников был «открыт» и для крестьян, причем руководство рассчитывало на существенное пополнение состава организации за счет зажиточных отрубников и хуторян-землевладельцев, заинтересованных в сохранении «порядка» в деревне. Они продолжали взаимодействовать и на местном уровне, составляя «оппозицию» советам крестьянских депутатов и земельным комитетам. В июле и сентябре 1917 г. в Москве прошли съезды Союза земельных собственников. Были избраны Главный

Совет (во главе с одним из основателей партии прогрессистов, председателем Саратовской губернской земской управы Н.Н. Львовым) и Бюро Союза (во главе с бывшим членом Государственного Совета, помощником П.А. Столыпина – В. И. Гурко). Низовые ячейки Союза выдвигали кандидатов на выборах земского и городского самоуправлений по новому законодательству Временного правительства, готовились к выборам в Учредительное Собрание. Делегации от Союза участвовали в работе Московского Государственного Совещания (25 делегатов, из числа которых 15 – крестьяне-собственники) и Совета Республики (Предпарламент).

На заседаниях Главного Совета и Пленума Главного Совета Союза (29–31 июля 1917 г.) в выступлениях докладчиков отмечались проблемы, связанные с произвольно осуществляемым крестьянскими советами и комитетами законом Временного правительства от 12 июля о запрете частных земельных сделок и передаче всех земельных правоотношений под контроль земельных комитетов (т. н. «закон Чернова»). В разрешении данных проблем большое значение имела работа создаваемых Союзом юридических секций местных губернских и уездных отделений, осуществлявших не только консультации по земельному и гражданскому законодательству, но и обжаловавших «самочинные» действия нарушителей прав собственников в судах и органах прокурорского надзора. Союз намеревался обжаловать «закон Чернова» в Сенате при поддержке члена Юридического Совещания В. А. Маклакова. Высказывались также пожелания работать в тесном контакте с местными отделениями Союза домовладельцев. На сентябрьском съезде с докладами выступали бывшие министры земледелия А. В. Кривошеин и А. А. Риттих, жестко критиковавшие аграрную политику Временного правительства, проекты «социализации земли».

Показательно, что руководство Союза земельных собственников не только оценивало пути решения тех или иных земельных проблем, но и активно критиковало политику Временного правительства. В итоговом докладе на Пленуме Совета Союза Львов выступил с речью, в которой наметил основные перспективы общественно-политической работы Союза, связанные с возможным участием в выборах в Учредительное Собрание. Деятельность организации следовало вывести за рамки сугубо земельно-правовых отношений: «Необходимо создать одно большое течение в русской жизни – течение патриотическое и государственное, надо объединить все честные и здравомыслящие силы России в борьбе против разрушительных начал социалистических течений... необходимо организовать широкий, смелый напор против социалистических партий для спасения России». Анализируя проблемы современного политического положения, Львов отметил как историческую обусловленность февральских событий (когда монархисты «не хотели революции, а лишь добивались сдвинуть власть с ее позиции самозащиты и направить ее к защите государства... монархист Родзянко вынужден был протянуть руку революции»), так и ошибочность непринятия Престола Великим Князем Михаилом Романовым («в момент переворота организованными оказались лишь организованные революционные группы в лице рабочих депутатов... Временное Правительство было вынуждено отказаться от мысли вступления на Престол Михаила Александровича и допустить уничтожение власти во всей России»). Львов отмечал: «Защищая собственность, мы защищаем государственность, но наша задача, забыв свои интересы, – создать силу, объединенную любовью к своей отчизне и ненавистью к врагам ее, которые готовы пожертвовать Россией, кто из-за торжества революции, а кто из-за немецких денег. Россия хочет жить для себя, а не для Петербурга, и Россия добьется для себя истинной свободы, а не фиктивной свободы, выражающейся в деспотизме социализма». Закономерностью стало поэтому активное участие многих деятелей Союза, его руководителей (Гурко, Кривошеин, Львов) в Белом движении, в разработке идеологии его правого политического сектора (Правый Центр, Совет Государственного Объединения России).

Общественная критика «углубления революции» шла и со стороны учрежденной 7 июня 1917 г. Лиги русской культуры. Лига издавала журналы «Русская свобода» и «Русская мысль».

В ее Временный Совет вошли Струве, Родзянко, Савич, Шульгин, Карташев, епископ Уфимский Андрей (Ухтомский). Учредителями состояли известные философы и писатели Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, С. Л. Франк. Из известных либеральных политиков в Лиге состояли В. А. Маклаков, Н.Н. Львов, С. А. Котляревский. Практически все они участвовали позднее в формировании политического курса российского Белого движения. Обращения «К русским гражданам» и «К русской молодежи» должны были усилить идеологию российской государственности, противостоять «классовой ограниченности русской революции» (7).

Но «опора на общественность» лишь тогда становилась прочной, когда «власть» и «общественность» действовали сообща. После отставки с поста военного министра А. И. Гучков начал работу «по объединению в борьбе с анархией здоровых элементов страны и армии». По его инициативе и при поддержке директоров Русско-Азиатского и Петроградского международного банков – А. И. Путилова и А. И. Вышнеградского – было образовано Общество экономического возрождения России. Гучков вспоминал впоследствии: «Мы поставили себе целью собрать крупные средства на поддержку умеренных буржуазных кандидатов при выборах в Учредительное Собрание, а также для работы по борьбе с влиянием социалистов на фронте. В конце концов, однако, мы решили собираемые нами крупные средства передать целиком в распоряжение генерала Корнилова для организации вооруженной борьбы против совета р. и с. депутатов». Тесно связанным с организацией Гучкова – Путилова был Республиканский Центр, возглавляемый инженерами П.Н. Финисовым и К. В. Николаевским, и т. н. Совет Московских общественных деятелей (структура, объединявшая в своих рядах различных политических деятелей и некоторых военных). В Совете большим авторитетом пользовались члены Комитета Государственной Думы. По организации и направленности работы Совет можно было бы считать преемником Комитета, особенно после официального закрытия последнего. В свою очередь, в 1918 г. Совет Московских общественных деятелей стал основой для формирования коалиционных, межпартийных объединений – Правого Центра и Всероссийского Национального Центра. К сожалению, секретная документация Республиканского Центра, равно как и Совета Московских общественных деятелей, оказалась уничтожена, а архив Республиканского Центра бесследно исчез после кончины Николаевского в Париже в 1936 г.

Совет ставил себе в заслугу инициативу созыва Московского Государственного Совещания в августе 1917 г. Политический авторитет Совета поддерживался благодаря участию в его работе известных политиков и военных (Родзянко, Милюкова, генералов Алексеева, Юденича, Корнилова). Причем именно в Совете пытались преодолеть традиционное отчуждение военных и политических сфер. На его первом совещании 8—10 августа, прошедшем в т. и. «словесной аудитории» Московского университета, выступали с докладами члены Союза офицеров и Республиканского Центра. На втором, гораздо более многочисленном, прошедшем в большом зале кинотеатра «Унион» 12 октября 1917 г., выступали генералы Брусилов и Рузский, делегат Черноморского флота Ф. И. Баткин. Членами Совета были известный правовед, профессор П. И. Новгородцев, философ Н. А. Бердяев, бывший редактор «Правительственного вестника» в 1913–1916 гг. князь С. Д. Урусов, бывший товарищ министра внутренних дел Временного правительства С. М. Леонтьев, сотрудник газеты «Русские Ведомости» А. С. Белевский (Белоруссов). Председателем Совета был избран Родзянко, а товарищем председателя стал генерал Алексеев. Итогом работы первого совещания стало издание специального сборника, в котором содержалось обращение к Временному правительству, написанное Милюковым: «... правительство, сознающее свой долг перед страной, должно признать, что оно вело страну по ложному пути, который должен быть немедленно покинут... правительство должно немедленно и решительно порвать со служением утопиям, которые оказывали пагубное влияние на его деятельность...». Важно отметить, что уже во время первого заседания Совета многие его участники, ставшие позднее идеологами Белого движения, отмечали главные тенденции политического развития. П. Б. Струве проводил одну из любимых своих параллелей со Смут-

ным временем: «Сейчас в России есть также два вида или две породы людей, которые были в грозное смутное время XVII века: прямые и кривые. Одни стоят за Российское государство, за его оборону, за его целостность и честь; другие – в темной воде политической смуты и хозяйственной разрухи производят захваты и разрушают господство права, подрывают народное согласие, мощь вооруженной силы и, наконец, подрывают народное хозяйство». Об опасности революционной идеологии эсеровской партии говорил И. А. Ильин. Генерал Алексеев отстаивал идею важности сохранения вооруженных сил: «В ряду прочих факторов армия имеет громадное значение для будущего России. Будет армия драться, будет она одерживать победы – Россия спасена; будет продолжаться бегство – и, быть может, не будет России» (8).

Второй, хотя и немногочисленной в то время, составляющей «контрреволюции» были монархисты. Не имея возможности работать легально, они действовали через структуры, объединявшие военных и политиков (Союз воинского долга, возглавляемый полковником Ф.В. Винбергом) и не провозглашавшие открыто монархических принципов. По словам Винберга, «под флагом официальных лозунгов собиралась, объединялась и сплачивалась известная группа офицеров, связанных общностью убеждений и чувств, переживаемых в страшную годину бедствий нашей несчастной Родины». Из Союза «вышло на патриотическую работу, монархическим принципом проникнутую, много честных, даровитых, полезных, идейных людей». В 1917 г. большинство монархистов поддерживало Корнилова в его намерениях установить в стране режим единоличной власти, рассматривая ее как один из этапов к восстановлению монархии. Правда, сам генерал относился к этим планам весьма осторожно. По свидетельству генерала Деникина, когда Гучков, уже после своей отставки, пытался убедить Корнилова в необходимости переворота с целью возведения на Престол Великого Князя Дмитрия Павловича, то генерал заявил, что «ни на какую авантюру с Романовыми не пойдет». В те дни применительно к планам «монархической реставрации» термин «авантюра» звучал достаточно убедительно.

Действительно, никаких сколько-нибудь серьезных попыток восстановления монархии не делалось, хотя уже летом 1917 г. в общественных настроениях наблюдался рост симпатий к «порядку» и «единоличной власти», ассоциировавшейся с возвратом к монархии. В условиях ожидавшегося созыва Учредительного Собрания формула «непредрешения» устраивала многих сторонников восстановления монархии. «Монархическое знамя оставалось свернутым» ради возможностей легальной работы. Ее эффективность не исключалась даже в постфевральской России. По свидетельству Маркова 2-го, «в то время наша работа состояла в собирании осколков дотла разгромленного Союза Русского народа и в посильном создании новой организации монархистов. Пока Императорская Семья находилась в Царском Селе, никаких планов насильственного их освобождения мы не составляли... уже потому, что по этому вопросу имели определенное и несомненное сведение, что Государь Император на такие действия своего соизволения не даст.... Вопрос о насильственном освобождении Государя и Его семьи до сентября 1917 г. серьезно у нас не поднимался. И всякий здравомыслящий человек понимает, что в тогдашней обстановке войны и революции подобное освобождение, если бы оно даже удалось в Царском Селе, неизбежно привело бы к новому и опаснейшему пленению, ибо вывезти их из России без прямого содействия Англии было явно невозможно...» (9).

Наконец, третьей составляющей будущего Белого движения стали сугубо военные организации, из которых выделялся Всероссийский Союз офицеров армии и флота. Ухтомский справедливо называл его «делом рук Алексева и офицеров Генерального Штаба». Его руководство составили офицеры-генштабисты – полковники Л.Н. Новосильцев (сокурсник Корнилова еще по Михайловскому артиллерийскому училищу и член кадетской партии, депутат I и IV Государственной Думы), В. И. Сидорин (будущий командующий Донской армией ВСЮР), С. Н. Ряснянский (будущий начальник разведотдела штаба Добровольческой армии),

Д.А. Лебедев (будущий начальник штаба Ставки адмирала Колчака в 1919 г.). Генерал Алексеев стал почетным председателем Союза.

В ходе Учредительного съезда Союза в Ставке Алексеев и его в то время начальник штаба генерал-лейтенант А. И. Деникин выступили с докладами, которые, по оценке генерала Головина, можно было бы считать своеобразным «психологическим истоком русской контрреволюции». На съезде выступали также члены ЦК кадетской партии П.Н. Милюков, Ф. И. Родичев, А. И. Шингарев, известный монархист В.М. Пуришкевич. Алексеев говорил о «падении воинского духа Русской Армии», но отмечал и отсутствие в стране «той мощной власти, которая заставила бы каждого гражданина нести честно долг перед Родиной». Показательно, что в частной переписке, в своем дневнике Алексеев в июне – июле 1917 г. еще более пессимистично оценивал способности Керенского («фигляр-министра») и на посту военного министра, и на посту премьера: «Керенский не умеет стать выше партийного работника той партии, из которой он вышел; он не имеет силы отрешиться от ее готовых рецептов; он не понимает того, что армия в монархии и республике должна существовать на одних и тех же законах организации и бытия, он мечтает о сохранении в армии «завоеваний революции»; «будем снова болтаться между тремя соснами и искать путь, который ведет к созданию какой-то фантастической «революционной» армии», «... или Керенский печально сойдет со сцены, доведя Россию до глубокого военного позора в ближайшее время, или он должен будет очнуться, излечиться от своего самомнения и сказать себе, что время слов прошло, что нужна палка, власть, решимость».

Для понимания политических взглядов Алексеева необходимо учитывать, что, несмотря на все контакты (весьма эпизодичные) с представителями «общественности» в 1916 г., т. н. «переписку с Гучковым» (так и не начавшуюся, за исключением безответного письма самого Гучкова), генерал-адъютанта не без оснований подозревали как сторонника «контрреволюции» и «реакции». Родзянко в своем письме к главе правительства князю Львову (18 марта 1917 г.) давал весьма недвусмысленную характеристику бывшему начальнику штаба Государя: «Вспомните, что генерал Алексеев являлся постоянным противником мероприятий, которые ему неоднократно предлагались из тыла как неотложные; дайте себе отчет в том, что генерал Алексеев всегда считал, что армия должна командовать над тылом, что армия должна командовать над волею народа и что армия должна как бы возглавлять собою и правительство, и все его мероприятия; вспомните обвинение генерала Алексева, направленное против народного представительства, в котором он определенно указывал, что одним из главных виновников надвигающейся катастрофы является сам русский народ в лице своих народных представителей. Не забудьте, что генерал Алексеев настаивал определенно на немедленном введении военной диктатуры (очевидно, имелся в виду проект, предложенный Государю 15 июня 1916 г. и предусматривавший введение должности «верховного министра государственной обороны», обладавшего верховной властью «во всех внутренних областях Империи». – В.Ц.). Для меня генерал Алексеев является почетным и достойным всякого уважения, доблестным, честным и преданным Родине воякою, который не изменит своему делу, но поведет его лишь в тех пределах, в какие оно укладывается точным соотношением с его мирозерцанием».

Временный Комитет Государственной Думы на своем заседании 19 марта 1917 г. признал, что «предыдущая деятельность генерал-адъютанта Алексева, последовательно в роли начальника штаба Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта, Главнокомандующего армиями Западного фронта и, наконец, начальника штаба Верховного Главнокомандующего, а равно его отношение к вопросам внутренней политики, свидетельствующее о непонимании им настоящего момента, не дают уверенности в возможности успешного осуществления им задач Верховного командования армиями», и рекомендовал Временному правительству заменить Алексева генералом Брусиловым. И хотя формальная отставка произошла позднее,

подобное «давление», несомненно, сыграло не последнюю роль в смещении Алексева с поста Главковерха (10).

Но эти требования «твердой руки», насущно необходимой «во имя завещанной Государем победы над врагом», стали основой будущей идеологии Белого движения, выдвигавшейся прежде всего российским офицерством. Эти требования вполне разделял и почетный председатель Союза офицеров, и многие общественно-политические структуры, зарождавшиеся в конце весны – начале лета.

По воспоминаниям полковника Ряснянского, «в начале апреля 1917 г... на фронте было спокойно, и обычная оперативная работа была небольшая, но свободного времени не было, так как появилась новая отрасль работы – политическая...». Достаточно четко «политическое кредо» выражалось в декларации об образовании Всероссийского Союза офицеров армии и флота: «...2 марта в России пала старая власть. Вместе с ней пала и старая организация страны. Перед гражданами России встала первейшая и неотложная задача организовать страну на началах свободы, равенства и братства, чтобы из хаоса революции не ввергнуть государство на путь разложения и анархии... На командный состав и на корпус офицеров выпала тяжелая задача видоизменить, в тяжелый период военных действий, организацию армии в духе начал, выдвинутых революцией, не нарушая, однако, основ военной организации...». Влиянием «революционного времени» можно было объяснить пункт декларации, согласно которому «в число членов Союза не могут быть приняты бывшие офицеры отдельного корпуса жандармов и бывшие офицеры полиции».

Майский съезд в Ставке утвердил устав Союза офицеров, его руководящие структуры. Дальнейшая деятельность Союза продолжалась уже в сфере «установления общности работы с национально настроенными группами – политическими, общественными и промышленно-торговыми». «Взаимоотношения Офицерского Союза с указанными кругами мыслились в следующей форме: Союз дает физическую силу (офицерские кадры. – В.Ц.), а национальные и финансовые круги – деньги и оказывают, где нужно, политическое влияние и на руководство».

К середине лета Союз имел уже обширную сеть на фронте: «...не было армии, в которой бы не было нескольких его отделений». Далее предполагалось открыть отделения Союза во всех военных округах и крупных городах. Создание этих «союзных» структур предполагало не только пропаганду в духе укрепления армии и борьбы с анархией в тылу, но и прием новых членов, а также поиск информации об антиправительственной деятельности социалистических партий, прежде всего большевиков. Собиралась информация о тех армейских комитетах, которые, по мнению членов Союза, «наносили вред» боеготовности фронта. Таким образом, определяющей чертой деятельности Союза становилась «борьба с внутренним врагом».

Члены Главного Комитета установили контакты с известными политиками: П.Н. Милюковым, В. А. Маклаковым (до его отъезда в Париж), П.Б. Струве, Н.В. Савичем и др. Далеко не последнюю и вполне самостоятельную роль сыграл Союз офицеров накануне «корниловщины». По свидетельству Ряснянского, «группа образовавшихся из состава Главного Комитета отдела Союза офицеров при Ставке, всего в составе 8—10 человек (во главе ее стоял полковник Сидорин. – В.Ц.), и занявшая конспиративной деятельностью, поставила себе ближайшей задачей организовать среди офицеров группу верных идее Национальной России. Вождем, за которым предполагалось идти, был генерал Корнилов. Корнилову об этом ничего не было сказано». При этом «... часть членов Главного Комитета образовала группу, вошедшую в связь с некоторыми другими организациями... Конспиративные группы того периода представляли собой небольшие группы, главным образом офицеров, ничем не связанных и даже враждовавших между собою... но все они были антибольшевистскими и антикеренскими...». Именно из этих групп предполагалось организовать мобильные офицерско-юнкерские отряды, с помощью которых захватить центральные учреждения Петрограда и арестовать Петроградский Совет (11).

Еще раньше, 30 марта 1917 г., в Петрограде прошло учредительное собрание Военной лиги (председатель – генерал-майор Федоров). Целью Лиги провозглашалось оказание «всемерного содействия и самой широкой поддержки к охранению, закреплению и усилению боеспособности Российских армии и флота», а также «обслуживание лишь профессиональных интересов дела государственной обороны, исключая из сферы своей деятельности политику как таковую». Но в условиях «разложения армии и тыла» участие в политике становилось неизбежным. В воззвании «Офицеры и солдаты!» заявлялось: «Свобода, завоеванная внутри страны, отнюдь не обеспечена от опасности извне. И борьба с этой внешней опасностью – с занесенным над нами прусским стальным молотом – во много раз серьезнее и тяжелее, чем с тем царизмом, который всеми единодушно признан давно прогнившим».

Среди учредителей Лиги были будущие деятели Белого движения: полковник Лебедев (он состоял и в Союзе офицеров), капитан 1 ранга Б. А. Вилькицкий. Лига издавала газету «На страже», закрытую, как и сама Лига, после выступления генерала Корнилова (12).

В описываемый период формировались заново и продолжали свою начавшуюся еще до февраля 1917 г. работу Союз георгиевских кавалеров (председатель – капитан Скаржинский), Союз увечных воинов, Союз бежавших из плена (председатель – полковник Крылов). Преимуществами подобных структур было то, что они, имея легальный статус юридических лиц, обладая хорошей военной организацией и дисциплиной, имели разветвленную сеть в тылу, чего не хватало Союзу офицеров и Военной лиге. Союз георгиевских кавалеров располагал организованной «дружиной», участвовавшей в разоружении частей Петроградского гарнизона, выступивших против Временного правительства 3–5 июля 1917 г.

Налаживалось взаимодействие и между различными организациями и союзами. 31 июля и 7 августа 1917 г. состоялись совместные заседания Союза и Лиги, на которых было принято решение о создании т. н. Союза народной обороны, в который, помимо двух вышеуказанных организаций, могли бы войти также Союз георгиевских кавалеров, союз «Честь Родины», Союз добровольцев народной обороны, Союз «Армия чести», добровольческая дивизия, батальон свободы, Общество 1914 года. Сопоставляя различные источники, можно отметить также слаженную работу Республиканского Центра и Союза офицеров, действовавшего не только через Ставку, но и через военный отдел Республиканского центра во главе с вице-адмиралом А. В. Колчаком (до его отъезда в САСШ в июле 1917 г.) и полковником Л.П. Десиметьером. По сведениям полковника Новосильцева, с Колчаком в июле нелегально встречался Милюков. О своей конспиративной работе с будущим Верховным Правителем писал В. В. Шульгин. Считалось, что командировка Колчака в Америку вызвана подозрениями Керенского в отношении нелегальной деятельности популярного флотоводца. Благодаря персональному представительству осуществлялась координация планов военных союзов: полковники Сидорин (Союз офицеров) и Винберг (Союз воинского долга) входили в состав военного отдела Центра. Существовали контакты Центра с Союзом Георгиевских кавалеров, Союзом бежавших из плена (его члены – нижние чины – пользовались своим «статусом», получая информацию из солдатской секции Московского совета). В случае объявления Петрограда на военном положении (по плану Ставки) и при вооруженном выступлении большевиков, опиравшихся на Петроградский Совет, члены военных организаций должны были захватить Смольный, арестовать противников Корнилова и поставить Временное правительство перед необходимостью «смены курса» (13).

В отличие от взаимодействовавших между собой военных организаций, у военных и «гражданских» деятелей уже в данный период проявились расхождения в оценке перспектив «контрреволюции». П. Н. Милюков от лица кадетской партии категорически отказывался предоставлять политическую поддержку Главноверху в том случае, «если его выступление будет иметь насильственный и кровавый характер». Лидер кадетов отказался и от контактов

с Республиканским Центром. В то же время члены ЦК партии Ф.А. Родичев и князь П. Д. Долгоруков не исключали необходимости расширения контактов с военными (14).

Финансирование Союза офицеров осуществлялось Обществом экономического возрождения России. Был открыт счет в Русско-Азиатском банке, на который перечислялись пожертвования Общества. Предоставление денег членам Союза офицеров – полковникам Сидорину, Десиметьеру и Пронину – проходило в форме выдачи чеков на получение наличных как под личную ответственность Путилова, так и по согласованию с членами Правления Гучковым и Белоцветовым (15).

10 августа 1917 г., накануне Московского Государственного Сопсовещания, по инициативе М.В. Родзянко состоялась частная встреча членов Комитета Государственной Думы и представителей Союза офицеров (П. Н. Миллюкова, В. А. Маклакова, И. Шингарева, С. И. Шидловского, Н.В. Савича, Л.Н. Новосильцева) на квартире у московского городского комиссара, члена ЦК кадетской партии Н.М. Кишкина. Показательно, что эта встреча стала первой крупной политической акцией после начала работы Совета Московских общественных деятелей. На этой встрече полковники Новосильцев и Пронин выступили с докладами по «программе Корнилова» и заявляли о необходимости «общественной поддержки» генерала. По воспоминаниям Савича, эти доклады производили впечатление «неожиданно наивных и по-детски недуманных... Нам стало ясно, что все, решительно все в этой аванюре не продумано и не подготовлено, есть только болтовня и добрые намерения». Миллюков и князь Г. Н. Трубецкой выступали от кадетской партии, говоря о важности и в то же время о невозможности военной диктатуры без массовой поддержки. После этих выступлений можно было бы поверить, что кадеты поддерживают Корнилова. Об ошибочности подобной уверенности говорил Новосильцеву Маклаков: «Я боюсь, что мы провоцируем Корнилова». В то же время отсутствие официальной поддержки не обошлось без неофициальных встреч. По прибытии Корнилова на Александровский вокзал с приветственной речью выступил Родичев. С Главверхом встречались Юренев и Миллюков.

О поддержке Корнилова заявили и другие военные объединения. 13 августа Корнилову было вручено обращение, подписанное 10 организациями (Военная лига, Союз Георгиевских кавалеров, Союз воинского долга, Союз «Честь Родины», Союз добровольцев народной обороны, Добровольческая дивизия, Батальон свободы, Союз спасения Родины, Общество 1914 года, Республиканский Центр). Считалось, что все они входили в военную секцию Республиканского Центра (16).

Таким образом, по оценке Деникина, летом 1917 г. множество официальных и неофициальных контактов, встреч с политиками и военными «создавало иллюзию широкого, если не народного, то общественного движения, увлекавшего Корнилова роковым образом в центр его». В результате «... суровый и честный воин, увлекаемый глубоким патриотизмом, не искушенный в политике и плохо разбиравшийся в людях, с отчаянием в душе и с горячим желанием жертвенного подвига, загипнотизированный и правдой, и лестью, и всеобщим томительным, нервным ожиданием чьего-то пришествия, – искренне уверовал в провиденциальность своего назначения. С этой верой жил и боролся, с нею же и умер на высоком берегу Кубани» (17).

На прошедшем 12–15 августа Московском Государственном Сопсовещании во многих докладах говорилось о военном, политическом и экономическом кризисе после июльского выступления большевиков в Петрограде и провала июньского наступления на фронте.

Накануне Московский Совет общественных деятелей принял резолюцию, в которой отмечалось: «Драгоценные завоевания русской революции, давшие России свободу, равенство и надежды на широкие социальные реформы, подвергаются самой серьезной опасности. Глубокое расстройство охватило все части народного организма и грозит гибелью родине... во всей стране нет власти, ибо органы ее на местах исчезли в первые дни революции, а заменившие их временные самочинные организации (прямое указание на структуры Советов, которые

в политическом «лексиконе» контрреволюции обозначались этим термином. — В.Ц.), на долю которых выпало сохранение порядка, не обеспечивают населению самых основных условий охраны личной и имущественной безопасности. В стране нет суда и закона, ибо то и другое заменено усмотрением тех же организаций... Правительство, сознающее свой долг перед страной, должно признать, что оно вело страну по ложному пути, который должен быть немедленно покинут во имя спасения родины и свободы... Только такое Правительство, которое не признает этих всенародных задач партийными, может остановить страну на краю гибели и твердою рукою вывести ее на путь спасения. Таким беспартийным Правительством может быть лишь то, которое решительно порвет со всеми следами зависимости от каких бы то ни было комитетов, советов и других подобных организаций».

Об укреплении «порядка и дисциплины» в армии, уважении к офицерству и «вреде комитетов» говорил генерал Алексеев. Об ответственной, независимой от влияния Советов и политических партий деятельности правительства говорил Маклаков. Перефразируя Керенского, говорившего, что «нет родины без свободы», он призывал «ставить Родину выше свободы». Гучков вспоминал об апрельском кризисе и нерешительности правительства в борьбе с «анархией»: «наша теперешняя власть больна тем, что ее нет», «так называемая революционная демократия исключила из своего состава многие и многие элементы нашей, в сущности, демократической страны». Заметный резонанс вызвало выступление донского атамана генерала Каледина. От имени всех казачьих войск он призвал к полному устранению политики из армии, объединению фронта и тыла на основе военных порядков, восстановлению власти командиров, ликвидации армейских советов и комитетов (18).

Таким образом, накануне выступления генерала Корнилова наметилось формирование военно-политической организации, действующей, однако, в рамках легальности. В процессе государственного устройства не исключалась возможность использования аппарата Временного правительства после его «очередной» реорганизации. Технически это было несложно, так как к августу Временное правительство сменило уже третий состав. В политическом плане это означало отказ от «углубления революции» и, по сути, полный разрыв с советами рабочих и солдатских депутатов.

Сам Корнилов изначально не стремился к единоличной власти, допуская вариант Директории, построенной на основе разделения военной и гражданской ветвей власти. Летом 1917 г. цель будущего вероятного диктатора заключалась в достижении социально-политического компромисса с Временным правительством. Позднее эта «средняя линия» станет доминантой в политической программе Белого движения, что отразится и в лозунге «непредрешения». Но если в условиях гражданской войны эта линия была оправданна из-за отсутствия общероссийской легитимной власти, то в 1917 г. «средняя линия» вела к расколу между правительством и армией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.